РУССКИЕ ГОВОРЫ

СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

РУССКИЕ ГОВОРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Часть I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1984

Русские говоры Среднего Приобья/О. И. Блинова, Л. А. Захарова, О. Н. Киселева, В. В. Палагина, Г. А. Садретдинова.— Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985.— Ч. 1.— 11,2 л., 1 р. 70 к. 1000 экз., 4602000000.

В монографии представлены результаты многолетнего (1946—1981 гг.) изучения диалектологами кафедры русского языка Томского университета одной из своеобразных групп русских старожильческих говоров Сибири.

В первой части этой коллективной работы даются краткие сведения о диалектном составе первого среднеобского населения начала XVII в., об исходном состоянии среднеобских говоров, об их группировке и типологическом единстве, фонетическая и морфологическая характеристика каждой группы современных среднеобских говоров.

Для филологов, интересующихся вопросами диалектологии, истории русского языка, фонетики, морфологии, и учителей русского языка средних школ.

Рецензент — д-р филол. наук И. А. Воробьева

Редактор — д-р филол. наук В. В. Палагина

Р $\frac{4602000000}{177(012)-85}$ 137—83

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей исследование является обобщением многолетнего изучения работниками кафедры русского языка Томского университета говоров Среднего Приобья, начатого в 1946 г. и продолжающегося по настоящее время. Почти не известные диалектологической науке XIX — начала XX вв., эти говоры стали объектом внимания томских диалектологов.

Авторский коллектив сотрудников кафедры обобщил имеющиеся работы по современному состоянию и истории среднеобских говоров в виде двух монографий. В первой — выявляется типологическое единство и диалектное членение одной из своеобразных групп русских старожильческих говоров Сибири — акающего диалекта Среднего Приобья, приводятся сведения о диалектном составе русского населения этого региона в период его освоения русскими переселенцами (XVII в.), описывается исходное состояние среднеобских говоров на фонетическом и морфологическом уровнях, дается фонетическая характеристика современных среднеобских говоров. Вторая книга посвящена вопросам лексики, словообразования и синтаксиса.

Работа авторского коллектива над первой книгой распределена следующим образом. Введение написано: § 1, 5, 6 — В. В. Палагиной, § 3, 4 — О. И. Блиновой, § 2 — О. И. Блиновой (об изучении лексики) и В. В. Палагиной (остальная часть); глава I — В. В. Палагиной; в главе II современная фонетическая система описана Г. А. Садретдиновой, исходное состояние — В. В. Палагиной (томские говоры), Л. А. Захаровой (прикетские говоры); в главе III раздел о современном состоянии говоров написан О. Н. Киселевой, об исходном состоя-

нии — В. В. Палагиной (томские говоры) и Л. А. Захаровой (прикетские говоры). Приложение составлено: В. В. Палагиной (библиографический указатель), Г. А. Садретдиновой (карты), Г. Н. Стариковой (списки условных сокращеиий).

Редактор

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Регион распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья

Регионом распространения русских старожильческих среднеобских говоров является территория по р. Томи (от д. Салтымаково Крапивинского района Кемеровской области до впадения ее в р. Обь), по р. Оби (от южной границы Кожевниковского района до Александровского района Томской области), по притокам р. Оби: Парабели, Чулыма, Кети, Васюгана, Тыма и др. в пределах административных границ Томской области.

Это территория, входившая в состав бывшей Томской губернии, на которой в XVII в. располагались Томский, Нарымский, Кетской и Мунгатский остроги с относящимися к ним населенными пунктами шести станов: Подгородного, Спасского, Сосновского, Запоросского, Обского, Чулымского (Яйского). По современному административному делению она охватывает Томскую область, северные и центральные районы Кемеровской области.

В работе принято административное деление 1957 г., так как именно в это время томские диалектологи начали картографирование отдельных явлений говоров Томской области. По этому делению регион среднеобских говоров охватывает Александровский, Асиновский, Бакчарский, Верхнекетский, Зырянский, Каргасокский, Кожевниковский, Колпашевский, Кривошеинский, Пышкино-Троицкий, Тегульдетский, Томский, Туганский, Шегарский районы Томской области, а также Кемеровский, Ленинск-Кузнецкий, Мариинский, Юргинский, Яшкинский и отдельные населенные пункты Беловского, Гурьевского, Ижморского, Крапивинского, Промышленновского, Топкинского и Яйского районов Кемеровской области.

§ 2. Изучение говоров Среднего Приобья

Особенности говоров русского населения Сибири привлекали внимание любителей народного языка уже с 90-х годов XVIII в. Период фиксации диалектных отличий речи сибиряков продолжался и в XIX в.[1]. С середины XIX в. в русской лингвистической науке начинают ставиться вопросы о существовании особого сибирского наречия, о его признаках, влиянии местной иноязычной среды на русский язык в Сибири и др., но только к советскому периоду относится планомерное научное изучение диалектов Сибири.

Говоры Среднего Приобья в дореволюционное время были белым пятном на диалектологической карте России. Разрозненные и случайные сведения о них в трудах Г. Н. Потанина [295], В. Ламанского [158] и др. не давали полного представления о русском языке средней части Обского бассейна.

Не случайно поэтому, что к сибирским говорам уже в 1917 г. обратился первый заведующий кафедрой русского языка и словесности Томского университета проф. А. Д. Григорьев. В 30-е годы XX в. материалы для лингвистического атласа собирали работники Томского пединститута по вопроснику проф. Г. Т. Чулча. Систематическое же собирание диалектологического материала на территории Среднего Приобья началось с 1946 г. В этом году под руководством проф. Томского пединститута А. П. Дульзона была организована диалектологическая экспедиция в Зырянский район Томской области, а под руководством заведующей кафедрой русского языка Томского университета доц. А. А. Скворцовой была проведена первая экспедиция в села, расположенные по Московско-Иркутскому тракту (Семилужное, Подломское, Турунтаево и др.). С этого времени диалектологи-

[1] Обзор и характеристику работ XIX в. см.: Черных П. Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1953, с. 4—27; Григорьев А. Д. Русские старожильческие говоры.— К изучению русских старожильческих говоров Сибири. Прага, 1928, вып. 1, с. 12—36; Рамзевич Н. И. К изучению народной речи Сибири. Варшава, 1914.

[2] См.: Из истории изучения русских говоров Сибири и Урала.— В кн.: Сенкевич В. А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Челябинск, 1975, с. 11—19; статьи В. В. Палагиной [233, 234, 241], Е. М. Пантелеевой [276], О. И. Блиновой и С. И. Ольгович [55], О. И. Гордеевой [93].

ческие экспедиции университета становятся ежегодными, а с 1962 г., после введения в учебный план диалектологической практики, собирание диалектного материала приобрело массовый характер.

Уже в 50-е годы период предварительного знакомства с говорами Томской области закончился, основные старожильческие поселения были обследованы, а в 60-е годы стали возможны и повторные выезды в некоторые населенные пункты для изучения процессов, происходящих в русском языке сельской местности в условиях развития социалистического общества. Сбор материалов о современном состоянии говоров Среднего Приобья продолжается и будет в дальнейшем производиться многие годы.

Начало научного изучения среднеобских говоров положено проф. А. Д. Григорьевым уже в первые годы существования советской власти. Его труд «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров» (Томск, 1921) не утратил ценности до сегодняшнего дня. С конца 40-х годов изучение русских говоров Среднего Приобья начали томские диалектологи — ученики А. А. Скворцовой[3]. Первыми исследованиями их были кандидатские диссертации П. Г. Черемисина «Современные говоры по нижнему течению р. Яи и их история» (1949), В. А. Сенкевича «Говор Парабельского района Томской области (1950), В. В. Палагиной «Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области» (1951).

К настоящему времени говоры Среднего Приобья подверглись всестороннему и многоаспектному рассмотрению.

Фонетика их явилась предметом изучения многих томских диалектологов. Материалами для этого послужили не только ответы на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.; Л., АН СССР, 1946), но и специально произведенные записи диалектной речи, ручные и магнитофонные.

Описанию современного состояния и фонетическим изменениям традиционного говора посвящены разделы названных выше диссертаций П. Г. Черемисина,

---

[3] О характерных чертах томской диалектологической школы см.: Сенкевич В. А. Указ. раб., с. 15.

В. А. Сенкевича, В. В. Палагиной, а также О. И. Блиновой «Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинина Томского района Томской области» (1962) и кандидатские диссертации К. М. Браславца «Фонетика старожильческих русских говоров по старому водному пути с Иртыша на Енисей (1959), Г. А. Садретдиновой «Консонантизм русских старожильческих говоров Среднего Приобья» (1975). Фонетическая характеристика современных говоров дается в опубликованных работах Н. И. Агеевой [2], О. И. Блиновой [50], К. М. Браславца [62, 63, 65, 66], О. А. Любимовой [159, 160, 161, 165], Е. П. Молчановой [175], Г. А. Садретдиновой [317, 318, 319, 320, 321, 322, 324], В. А. Сенкевича [327, 329]. Группировка среднеобских говоров по данным консонантизма произведена В. А. Сенкевичем [331] и Г. А. Садретдиновой [323].

Исходное состояние (первая половина XVII в.) и история фонетических явлений по данным памятников письменности Томского, Кетского, Нарымского, Мунгатского острогов представлены в работах: о томской группе говоров В. В. Палагиной [231, 252, 253, 256, 259, 269], С. Э. Мазо [171, 172], о прикетской группе говоров Л. А. Захаровой [119, 122, 124, 125], о мунгатском говоре О. А. Любимовой [161, 164].

Обобщающие результаты изучения фонетики среднеобских говоров представлены в гл. II настоящей книги.

Морфологические черты современных среднеобских говоров, их морфологическая система описаны в кандидатских диссертациях П. Г. Черемисина [359], В. А. Сенкевича [328], В. В. Палагиной [266], О. И. Блиновой [44], в статьях О. А. Любимовой [166, 167, 168].

Система местоименного и именного склонений и ее изменения в современном говоре западной части Томского района рассмотрены в статье В. В. Палагиной [235], особенности морфологической системы имен существительных в говоре д. Иштан Кривошеинского района Томской области — в статье О. Н. Киселевой [141], категория рода существительных говора Беловского района Кемеровской области — в статье О. А. Любимовой [162], морфологические черты говора новоселов — в работе Н. И. Агеевой [2], отдельные замечания о морфологических чертах среднеобских говоров имеются

в статьях В. А. Сенкевича [327], К. М. Браславца и В. А. Сенкевича [335].

Обобщающей монографией о морфологии говоров Среднего Приобья с опытом типологической их группировки по морфологическим показателям является кандидатская диссертация О. Н. Киселевой «Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1968).

Исходное состояние морфологической системы и отражение морфологических черт речи XVII в. в памятниках письменности среднеобской старины описаны в исследованиях В. В. Палагиной [253, 254, 256], Л. А. Захаровой [116, 119, 122, 124, 126], С. Э. Мазо [170, 172], О. А. Любимовой [161, 169] и Г. М. Михайловой [173].

Задачи изучения синтаксиса русских народных говоров, поставленные А. А. Скворцовой перед сибирскими диалектологами [307], в меньшей степени заинтересовали томских исследователей, что объясняется, с одной стороны, незначительной местной окраской синтаксического строя, с другой — преобладанием ручных записей диалектной речи над магнитофонными, несомненно, затрудняющими синтаксический анализ. По синтаксису говоров Среднего Приобья написаны только две кандидатские диссертации: Е. М. Пантелеевой «Синонимика беспредложно-предложных конструкций и пути ее изменения» (1965) и Р. Е. Моховой «Субстантивные словосочетания в говорах средней части бассейна р. Оби» (1975). Синтаксические черты современных среднеобских говоров рассмотрены и в статьях Е. М. Пантелеевой [271, 274, 275, 276, 277, 278, 286, 290], В. В. Палагиной [262], О. И. Гордеевой [89, 93, 95], Р. Е. Моховой [178, 179; 180, 182, 183, 184], В. И. Торгунакова [351].

Реконструкции отдельных синтаксических явлений томской речи XVII в. посвящены одна статья [232] и раздел докторской диссертации В. В. Палагиной «Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора)» (1973).

С 60-х годов внимание томских диалектологов привлекла система словообразования русских старожильческих говоров. Теоретические основы диалектного словообразования изложены М. Н. Янценецкой в первой части коллективной монографии «Диалектное словообразование. Очерки и материалы» (Томск, 1979). На материале сред-

необских говоров написана кандидатская диссертация Л. А. Араевой «Словообразовательные типы имен существительных в системе говора» (1981) и ряд статей Е. М. Пантелеевой [271, 273, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 287, 289, 292, 293], М. Н. Янценецкой [366, 369, 375], В. Г. Арьяновой [12, 13], Р. Я. Тюриной [352], И. А. Воробьевой [70, 83], З. И. Резановой [315], Л. А. Араевой [5, 6, 7], С. Н. Гудковой и Л. Г. Низгутской [101].

Вопросы словопроизводства в связи с морфологическим варьированием лексики решаются в кандидатской диссертации О. М. Соколова «Морфологически вариантные глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области» (1959) и его статьях [341, 343, 344, 348, 349].

Среднеобский диалект — один из наиболее изученных диалектов страны. Анализу разных его сторон посвящено около 400 исследований. Из них лексике и фразеологии среднеобских говоров адресовано более половины работ.

Словарный состав говоров Среднего Приобья исследовался как в собственно лексикологическом, так и в лексикографическом планах.

На основе богатых словарных данных среднеобских говоров, собранных в ежегодных диалектологических экспедициях Томского университета (1946—1982 гг.), создано несколько областных словарей (составители: В. В. Палагина, О. И. Блинова, М. Н. Янценецкая, О. М. Соколов, Ф. П. Иванова, С. В. Сыпченко, Т. А. Демешкина, Г. А. Садретдинова, Н. В. Жураковская, О. Н. Киселева, Л. А. Захарова, О. И. Гордеева, Р. Я. Тюрина, В. Г. Арьянова и др.). Некоторые из них явились первым опытом трудов подобного типа в отечественной лексикографии. Самый первый и крупный из среднеобских словарей — «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В. В. Палагиной (Томск, 1964, т. 1; 1965, т. 2; 1967, т. 3[4], и «Дополнения» к нему под ред. О. И. Блиновой

---

[4] См. рецензии и отзывы о словаре: Кузнецова О. Д. Рецензия.—В сб.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966; Власенко М. М., Носова З. И., Серышева М. А. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби./Под ред. В. В. Палагиной.— ВЯ, 1968, № 5; Дерягин В. Я. Словарь сибирских старожильческих говоров.— Известия АН СССР, ОЛЯ, 1969, вып. 1 и др.

и В. В. Палагиной (Томск, 1975, ч. 1—2). Это словарь дифференциального типа, толковый, прямой, охвативший областную лексику и фразеологию региона Средней Оби. Общее количество словарных статей словаря, не считая ссылочных,— 16 443, объем его — около 80 п. л. В 1979 г. был опубликован «Кратский среднеобский словарь» [104], содержащий 1452 словарные областные единицы.

Своеобразное дополнение к пятитомному среднеобскому словарю, его шестой том, составил «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» под ред. О. И. Блиновой (Томск, 1977), в который включена лексика и фразеология, общая диалекту Средней Оби и городскому просторечию. В «Словарь просторечий» (объем 15 п. л.) вошло 2030 словарных статей, не считая ссылочных. В итоге томскими лексикографами в научный оборот введено 19 825 диалектных и диалектно-просторечных слов и выражений говоров Среднего Приобья.

На базе пятитомного областного словаря и «Краткого среднеобского словаря» (в то время еще рукописного) был составлен «Опыт обратного диалектного словаря» под ред. М. Н. Янценецкой (Томск, 1973), выдержавший два издания: в 1979 г. был опубликован «Обратный словарь среднеобских говоров» под ред. М. Н. Янценецкой — переработанное и дополненное издание «Опыта обратного диалектного словаря» [104]. Словарь насчитывает 15 531 словарную единицу, оснащен статистическими данными, ссылками на первоисточники, что облегчает пользование словарем и повышает его источниковедческие возможности. Инверсирован и шестой том среднеобского словаря: в «Обратный словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» Г. Н. Котовой[5] включено 1996 словарных единиц.

Лексикографированию подверглись так называемые «вторичные заимствования» — иноязычные слова, вошедшие в среднеобский диалект через посредство литературного языка и подвергшиеся в них фонетической и морфосемантической адаптации. Вторичные заимствования и их дериваты представлены в книге «Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья» под ред. В. В. Палагиной (Томск, 1981, ч. 2).

---

[5] Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск, 1977, с. 172—182.

Материалы среднеобских говоров послужили основой для создания областного словаря нового типа — «Мотивационного диалектного словаря (говоры Среднего Приобья)» под ред. О. И. Блиновой (Томск, 1982, т. 1; 1984, т. 2). В словарь введено 2000 мотивированных и полумотивированных слов, которые наиболее часто актуализируют отношения лексической и структурной мотивации в диалектной речи. «Мотивационный диалектный словарь» (его объем 35 п. л.) — тип системного областного словаря, в нем в лексикографически обработанной форме отражается один из видов системных отношений слов — отношения мотивации.

Одним из приложений вышеназванного словаря является «Частотный мотивационный словарь (говоры Среднего Приобья) [6], составленный О. И. Блиновой, включающий 2000 единиц в порядке следования от большей степени частотности к меньшей. Словарь обнаруживает не только частоту актуализации мотивационных отношений слов в речи, но и приверженность их к лексической или структурной мотивации, показывает, с каким количеством мотивирующих слов вступает то или иное слово в отношения мотивации.

Публикуются материалы для готовящегося к печати словаря среднеобских памятников письменности XVII в. [123, 242, 297]. В. В. Палагиной составлен частотный словарь таможенных книг г. Томска [270].

Лексикографическое изучение среднеобских говоров стимулировало развитие лексикологических исследований и обеспечило необходимую базу для разного рода лексикологических штудий, отличительной чертой которых, начиная в первых работ 50-х годов, было осуществление системного подхода к анализу словарного состава говоров.

Томскими диалектологами (В. В. Палагина, О. И. Блинова, В. А. Сенкевич, Е. П. Молчанова, М. П. Михалкина, Ф. П. Иванова, С. И. Ольгович, В. Г. Арьянова, Р. Я. Тюрина) проведено комплексное исследование многих лексико-тематических групп: предметно-бытовой, производственно-промысловой (сельскохозяйственной, огородничества, кедрового и ямского промыслов, обработки льна, прядения и ткачества, санно-

---

[6] См.: Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Томск, 1983, т. 2, приложение 1.

тележного дела, рыболовства и охоты, дровяного промысла и др.), флоры и фауны, непредметной лексики.

Словарный состав среднеобских говоров подвергся анализу в различных аспектах: а) в его соотношении с основными формами национального языка, с постановкой проблемы общерусского, диалектно-просторечного и собственно диалектного слова (О. И. Блинова); б) в его соотнесенности с другими русскими говорами с вычленением вопроса об истоках среднеобских говоров и их диалектном типе (В. В. Палагина, О. И. Блинова, Ф. П. Иванова, Г. М. Чигрик, Р. Я. Тюрина и др.); в) с точки зрения его происхождения и с учетом разграничения заимствований сибирского и досибирского периодов, заимствований первичных (непосредственных) и вторичных (опосредованных) и их адаптации (С. И. Ольгович, Л. И. Шелепова, В. В. Палагина, О. И. Гордеева, Н. М. Охолина); г) в эмоционально-экспрессивной и стилистической дифференциации с постановкой вопроса о способах и средствах выражения экспрессии и признаках стилистической приуроченности слов диалекта (О. И. Блинова, Н. В. Жураковская, Г. Н. Котова); д) в диалектной лексической типологии с разработкой принципов классификации лексических различий, учитывающей тождество и отдельность слова, с разграничением различий на уровне слова и на уровне фрагментов микросистем (О. И. Блинова, Ф. П. Иванова, Р. Я. Тюрина, Л. Г. Гынгазова и др.); е) в ономасиологическом плане с обоснованием содержания понятий, принципов, способов и средств номинации различных реалий (Н. Д. Голев, О. И. Блинова, В. Г. Арьянова, Р. Я. Тюрина, Л. А. Араева, С. Н. Гудкова); ж) в историографическом (В. В. Палагина, О. И. Блинова, С. И. Ольгович и др.) и источниковедческом отношениях с постановкой вопроса о предмете лингвистического источниковедения, с выявлением новых источников лексикологического исследования, например, показаний языкового сознания, обратных словарей, диалектиых данных (О. И. Блинова, Л. И. Шеленова, А. Н. Ростова, Е. В. Иванцова).

Значительное количество исследований, выполненных на материале среднеобского диалекта, посвящено анализу системных отношений в лексике говора с постановкой и решением ряда теоретических проблем. Отно-

шения синонимии анализировались в сфере глагольной и именной лексики, при этом рассматривалась типология диалектных синонимов и синонимических рядов, валентные свойства синонимов, их функциональное предназначение и другие вопросы (В. В. Палагина, О. И. Блинова, Г. А. Раков, В. Г. Арьянова, Р. Я. Тюрина, Г. А. Мординова).

Подверглись всестороннему анализу вариантные отношения лексических единиц среднеобского диалекта: выявлены вариантные имена и глаголы, факторы и причины их варьирования, уточнены границы отдельных видов формального и семантического варьирования слова, дана типология вариантных единиц, определены типы смысловых отношений лексико-семантических вариантов слова, выявлены функции формальных вариантов слова в речи и т. д. (О. М. Соколов, О. И. Блинова, В. Г. Арьянова, Э. В. Васильева, З. М. Богословская).

Положено начало рассмотрению в лексикологическом аспекте мотивационных отношений слов, представляющих собой наиболее частотный вид системных отношений слова в речи. Определены основные понятия явления мотивации слов (понятие мотивированности, видов мотивированности слова, типов мотивирующих единиц и под.), выявляются типы смысловых отношений мотивационно связанных слоев, функциональная нагрузка мотивированных слов и актуализации отношений мотивации, связь мотивированности с синонимией, вариантностью слова, образностью и другие вопросы (О. И. Блинова, Г. А. Раков, Т. А. Демешкина, В. Г. Наумов).

Одновременно с изучением лексики говоров Среднего Приобья было начато исследование их фразеологического фонда. Фразеологические единицы проанализированы с точки зрения их статуса, специфики, состава, объема, соотношения с фразеологией литературного языка и фразеологией других русских говоров, в функциональном аспекте, в парадигматике рассматривались отношения синонимии, антонимии, варьирования фразеологических единиц (М. Н. Янценецкая, М. В. Орёл).

Предметом анализа, кроме апеллятивной лексики, явилась ономастическая лексика среднеобских говоров, В итоге топонимических экспедиций Томского университета собран большой материал, который исследован в синхронном плане: выявлен состав основных элементов

топонимической системы, типологические черты главных топонимических классов, организация и условия функционирования топонимической системы (И. А. Воробьева). В источниковедческом плане рассмотрены антропонимы XVII в. (В. В. Палагина).

Таким образом, лексика и фразеология говоров среднеобского региона послужила материалом для изучения как специфически диалектных, так и общетеоретических вопросов лексикографии и лексикологии.

Исследования о говорах Среднего Приобья посвящены не только типологическому описанию систем разных уровней (фонетического, грамматического, лексико-фразеологического), но и их истории. Так как эти говоры относятся к вторичным русским говорам, большое внимание обращается на диалектный состав населения (В. В. Палагина, Л. А. Захарова, О. А. Любимова, Г. М. Чигрик), на методы и источники реконструкции изначального состояния говора (В. В. Палагина, Л. А. Захарова). А так как среднеобские говоры развивались в процессе межъязыковых контактов, на их материале решаются вопросы контактирования языков: русского, татарского, белорусского, украинского (О. И. Гордеева, Н. М. Охолина, С. И. Ольгович, А. А. Климанова).

Решаются и практические вопросы преподавания русского языка в условиях местного диалекта. Влиянию среднеобских говоров на речь учащихся и методике обучения русскому языку в сельских школах посвящены статьи В. В. Палагиной [226, 249], И. А. Воробьевой и В. В. Палагиной [86], Н. М. Охолиной [219].

§ 3. О диалектном типе говоров Среднего Приобья

Русские говоры Сибири — это говоры территории позднего заселения. Свою историю они исчисляют разными временными величинами: начало сложения одних относится к XVI—XVII вв., других — к XVII—XIX вв., третьих — к XX в. Своеобразие условий формирования сибирских говоров (смешанный, разнодиалектный состав населения, оторванность от «материнских» говоров, взаимодействие с языками аборигенов края — контакты с финно-угорскими, тюркскими и самодийскими народами, новые географические условия и связанные с ними

особенности жизни, быта, экономики и т. д.) не могло не породить своеобразия самих говоров. Разновременность их появления на территории Сибири не могла не повлиять на создание различных по типу говоров.

Разнотипность сибирских говоров обращала на себя внимание многих исследователей. Попытки определить типы говоров Сибири осуществлялись начиная от первых заметок и наблюдений конца XVIII—начала XIX вв. и кончая современными исследованиями. В определении типов сибирских говоров наблюдатели исходили из разных принципов.

Ранее других принципов в работах по сибирской диалектологии был предложен принцип аналогии. Вновь открываемые для науки говоры Сибири определялись в соответствии с той классификацией, которая была принята для русско-европейских «материнских» говоров. Так, П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» (1838 г.) отмечал: «Сибирский говор есть говор устюжский, подражатель новгородского»[7]. П. А. Ровинский о диалектах Восточной Сибири писал: «Язык сибиряков считаем вполне представителем севернорусского наречия»[8].

Наиболее полное выражение принцип аналогии нашел в работах В. И. Панова который считал, что «в русском населении Сибири, как среди ее новоселов, так и среди старожилов, различаются те же три типа русских говоров, какие различаются в русском населении европейской части страны, это говоры севернорусские, южнорусские и среднерусские»[9].

На диалектологической карте Сибири действительно представлены все три названых типа говоров. Это, как правило, говоры позднейших переселенцев в Сибирь: говоры, не утратившие тех языковых черт, которые были им свойственны на европейском континенте. Такие говоры были рассмотрены в работах А. М. Селищева, П. Г. Черемисина, М. Г. Свиридовой, Н. И. Агеевой и др.

---

[7] Цит. по: Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии./ Сост. Цомакион Н. А. Красноярск, 1960, с. 24, 73.

[8] Там же, с. 73.

[9] Панов В. И. Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области: Дис.... канд. филол. наук. — Рукопись. М., 1955, с. 439.

Но не они составляют основную часть говоров на территории Сибири, а говоры, которые существенно отличаются от русско-европейских в области фонетики, морфологии, лексики и фразеологии. Это так называемые русские старожильческие говоры Сибири. Им и посвящены основные исследования сибирских диалектологов. Примечателен такой факт: ни одному из исследователей, проводивших сопоставление старожильческих говоров Сибири с говорами русско-европейскими, не удалось установить полной аналогии сопоставляемых говоров. Поэтому перенос терминов, обозначающих тип говора, с русско-европейской почвы на сибирскую представляется механическим, не учитывающим специфики старожильческих говоров Сибири.

На своеобразие старожильческих говоров Сибири обратили внимание еще первые их наблюдатели. Собранный к середине прошлого столетия материал дал основание В. И. Далю вычленить «сибирское наречие» наряду с московским, новгородским, восточным и др.[10] По мере того, как Сибирь заселялась все новыми выходцами из Европейской России, все более обнаруживались расхождения в речи сибиряков-«старожилов» и недавних поселенцев в Сибирь. Так, под давлением языковых фактов возникла необходимость отграничения говоров «новоселов» от говоров «старожилов». В основу такого отграничения лег историко-временной принцип, обусловленный ориентацией на понятие «старожил». Вслед за этим на базе понятия «говоры старожильческого населения Сибири», сложилось понятие «старожильческий говор Сибири».

Впервые сочетание «старожильческий говор Сибири» было употреблено, по-видимому, В. Анучиным в подзаголовке к его работе «Материалы к областному словарю сибирского наречия» (Живая старина, 1903, вып. 3, с. 301) и введено в научный оборот проф. Томского университета А. Д. Григорьевым в его статьях: «К изучению русских старожильческих говоров Сибири» (Прага, 1928), «Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири» (Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928) и др. В работах А. Д. Григорьева и последующих исследованиях сибирских диа-

[10] Даль В. И. О наречиях русского языка. — Вестн. РГО, 1852, кн. 5.

лектологов понятие «старожильческий говор Сибири» употреблялось как равнозначное понятию «говоры старожильческого населения Сибири». На первых порах это было оправдано, так как преобладающее большинство говоров сибирских старожилов не было изучено, и поэтому не было известно, составляют ли они определенный единый тип говора, который можно было бы обозначить единым термином.

И тем не менее уже А. Д. Григорьев обращает внимание на наметившееся противоречие между этими понятиями. Пока это противоречие связывалось с семантикой слова «старожилы», которое употреблялось как в значении 'тот, кто живет много лет в одном каком-либо месте', так и значении 'коренные жители какой-либо местности' (в отличие от переселенцев). Количественно-временная неопределенность этого слова порождала неопределенность сочетаний, производных от него. Возникла необходимость в уточнении понятия «старожил».

Историк П. М. Головачев предлагал называть старожилом человека, прожившего в Сибири 25 лет[11]. А. Д. Григорьев, возражая ему, считал более надежным для «звания» старожила срок в 50 лет, ссылаясь на «медленность по местам (в обособленных переселенческих селениях) ассимиляционных языковых процессов»[12]. Иначе к решению проблемы говора старожильческого населения Сибири подошел А. М. Селищев. Он посвятил свой труд «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск, 1921) исследованию «сибирских» говоров, говоров «сибиряков», «старожилого» русского населения Сибири, рассматривая в качестве таковых говоры стародавнего сибирского населения, предки которого поселились в Сибири с начала ее освоения до середины XVIII в. Имея в виду этот особый смысл, особое временное наполнение слов «сибиряк», «сибирский», «старожилы», А. М. Селищев заключал их в кавычки.

Избранный А. М. Селищевым хронологический отрезок времен строго мотивирован: «В основу сибирских говоров,— писал он, — легли говоры северной полосы Европейской России,— говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний.

[11] Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М., 1914, с. 15.

[12] Григорьев А. Д. Указ. раб., с. 4.

Оттуда шли старые колонизационные волны в Сибирь. Всеми главными явлениями: звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими — сибирские говоры находятся в ближайшей родственной связи с этой северновеликорусской диалектической областью» [325, с. 6]. «Позднее, — продолжает А. М. Селищев,— в Сибирь катились волны из центральных губерний России. Выходцы из этих местностей до сих пор сохраняют черты говоров средневеликорусских и южновеликорусских» [325, с. 7].

Таким образом, А. М. Селищев в определении типично сибирского говора исходил из двух тесно связанных признаков: исторического и языкового (языковая однотипность, языковая общность). Им было дано научное обоснование историко-временного принципа в отграничении одного из типов сибирского говора. Этот временной критерий в отграничении говоров старожилого населения Сибири прочно вошел в практику сибирских диалектологических исследований: работы иркутских, томских, красноярских, енисейских и других диалектологов неизменно предваряются историческим экскурсом в XVI—XVII вв.

Проф. П. Я. Черных, в основном придерживаясь той же точки зрения на понятие «говоры русского старожилого населения Сибири», вслед за А. М. Селищевым суммировал и обобщил сведения по говорам Сибири, выявив черты, имеющие общесибирский характер[13]. Со времени выхода в свет работы П. Я. Черных прошло более четверти века. За это время появилось много новых исследований по фонетике, морфологии, лексике говоров старожилого населения Сибири. Эти исследования подтвердили однотипность говоров «сибирских старожилов», обусловленную особенностями заселения Сибири. Выявленный тип сибирского говора, отличного от ранее известных типов — северного, южного, среднерусского, потребовал точного терминологического обозначения.

В исследованиях по русско-сибирской диалектологии понятие «старожильческий говор Сибири» является широкоупотребительным. Но оно не стало пока терминологичным, так как до сих пор еще тяготеет к понятию «говоры старожилого населения Сибири». Необходимость же разграничения двух понятий—«говор старожильческого населения Сибири» и «старожильческий говор Сибири» —

---

[13] Черных П. Я. Указ. раб.

Оттуда шли старые колонизационные волны в Сибирь. Всеми главными явлениями: звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими — сибирские говоры находятся в ближайшей родственной связи с этой северновеликорусской диалектической областью» [325, с. 6]. «Позднее, — продолжает А. М. Селищев,— в Сибирь катились волны из центральных губерний России. Выходцы из этих местностей до сих пор сохраняют черты говоров средневеликорусских и южновеликорусских» [325, с. 7].

Таким образом, А. М. Селищев в определении типично сибирского говора исходил из двух тесно связанных признаков: исторического и языкового (языковая однотипность, языковая общность). Им было дано научное обоснование историко-временного принципа в отграничении одного из типов сибирского говора. Этот временной критерий в отграничении говоров старожилого населения Сибири прочно вошел в практику сибирских диалектологических исследований: работы иркутских, томских, красноярских, енисейских и других диалектологов неизменно предваряются историческим экскурсом в XVI—XVII вв.

Проф. П. Я. Черных, в основном придерживаясь той же точки зрения на понятие «говоры русского старожилого населения Сибири», вслед за А. М. Селищевым суммировал и обобщил сведения по говорам Сибири, выявив черты, имеющие общесибирский характер [13]. Со времени выхода в свет работы П. Я. Черных прошло более четверти века. За это время появилось много новых исследований по фонетике, морфологии, лексике говоров старожилого населения Сибири. Эти исследования подтвердили однотипность говоров «сибирских старожилов», обусловленную особенностями заселения Сибири. Выявленный тип сибирского говора, отличного от ранее известных типов — северного, южного, среднерусского, потребовал точного терминологического обозначения.

В исследованиях по русско-сибирской диалектологии понятие «старожильческий говор Сибири» является широкоупотребительным. Но оно не стало пока терминологичным, так как до сих пор еще тяготеет к понятию «говоры старожилого населения Сибири». Необходимость же разграничения двух понятий—«говор старожильческого населения Сибири» и «старожильческий говор Сибири» —

---

[13] Черных П. Я. Указ. раб.

Старожильческими говорами Сибири являются по своему диалектному типу и русские говоры Среднего Приобья. Отличительную их черту, придающую им своеобразие в сравнении с окающими старожильческими говорами Прииртышья, приенисейскими и другими сибирскими, составляет аканье.

В каком же соотношении находятся современные среднеобские старожильческие говоры с говорами европейской части страны? Какова в целом их языковая характеристика как определенного диалектного типа?

Методика выявления диалектного типа среднеобских говоров как говоров вторичных такова: она предполагает последовательное сопоставление элементов структуры данного диалекта с основными признаками существующих диалектных типов [15]. При этом сопоставлению подлежат лишь те элементы его структуры, которые являются определяющими с точки зрения диалектного членения языка.

Для решения поставленной задачи были выявлены структурно-определяющие признаки крупных диалектных объединений русского языка (I этап) посредством анализа последнего, уточненного варианта диалектного членения русского языка [16]. Как известно, в состав структурно-определяющих признаков, связанных с тем или иным диалектным типом, входят элементы диалектных различий, обнаруженные на основе двучленных и многочленных противопоставлений. «При этом наибольшее значение придается двучленным соответственным явлениям... так как именно на их основе каждое из наречий противостоит другому как определенная величина» [17]. Выявленный набор признаков основных территориальных величин — северного и южного наречий, а затем и среднерусских говоров — позволил вычленить соответственные элементы в структуре среднеобских говоров (II этап) [18].

---

[15] Подобное сопоставление для определения типа Томской группы говоров осуществлено В. В. Палагиной.

[16] Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

[17] Там же, с. 73.

[18] Опыт сопоставления среднеобских говоров с русско-европейскими показал, что наибольшие трудности ждут исследователя на втором этапе. Эти трудности предопределены сложностью самого объекта исследования, который представляет собой говоры вторичного образования, сформировавшиеся и формирующиеся в разное вре-

При выявлении соответственных элементов-признаков диалектного типа среднеобских говоров пришлось столкнуться с разнохарактерными звеньями их языковой структуры: одни из них оказались невариативными, другие — вариативными (последнее обусловлено разнодиалектной базой, на основе которой сформировались разные среднеобские говоры); одни — общеобскими, другие — известными большей части среднеобских говоров, третьи — узколокальными (они не учитывались); одни — идентичными соответственным элементам структуры русско-европейских говоров, другие – неидентичными. Примеры невариативных звеньев — аканье, смычный Г, конечный звук С в соответствии с СТ, склонение существительных м. р. с суфф. -УШК-, -ИШК- по типу слов м.—ср. р., отсутствие наконечного ударения у словоформ волки, воры, флексия -А у местоимений Р. — В. п. (меня, тебя), твердый Т в глаголах 3-го лица наст.-буд. времени, форма повелительного наклонения от лечь — ляг, употребление слов квашня (квашонка), сковородник, зыбка, суягная (об овце), ягниться (об овце) и др. Вариативные звенья имеют разную релятивную и ареальную характеристику: одни из них находятся в отношении вариантности (пятнА и пятнЫ, толстый и толстой, ворота и ворота, путь, и и путь, я), другие — в отношении дублетности (дергать и брать 'теребить' — о льне). И вариантные и дублетные элементы-признаки диалектного типа исследуемых говоров учитывались при условии, если они характеризуются общеобским ареалом или известны большинству среднеобских говоров.

Так, общеобский ареал имеют вариантные лексы пшеница и пъшеница, когда и когды, где и де; четырем группам из пяти среднеобского диалекта (см. § 4) (нарымской, прикетской, приобской, притомской) свойственно позиционное чередование взрывных Г//К (в причулымской — Г//Х). Некоторые элементы структуры среднеобских говоров представляют сложную, пеструю картину, с трудом поддаваясь «обобщению». К таковым относится произношение ММ в соответствии БМ в раз-

мя, в разных исторических и экономических условиях, на монодиалектной и разнодиалектной базе, в однодиалектном и разнодиалектном окружении, при контактировании с одноязычным и разноязычным населением, испытавшие в большей или меньшей степени воздействие литературного языка, городского просторечия и т. д.

ных группах среднеобского диалекта. Например, причулымские говоры не знают ассимилятивного изменения БМ→ММ, в то время как в других группах—притомской, приобской, нарымской — оно известно как лексикализованная черта, а в прикетской как живое фонетическое явление. В сводную таблицу элементов-признаков диалектного типа оно помещается как лексикализованная черта. Различно характеризуется консонантизм среднеобских говоров реализацией шипящих фонем. Прикетской группе говоров известны только твердые шипящие, в приобской — в качестве основного вида этих фонем выступают мягкие шипящие Ж' и Ш', в нарымской, притомской и причулымской группах отмечены случаи произношения Ж' и Ш'. В сводную таблицу элементов-признаков диалектного типа эта черта консонантизма помещается как «случаи произношения Ж' и Ш'».

Среди соответственных элементов структуры среднеобского диалекта обнаружены явления, характеризующиеся качественным или количественным своеобразием. Примером качественно своеобразного явления может служить отсутствие редукции во втором предударном слоге после твердой согласной, примером количественно своеобразного явления — явление лексикализации.

Выявление соответственных элементов-признаков диалектного типа среднеобских говоров позволило провести последовательное сопоставление их (III этап) с учетом роли в определении диалектного типа (сопоставляемые элементы среднеобских говоров сгруппированы в два разряда: 1-й разряд включает элементы, связанные с двучленным противопоставлением северного и южного наречий, 2-й разряд — с многочленным противопоставлением).

Итоги сопоставления приведены в табл. 1.

Статистическая обработка полученных результатов (IV этап [19]) обнаружила значительную общность соответ-

---

[19] Может возникнуть вопрос: уместен ли статистический подсчет в подобных случаях, когда за единицу счета принимаются элементы-признаки, занимающие столь различное место в структуре диалекта: с одной стороны, например, явление аканья, с другой — образование отдельных грамматических форм (тебЯ или тебЕ), произношение отдельных слов (рига, нутро, когда) и т. д. Думается, что статистический подсчет уместен, поскольку существующее диалектное членение языка осуществлено на базе лингвогеографического изучения говоров и основано на принципе совмещения ареалов языковых явлений. Поэтому для характеристики диалектного типа равноценными с точки

Таблица I

Структурно-определяющие элементы диалектного типа среднеобских говоров	Структурно-определяющие признаки наречий русского языка	
	Северное	Южное
I. Фонетические явления		
Неразличение О и А в неударных слогах после твердого согласного	—	+*
Смычный Г, чередующийся с К	+	—
Отсутствие j и стяжение гласных:		
в глагольных формах	+	—
в прилагательных	+	—
ММ в соответствии с БМ (лексикализация)	+*	—
Конечное С в соответствии с СТ	+	—
Случаи произношения Ж', Ш'	+	—
Особенности в произношении слов:		
пшеница и пъшеница	+ —	— +*
рига	+	—
нутро	+	—
когда, когды	—	—
где, наряду с де	+ —	— +*
Грамматические явления		
— Ы у сущ. ж. р. Р. п. ед. ч. (женЫ)	+	—
Склонение сущ м. р. с суфф. —УШК—, —ИШК— по типу слов м.-ср. р.	+	—
— А в И. п. мн. ч. сущ. ср. р. (пятнА) (реже -Ы (пятнЫ))	+ [—]	[—] +
Вóлки, вóры	+	—
Различение Д. п. и Т. п. мн. ч. сущ. и прил.	—	+
Тóлстый (наряду с толстóй)	— [+]	+ [—]
Мест. Р.-В. п. на -А (меня, себя)	+	—
Т твердый в глаголах (ходит, ходют)	+	—

Структурно-определяющие элементы диалектного типа среднеобских говоров	Структурно-определяющие признаки наречий русского языка	
	Северное	Южное
Неразличение окончаний глаг. 1-го и 2-го спр. (пишУТ, косЮТ)	—	+
Форма повелит. накл. от лечь—ЛЯГ	+	—
Солйшь, варишь и под.	+	—
Лексические явления		
Квашня, квашонка	+	—
Ковш, ковшик	+	—
Сковородник	+	—
Зыбка	+	—
Кафтан, наряду с зипун	+	—
Пахать 'пахать'	+*	+
Озимь	+	—
Суягная (об овце)	+	—
Ягниться, объягниться (об овце)	+	—
Жерёбая и берёжая	+	—
Брезговать	+	—
Лаять (о собаке)	+	—
Погода 'плохая погода'	+	—
Хоровод и коровод	+	—
II. Фонетические явления		
Возможность произношения И наряду с Е:		
под ударением (лексикализация)	+*	
в первом предударном слоге (бИлеть)	+	
Заударное Е не произносится как О	—	
Случаи лабиализации предударного О	+	
Конечные губные твердые (сеМ 'семь')	+	
Произношение слова кринка (с Р')	+	

Структурно-определяющие элементы диалектного типа среднеобских говоров	Структурно-определяющие признаки наречий русского языка	
	Северное	Южное
Грамматические явления		
Дочка склоняется как сущ. ж. р. на -А	+	
Слова-названия ягод с суфф. -ИЦ(а)	+	
КрестьянЫ	—	
Братовья, зятевья и под.	+	
Цыпленок, цыплятЫ и под.		+
Постпозитивные частицы	+	
Путь,й наряду с путь,я		
Формы от лечь: лягу, лягешь, лягет...		
ДайтЕ		—
Ворóта и ворота		+
НесТИ, плесТИ		
Лексические явления		
Ухват	+	
Кринка	+	
Передник	+	
Боронить	+	
Суслон	+	
Завор	+	
Петь 'петь'	+	
Льдины	+	
Молотило	+	—
Дергать и брать 'теребить'		— +

Примечания: + и — наличие или отсутствие соответствующего элемента-признака; * — качественное или количественное своеобразие отмечаемого явления; в квадратные скобки заключается вариативная единица; графа остается незаполненной в случае отсутствия необходимых сведений.

ственных элементов среднеобской диалектной группы и современного северного наречия, что составляет 89,5% общих признаков (из 57 сопоставляемых), которые совпадают полностью (75,4%) или частично (14,1%)[20].

Подобное сопоставление со среднерусскими говорами в целом оказалось невозможным осуществить в связи с тем, что они характеризуются крайней неоднородностью и практически не имеют не только специфических, но и общих черт, сочетая в себе черты северного и южного наречий. Учитывая эту специфику среднерусских говоров, проведено сопоставление структурных элементов говоров Среднего Приобья с признаками основных групп среднерусских говоров—западной (акающей и окающей) и восточной (акающей и окающей). Итоги предпринятого анализа отражены в табл. 2 (в результате статистической обработки данных сопоставления получилась дробь, в числителе которой дано процентое соотношение совпадающих полностью или частично черт, в знаменателе — процент несовпадающих элементов-признаков).

Приведенные данные показывают, что среднеобские говоры имеют много общего и со среднерусскими говора-

Таблица 2

Элементы структуры среднеобских говоров	Признаки среднерусских говоров			
	Западные акающие	Западные окающие	Восточные акающие	Восточные окающие
	сопоставлено			
	63 элемента	66 элементов	47 элементов	
Совпадающие				
полностью	46	43,9	49	42,5
частично	30,1	15,1	21,2	29,8
Несовпадающие	23,9	41	29,8	27,7

зрения избранного лингвогеографического принципа считается как ареал целого фонетического явления (аканья или оканья, позиционного чередования фонем), так и ареал отдельной грамматической формы (в ее образовании, звучании), ареал отдельного слова или его варианта.

[20] К числу частично совпадающих отнесены элементы структуры диалекта, обозначенные в таблице знаками: +*, +—, +[—], —[+].

ми, особенно с группой восточных акающих говоров (наибольший процент полностью совпадающих признаков). Вместе с тем высок процент частично совпадающих черт (западные акающие говоры) и значителен процент несовпадающих элементов диалектной структуры (западные окающие говоры, восточные говоры).

Полученные данные позволили продолжить сопоставление среднеобских говоров с русско-европейскими на уровне признаковых характеристик диалектных зон, расположенных целиком или отчасти на территории северного наречия и среднерусских говоров, с которыми обнаружена наибольшая общность структурно определяющих элементов среднеобской группы говоров. Результаты сопоставления (в %) приведены в табл. 3.

Таблица 3

Элементы структуры среднеобских говоров	Диалектные зоны		
	Северная	Северо-восточная	Северо-западная
	сопоставлено		
	72 элемента	73 элемента	83 элемента
Совпадающие			
полностью	70,8	69,8	59
частично	11,1	13,7	13,3
Несовпадающие	18,1	16,4	27,7

Общий процент совпадения элементов среднеобских говоров со структурными признаками диалектных зон несколько ниже, чем на уровне наречий, но достаточно высок (особенно с говорами северной и северо-восточной диалектных зон: соответственно 81,9 и 83,3%), чтобы сделать вывод о том, что по своему диалектному типу старожильческие говоры Среднего Приобья характеризуются наибольшей близостью к говорам современного северного наречия, но вместе с тем достаточно отличаются от них, представляя собой особый тип вторичного говора — сибирского, старожильческого.

Серьезная доля общности говоров Среднего Приобья с говорами севернорусского наречия и со среднерусскими

восточной группы имеет конкретно-историческое обоснование (см. гл. I).

§ 4. О типологическом единстве и диалектном членении говоров Среднего Приобья

Вопрос о типологическом единстве среднеобских старожильческих говоров и их диалектном членении рассматривался рядом исследователей: В. А. Сенкевичем [326, 327, 331, 332], О. Н. Киселевой [131, 139], Г. А. Садретдиновой [322, 324], В. В. Палагиной [227, 255], использовавших материалы рукописной картотеки с ответами на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», материалы диалектологических экспедиций кафедры русского языка Томского университета за 1946—1972 гг., данные «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Томск, 1964—1967) результаты картографирования фонетических (консонантизм) и морфологических черт среднеобского диалекта (см. работы В. А. Сенкевича, О. Н. Киселевой, Г. А. Садретдиновой).

Привлечение дополнительного материала — исследований последних лет по лексике и фразеологии среднеобских говоров (М. В. Орел [205], Р. Я. Тюрина [354] и др.), результатов картографирования среднеобской лексики (Ф. П. Иванова [133], С. И. Ольгович [191], Л. Н. Пашкова[21] и др.), данных «Дополнения» к среднеобскому словарю (Томск, 1975) позволяет сделать некоторые обобщения.

Типологическое единство старожильческих говоров Среднего Приобья складывается из единства их на разных уровнях диалектной системы.

На уровне фонетики оно проявляется в составе гласных и согласных фонем, в характере их позиционных чередований, в единстве фонетической реализации большинства фонем; на уровне морфологии — в характере грамматических категорий, свойственных частям речи,

---

[21] Пашкова Л. Н. Лексические параллели в сельскохозяйственной терминологии старожильческих говоров Томской областн. Томск, 1961. (Рукопись, хранящаяся в кабинете русского языка Томск. ун-та).

в общности материального выражения большинства словоформ существительных, прилагательных, местоимений, глагола; на уровне синтаксиса — в общности моделей словосочетаний и в общности структурных типов простых и сложных предложений; на уровне лексики и фразеологии — в значительной доле общности словарно-фразеологического состава предметно-бытовой и других групп лексики среднеобских говоров.

Согласно подсчетам, проведенным В. В. Палагиной на материале диалектной картотеки кафедры русского языка Томского университета, преобладание совпадающих черт над различительными в исследуемых говорах выражается в отношении 3:1 на фонетическом и морфологическом уровнях и 6 : 1 — на синтаксическом [227, с. 102].

Существование различительных черт в структуре типологически единого среднеобского диалекта позволило произвести его членение, которое осуществлено на материале фонетики и морфологии. Хотя в проведенных опытах диалектного членения приобских говоров анализировались данные разных уровней их языковой структуры (фонетика, морфология), исследовались говоры не совпадающего полностью региона (О. Н. Киселева и Г. А. Садретдинова картографировали явления фонетики и морфологии говоров в пределах Томской области, В. А. Сенкевич — консонантизм говоров более широкого ареала: кроме говоров Томской области, им анализировались приобские говоры Тюменской и Кемеровской областей), результаты их в целом идентичны

В итоге в составе среднеобского диалекта по данным фонетики и морфологии вычленяются следующие группы говоров:

1. Нарымские (Каргасокский и Парабельский районы Томской области) [22].

2. Прикетские (Верхнекетский и Колпашевский районы Томской области).

3. Приобские (Молчановский, Кривошеинский, Шегарский, западная часть Томского района Томской области).

---

[22] Районы Томской области называются по административному делению 1957 г.

4. Притомские (южная часть Томского района Томской области и северные районы Кемеровской области) [23];

5. Причулымские (районы по р. Чулыму: Асиновский, Зырянский, Тегульдетский, Туганский Томской области) [24].

Нарымские говоры. Наиболее определенно данную группу говоров характеризуют следующие черты: иканье и еканье, отсутствие качественной редукции гласных неверхнего подъема в непервом предударном и заударных слогах, реализация слабых фонем неверхнего подъема в звуке А в абсолютном начале слова, отсутствие «цеканья» и «дзеканья», отсутствие шепелявости С' и З', Ч' в качестве основной разновидности шипящей аффрикаты, мягкий вариант слабых по твердости — мягкости губных перед мягкими заднеязычными, неразличение конечных твердых и мягких губных, отсутствие чередования К'//Т', Г'//Д', отсутствие *l*, отсутствие $\overline{Ж}$, $\overline{Ш}$ как самостоятельных фонем, твердые шипящие Ж, Ш в качестве основной разновидности этих фонем, особая флексия -ИЙ В. п. для названий городов, имеющих в основе суфф. -СК, слово ПУТЬ только в форме м. р., склоняется так же как в литературном языке, архаические краткие формы Р. и В. п. личных местоимений ТЯ, СЯ, колебания в роде и склонении существительных на -МЯ.

Прикетские говоры. Языковой комплекс, характерный для данной группы говоров, включает следующие черты: иканье, отсутствие качественной редукции гласных неверхнего подъема в непервом предударном и заударных слогах, реализация слабых фонем неверхнего подъема в звуке И в абсолютном начале слова, отсутствие $\overline{Ж}$, $\overline{Ш}$ как самостоятельных фонемных единиц, отсутствие мягких заднеязычных К', Г', «цекание» и «дзекание», шепелявость свистящих, твердые Ж, Ш,

[23] О. Н. Киселева по морфологическим показателям говоры западной части Томского района и правобережья р. Томи (юго-восток) объединяет в одну группу — группу Томских говоров, замечая при этом: «... внутри Томских намечаются еще западные и юго-восточные» [137, с. 111]. Известная противопоставленность говоров юго-восточной части Томского р-на говорам западной его части в области согласных дала основание Г. А. Садретдиновой отнести названные говоры к разным группам.

[24] Эта группа говоров вычленена по данным консонантизма [317, с. 12].

отсутствие чередований К'//Т', Г'//Д', твердая шипящая аффриката Ч, неразличение конечных твердых и мягких губных, твердый вариант слабых по твердости — мягкости губных перед мягкими заднеязычными, отсутствие *l*, отсутствие формы КОНЕХ в Р. п. мн. ч., которой здесь соответствует форма КОНЕВ, окончание -ИЙ или -А в И. — В. п. названий городов, в основе которых содержится суфф. -СК, окончание -И в И. п. мн. ч. у существительных 3-го скл., преимущественное употребление в В. п. ед. ч. формы указательного местоимения ТАЙУ, вторичный суфф. -ТЬ, присоединяемый к инфинитивным формам глагола, «стяженные» формы И. п. имен прилагательных и причастий м. р., во флексиях местоимений ТАКОЙ, КАКОЙ вместо звукового элемента И выступает звуковой элемент Е, флексия -ЕМ в Т. и П. п. ед. ч. притяжательных местоимений м. и ср. р., склонение существительных на -МЯ по модели 3-го скл.

Приобские говоры. Языковой комплекс данной группы говоров характеризуется такими чертами, как иканье и еканье, отсутствие качественной редукции гласных неверхнего подъема в непервом предударном и заударных слогах, реализация слабых фонем неверхнего подъема в звуке А в абсолютном начале слова, наличие, Ж̄, Ш̄, как самостоятельных фонемных единиц, Ж', Ш' в качестве основного вида этих фонем, мягкие К', Г, как самостоятельные фонемы, «цекание» и «дзекание», не связанное с шепелявостью свистящих, отсутствие шепелявых С', З', утрата затвора аффрикатами, различение конечных твердых и мягких губных, чередование К'//Т', Г'//Д', наличие l, наличие формы КОНЕХ в Р. — В. п., склонение слов на -МЯ по 1-му типу скл., формы КОМ, ЧЕМ в Т. — П. п., И. п. мн. ч. с флексией -ЫЙА, форма настоящего времени от глагола БЫТЬ — ЕСТИ.

Притомские говоры. Языковая характеристика говоров данной группы включает: иканье и еканье, отсутствие качественной редукции гласных неверхнего подъема в непервом предударном и заударных слогах, реализацию слабых фонем неверхнего подъема в звуке И в абсолютном начале слова, мягкий вариант слабых по твердости — мягкости губных перед губными и зубны-

ми, отсутствие фонем К' и Г', неразличение конечных твердых и мягких губных, отсутствие функциональной пары Г—Х, утрату затвора аффрикатами, форма П. п. мн. ч. с флексией -АФ, форма прилагательных и причастий П. п. мн. ч. с окончанием -ИФ.

Причулымские говоры. Наиболее определенно данную группу говоров выделяет: иканье, качественная редукция гласных неверхнего подъема в непервом предударном и заударных слогах, реализация слабых фонем неверхнего подъема в звуке А в абсолютном начале слова, наличие функциональной пары Г—Х, отсутствие *l*, твердый вариант слабых по твердости — мягкости губных перед губными и зубными, отсутствие бессмычных аффрикат, различение конечных твердых и мягких губных, форма ЙО (ЕЁ) в В. п.

Приобская группа говоров, расположенная в центральной части среднеобского диалекта, имеет переходный характер.

По данным лексики, картографирование которой проведено частично, выборочно, исследователи отмечают противопоставленность говоров севера среднеобского региона его южной части.

Думается, что выявленная группировка среднеобских говоров имеет не предварительный характер (как показывает опыт диалектного членения русско-европейских говоров, данные фонетики и морфологии играют решающую роль в определении диалектных группировок) и отражает реальную картину его диалектной дифференциации. Она является важным ориентиром при рассмотрении различных явлений фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса, словообразования, лексикологии и фразеологии говоров Среднего Приобья.

§ 5. Задачи монографии

Задачи настоящей монографии обусловлены самим объектом исследования. Акающий диалект Среднего Приобья, не равный ни одному современному европейско-русскому говору (см. об этом § 3), требует детального системного описания, полной (не выборочной, как это иногда делается в работах по описательной диалектологии) характеристики фонетической системы и морфологического строя. Из этого вытекает первая задача работы — системная характеристика (фонетическая и морфологическая) говоров Среднего Приобья.

Так как среднеобские говоры представляют собой определенное единство при наличии ряда диалектных различий элементов системы на разных уровнях (фонетическом, морфологическом), вторая задача работы — представить диалектное членение среднеобских говоров по данным фонетики и морфологии, дать их типологию.

Но ни одно явление действительности не может быть глубоко и всесторонне познано, если не известна история его возникновения и дальнейшего развития, непонятно, с чего это явление начиналось. История среднеобских говоров начинается с момента заселения Среднего Приобья русскими, т. е. с начала XVII в. Поэтому третья задача монографии — представить исходное состояние говоров Среднего Приобья, состояние их фонетики и морфологии в первой половине XVII в.

§ 6. Материалы и источники монографии

Основным источником для написания разделов о современном состоянии среднеобских говоров послужили материалы диалектологических экспедиций, ежегодно проводимых кафедрой русского языка Томского университета с 1946 г., хранящиеся в учебно-научной диалектологической лаборатории университета. Это прежде всего ручные и магнитофонные записи речи носителей старожильческих русских говоров, сделанные в 237 населенных пунктах Томской области и в 66 населенных пунктах Кемеровской области.

Кроме того, картотеки ответов на вопросники АН СССР, помещенные в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М., 1947), составленные по 78 обследованным пунктам. Это также картотека для словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби и «Дополнений» к нему, насчитывающая около 76000 карточек, и картотеки для мотивационного диалектного словаря, для словаря вторичных заимствований в говорах Среднего Приобья, для полных словарей деревень Вершинино и Нагорный Иштан Томского района, с. Нарым Парабельского района Томской области.

Источниками для написания монографии явились 3 докторские [42, 85, 255] и 23 кандидатские диссертации [44, 66, 69, 90, 110, 122, 133, 139, 153, 161, 172, 181,

191, 205, 217, 265, 290, 311, 322, 328, 342, 354, 359], выполненные на материале среднеобских говоров, 351 опубликованная работа о говорах Среднего Приобья, дипломные (158 работ) и курсовые сочинения по диалектологии, написанные студентами Томского университета. Все это позволяет с достаточной полнотой описать каждую группу говоров Среднего Приобья.

Значительно сложнее обстоит дело с источниками для реконструкции исходного состояния среднеобских говоров XVII в. До нас не дошла частная переписка населения изучаемого региона периода освоения его русскими, а деловая письменность, хотя и отражает разговорную речь (особенно на уровне фонетики и морфологии), в силу своей тематической ограниченности не дает возможности полностью восстановить ее лексический состав, не позволяет реконструировать синтаксический строй разговорной речи XVII в. Поэтому дополнительно к среднеобским деловым документам этого периода привлекается местная письменность районов выхода сибирского населения, отражающая черты «материнских» говоров, не только опубликованные памятники, но и исследования по истории этих говоров и памятников: В. Богородицкого, Е. Н. Борисовой, М. Н. Бувальцевой, Л. Л. Васильева, А. К. Ващенко, М. А. Веселовой, В. В. Виноградова, Г. С. Галкиной, А. А. Горбуновой, К. В. Горшковой, Л. И. Греховой, В. Я. Дерягина, А. Н. Добромысловой, И. А. Елизаровского, Т. В. Жарких, В. Ф. Житникова, В. В. Ильенко, Т. Н. Каидауровой, С. М. Кардашевского, А. Н. Качалкина, О. А. Князевской, В. В. Колесова, Л. Ф. Копосова, С. И. Коткова, В. А. Магина, С. А. Мартьяновой, О. С. Мжельской, А. Л. Мирецкого, В. В. Неболюбова, В. Н. Новопокровской, Е. Н. Поляковой, А. Протопопова, В. Н. Прохоровой, Н. Д. Русинова, Е. А. Рыбочкиной, Н. Ф. Савченко, В. И. Собинниковой, Р. Ф. Титовой, А. И. Федорова, Г. А. Хабургаева, Ю. И. Чайкиной, П. Я. Черных, А. А. Шахматова, З. Г. Шкляр, Г. А. Яковлева и др.

Среднеобская письменность представлена рукописными памятниками XVII—XVIII вв., хранящимися в фонде Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА, ф. 214), в научной библиотеке Томского университета (таможенные, приходные, расходные книги), в Томском областном государствен-

ном архиве (свитки хлебного и соляного столов, дела Алексеевского монастыря и др.), в Архиве АН СССР (челобитные томского населения, отписки и наказные памяти томских воевод и другие дела фонда № 21) и документы, опубликованные Г. Ф. Миллером, Н. Кузнецовым-Красноярским, П. Головачевым, З. Я. Бояршиновой, А. Г. Жеравиной и другими историками Сибири.

Данные памятников среднеобской письменности соотносятся с современными среднеобскими говорами, которые тоже могут считаться одним из источников реконструкции исходного состояния. Для реконструкции диалектного состава населения XVII в. использовались немногочисленные архивные документы (именные списки, книги денежного жалованья, книги денежного сбора и др.), сохранившиеся после пожаров деревянных сибирских острогов, дающие некоторые сведения о местах выхода отдельных лиц. По ним В. В. Палагиной составлена картотека жителей Томска и «подгородных деревень» XVII — начала XVIII вв. и реконструирован ряд «генеалогических деревьев» семей, потомки которых проживают в Томской области до настоящего времени.

Использованы и труды по истории Сибири, в которых имеется информация об истории заселения Томской губернии, В. А. Александрова, Д. Н. Беликова, З. Я. Бояршиновой, П. Н. Буцинского, П. М. Головачева, М. П. Громыко, Н. Ф. Емельянова, Р. М. Кабо, Г. Ф. Миллера, М. К. Одинцовой, В. В. Покшишевского, В. Н. Шерстобитова, В. Н. Шункова и др.

Источником определения диалектной принадлежности первопоселенцев Среднего Приобья послужили и антропонимы-прозвища, прозвищные отчества, фамилии, образованные от топонимов и диалектных апеллятивов [25].

---

[25] См.: Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI — XVII вв. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968; Она же. Русские антропонимы как источник информации о диалектном составе населения. — В сб.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, с. 83—91.

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ. ДИАЛЕКТНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. О заселении Среднего Приобья

Проблема заселения Сибири русскими не относится к числу неизученных. В литературе по истории Сибири вскрываются причины переселения в Сибирь, выясняется значение присоединения Сибири к Московскому государству, социальный состав русских, осваивавших Сибирь, характер русской колонизации. Но вопрос о сложении русского населения Сибири и определение областей, поставлявших его в XVII в., до сих пор остается одним из нерешенных [1].

Освоение Сибири русскими началось с XVI в. Вначале оно шло вдоль главных водных путей — по рекам Печере, Оби, Енисею. С продвижением военных дружин, русских промышленников и торговых людей начали возникать первые русские поселения — городки и остроги. Вначале это были поселения военного типа, позднее вокруг них выросли русские деревни и заимки. Возникновение городков-острогов в Западной Сибири началось с XVI в.: в 1585 г. построен Обский Большой острог, в 1586 г.— Тюменский город, в 1587 г.— Тобольский, в 1590 г.—Лозьвинский городок, в 1593 гг.—Пелымский и Березовский, в 1594 г.—Тарский и Сургутский. К концу XVI—началу XVII вв. относится и заселение русскими Среднего Приобья, более раннее население которого составляли селькупы, угры (ханты) [2] и тюркоязычные группы, носящие название «сибирских татар» [3]. В 1598 г.

---

[1] См. об этом: Александров В. А. Русское население Сибири в XVII — начале XVIII вв. (Енисейский край): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1963.

[2] См. об этом: Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, с. 59—61.

[3] Там же, с. 70.

строится Нарымский острог[4], в конце XVI — начале XVII вв.— Кетской (о времени его основания см. § 3), в 1604 г. — Томский, в 1618 г. — Кузнецкий, в 1657 г.— Сосновский.

Формирование русского населения Сибири шло разными путями: правительственное и «вольное» переселение, ссылка.

Обычно, говоря о государственных переселенцах Сибири, исследователи ограничивались указанием на преобладание среди них севернорусского населения, на то, что именно Север и Северное Приуралье явились поставщиками населения Сибири: «... подавляющая часть переселенцев в XVII в. направлялась в Сибирь из Поморья»,— пишет В. А. Александров[5], «Совершенно несомненно... что основным районом выселения был Север, поморские уезды»,— говорит и В. И. Шунков[6].

Вольная колонизация русскими Сибири, вызванная различными причинами, тоже давала немалый приток населения с Севера. Так, например, в 1619 и в 1670 гг. был большой неурожай хлеба в северо-восточных районах Европейской России. Из Перми, Вятки, Устюга Великого, с Соли Вычегодской, спасаясь от голода, шли в Сибирь крестьяне и посадские люди. «Много шло в Сибирь самовольных переселенцев... причем большую часть переселенцев давали нынешние губернии Вологодская, Пермская, Вятская и Ярославская, и редко можно встретить в списках того времени калужанина, путивльца»[7].

О преобладании северного населения среди первых поселенцев Сибири говорится и в работах С. В. Бахрушина, П. Н. Буцинского, П. М. Головачева, А. Д. Григорьева, Р. М. Кабо, В. В. Кирьякова, П. А. Словцева и др. Но не только север европейской части России был регионом выхода русского населения Сибири. «В великом русском освоении Сибири приняли участие все классы русского общества и все области Московского государства»[8], «...вся Московская Русь в целом поставляла континген-

---

[4] Другая дата (1596 г.) дается З. Я. Бояршиновой. См.: Вопросы географии Сибири, сб. 3. Томск, 1953, с. 25.

[5] Русские старожилы Сибири. М., 1973, с. 25.

[6] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири. М. — Л., 1946, с. 48—49.

[7] Дуров. Как заселялась Сибирь. Томск, 1895, с. 4.

[8] Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе. М., 1960, с. 68.

ты поселенцев для Сибири»[9], «...среди них можно встретить выходцев ...буквально из всех областей Московского государства»[10]. Исследовав переписные книги некоторых западносибирских слобод и острогов и получив новые данные о 872 русских выходцах в Сибирь, В. И. Шунков пишет: «Имевшееся в литературе мнение о поморском происхождении сибирских переселенцев подлежит уточнению. Его можно, и то с некоторыми оговорками, применять для Западной Сибири и в отношении вольной колонизации»[11].

Таким образом, диалектное происхождение русского сибирского населения — сложный вопрос, и вряд ли его можно решить однозначно для всей Сибири, поскольку заселение и хозяйственное освоение разных ее районов происходило в разное время и с разными целями.

С происхождением русского сибирского населения, с его диалектным составом неразрывно связан и вопрос о ссылке. Представители дворянской и буржуазной русской историографии (П. Н. Бунинский, Н. М. Ядринцев) считали, что ссылка уже в первой половине XVII в. сыграла большую роль в сложении русского населения. В советской историграфии Сибири в целом сложилось мнение о второстепенной роли ссылки в этом процессе. В. И. Шунков считает, что «ссылка в XVII в. для уездов Тобольского разряда не имела сколько-нибудь серьезного значения в деле увеличения крестьянского населения. Ни переселенцы, ни ссыльные в XVII в. не создали сибирского крестьянства и не были сколько-нибудь существенной его частью»[12]. Это мнение поддерживается и З. Я. Бояршиновой относительно Томского уезда периода 30-х годов XVII в.[13].

Очевидно, и вопрос о роли ссылки, как и о диалектном составе переселенцев XVII в., должен решаться дифференцированно для каждого района Сибири.

---

[9] Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951, с. 55.

[10] Там же, с. 54.

[11] Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956, с. 397.

[12] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири... с. 20—21.

[13] Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. — Труды Томск. ун-та. Томск, 1949, т. 112, с. 154.

Процесс заселения Среднего Приобья и его земледельческого освоения в XVII в. обстоятельно раскрыт в исследованиях З. Я. Бояршиновой и Н. Ф. Емельянова[14]. Из них следует, что присоединение Среднего Приобья к России происходило с севера на юг, что шло оно разными путями (государственное и вольное переселение, ссылка), что «первыми засельщиками земель Среднего Приобья в XVII в. явились служилые люди»[15], что в составе первонасельников Томска были «выходцы из Москвы (Московские стрельцы), Великого Новгорода, Устюга, Соли Камской, Соли Вычегодской, Холмогор, Костромы, Галича, Ярославля и других преимущественно северных селений»[16].

Но всех этих сведений для языковедческих исследований, в частности для выявления речи среднеобского населения XVII в., недостаточно. Поэтому в следующих параграфах будут представлены результаты реконструкции лингвистами диалектного состава населения Томска, Кетска и Нарыма XVII в.

§ 2. О диалектном составе томского населения XVII в.

Постоянное население земледельческих районов Томского уезда (Подгородного, Спасского, Запоросского, Сосновского, Чулымского, Верхотомского станов) складывалось в XVII в. в основном из томского служилого населения. По подсчетам Н. Ф. Емельянова[17], к началу XVIII в. служилые люди и их потомки составляли 70,5% населения Подгородного и Спасского станов, гулящие и посадские люди, жившие только в Подгородном стане,— 15,9%, а крестьяне, жившие в с. Спасском,— 13,6%. В Запоросском стане почти все население сформировалось из служилых людей: к 1703 г. из 124 семей земледельцев только 5 было из гулящих людей. В Сосновском,

---

[14] См.: Там же; Емельянов Н. Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья.: Дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1972.

[15] Емельянов Н. Ф. Заселение и земледельческое освоение... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1972, с. 9.

[16] Томску 375 лет. Томск, 1979, с. 16.

[17] Емельянов Н. Ф. Указ. автореф., с. 5—7.

Верхотомском и Чулымском станах, начавших складываться в 50-е годы XVII в., служилые люди в составе земледельческого населения тоже составляли большинство. Так, в Чулымском стане «крестьянское население... вообще отсутствовало, основными засельщиками были служилые люди, отчасти посадские и гулящие»[18], а в Сосновском стане, где проживала почти половина сельского населения Томского уезда, «на долю служилых людей приходилось 55,2% всех дворов стана, посадских — 20,8%, крестьян — 18%, гулящих — 6%.

Прямых указаний о диалектном составе русских крестьян Томского уезда, гулящих и посадских людей, составлявших земледельческое население XVII в., обнаружить не удалось. Косвенные же данные (например, антропонимические[19]) скудны: чаще всего эти социальные группы именуются двучленными антропонимами, среди которых преобладают канонические или общерусские, локально не окрашенные, типа Микитка Абросимов, Якушка Данилов, Ивашко Голова, Пронька Козлов и др.

Диалектный состав томского служилого населения на основании исторических и лингвистических данных устанавливался сначала для основателей Томска, потом для населения первой половины XVII в.

Томск был построен в 1604 г. служилыми людьми из Тюмени, Тобольска, Пелыма, Сургута, Березова[20]. «Часть участников экспедиционного отряда, строившего на Томи русский город, была оставлена на постоянное жительство в новом городе. Эти... служилые люди и явились первыми жителями города»[21]. Поименный список части служилых людей (105 чел.) восстановлен по «Разборному списку» 1681 г.[22] [228], в котором не только переписано все томское служилое население, но и приве-

---

[18] Там же, с. 7.

[19] Об антропонимах как источнике реконструкции диалектного состава населения см.: Палагина В. В. Русские антропонимы..., с. 83—91.

[20] Бояршинова З. Я. Основание города Томска. — В кн.: Вопросы географии Сибири, сб. 3. Томск, 1953; Она же. Основание русского города на Томи. — В кн.: Томску 375 лет. Томск, 1979.

[21] Бояршинова З. Я. Томск в XVII — XVIII вв. — В кн.: Очерки истории города Томска. Томск, 1954, с. 6—7.

[22] ЦГАДА, ф. 214, кн. 698, л. 28—249.

дены сведения о том, «каких отцов дети, и которых городов уроженцы, и сколько лет служат, и при каких воеводах в которых годех в службу написаны и верстаны» (л. 28), какие получают оклады, есть ли сыновья и какого они возраста. Кроме того, в одной из челобитных томских пеших казаков 1636 г. названо 17 челобитчиков, которые «служили наперед сего в Сибири в Сургуте и после того Томской город и Кузнецкой острог ... ставили ... и служили в Сибири в Сургуте и в Томском лет по тритцати и по сороку и по пятидесяти»[23].

Прямые и косвенные данные, исторические и лингвистические, показывают, что среди основателей Томска были носители акающих среднерусских говоров (27 чел., из них 26 москвичей и один человек из Лук Великих)[24], окающих севернорусских говоров восточиой группы (24 чел.), северной группы (4 чел.) и владимирско-поволжской группы (3 чел.). О 34 человеках известно только то, что они присланы из других сибирских городов: Сургута (27 чел.), Березова (4 чел.), Тобольска, Верхотурья, Тары (по одному человеку), один человек, ставивший Томск, был поляк. О диалекте других основателей Томска совсем ничего не известно.

Определение диалектной принадлежности томского населения первой половины XVII в. производилось поэтапно.

1-й этап. Составлен сводный список томского мужского населения XVII—начала XVIII вв. в форме картотеки, расставленной в алфавитном порядке по последнему члену антропонимической структуры. Не вошли в список представители временного населения Томска: воеводы, письменные головы и дьяки, присылавшиеся на определенный срок, торговые люди, приезжавшие в Томск из многих городов России, годовальщнкн из других сибирских городов, временно несшие в Томске государственную службу, группа крестьян, присланных при воеводе Петре Пронском в 1630—1631 гг. и бежавших из Томска в 1634 г. (так как никаких родственников этих людей в Томске не осталось), группа донских казаков, присланных в 1634 г. и в тот же год бежавших из «Томсково горо-

[23] ЦГАДА, ф. 214, стб. 53, л. 423.

[24] Количественные показатели статьи В. В. Палагиной «Диалектный состав первых жителей Томска» [288] дополнены новыми данными из ф. 214 Сибирского приказа ЦГАДА.

да водою к Руси»[25]. Ивашка Розъдьяков, Любимка Нефедьев и др.

2-й этап. Произведено сопоставление рукописных списков населения Томска с целью определения принадлежности различных по структуре, а следовательно, и по алфавитному месту, наименований одному лицу. Обнаружилось, что в документах распространено трехступенчатое варьирование именования лиц. Если обозначить буквой А имя христианское или русское, В — патроним, С — фамилию, отчество отца, прозвище, то первая ступень состоит из А+В, вторая — А+В+С, третья — А+С, а все тождество А+В = А+В+С = А+С. Например: Исачко Михайлов = Исачко Михайлов Бык = Исачко Бык, Нифонтка Иванов = Нифонтка Иванов Плотников = Нифонтка Плотников, Тимошка Агапитов = Тимошка Агапитов сын Портняга = Тимошка Портняга, Давыдко Агеев = Давыдко Агеев Чижев = Давыдко Чижев и т. п. При отсутствии в изученных памятниках письменности второй ступени варьирования (А+В+С) тождество А+В = А+С устанавливается с привлечением биографических данных о носителе антропонима: социальное положение, возраст, время прихода в Томск, дата верстания в службу и др. Закономерность трехступенчатого варьирования облегчила работу над установлением численности населения, сократила до минимума, хотя и не свела к нулю, возможность двух- и трехкратного подсчета одного лица, записанного под разными наименованиями.

3-й этап. По «сказкам» служилых людей 1681 г. составлен список предполагемых наименований их отцов и дедов, пришедших в Сибирь в первой половине XVII в. Большая часть этих наименований оказалась зафиксированной в томских документах первой четверти XVII в. К обнаруженным в этих документах людям были приписаны сведения о районах выхода из Европейской России или городов Сибири, содержащиеся в «сказках» их сыновей и внуков. Однако некоторые антропонимы и на 3-м этапе остались под знаком предположительности: существовавшая в тот период вариативность способов наименования не позволила соотнести эти реконструированные антропонимы с лицами, записанными

---

[25] Бояршинова З. Я. Население Томского уезда..., с. 191.

в деловых документах Томска XVII в. Другая же часть антропонимов позволила на этом этапе установить диалектную принадлежность многих жителей Томска.

4-й этап. Путем сопоставления биографических данных, извлеченных из различных документов XVII в., определены родственные отношения населения и составлены «генеалогические деревья» по мужской линии, охватывающие период с момента основания Томска (1604 г.) по 1700 г. Зная диалектную родину, а следовательно, и говор родоначальника такого дерева или нескольких родственников, можно определить и говор остальных. Таким образом, на четвертом этапе работы определен говор еще одной части населения.

5-й этап. Комплексно используется информация всех имеющихся источников (исторические данные, топонимические антропонимы, диалектные основы и форманты неканонических антропонимов) для установления диалектной принадлежности лиц, тип говора которых не был выявлен на третьем и четвертом этапах работы. Удалось выяснить, что в первой половине XVII в. в Томске и на «подгородном поле» проживали выходцы из разных районов Русского государства.

Носителями говоров восточной группы северновеликорусского наречия[26] были 376 человек[27]: из Белослудского стана Устюжского уезда[28]—5 (Белослудцы и Белослудцовы), с р. Ваги и из Важского уезда — 24 (Бубенной, Важенины, Вершинины, Кокшар, Мангазея, Мангазеины, Недомолвины, Парамоновы, Цынбал, Черной), из Вологды и уезда — 13 (Астороханцовы, Васильев, Вахромеев, Вологженины, Жданины, Крестинины), с р. Выми — 11 (Вымитины, Ильин, Некрасовы, Соснины), из Соли Вычегодской и с р. Вычегды — 44 (Безсоновы, Бубновы, Быковы, Васильев, Вычегжанины, Голящихин, Замятнин, Захаров, Лихановы, Моклоковские, Некрасовы,

---

[26] Так как последняя диалектологическая карта русского языка (Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектологическое членение русского языка. М., 1970) не охватывает северных районов, откуда пришло томское население, мы используем во многом несовершенную карту МДК (1915).

[27] При подсчетах учтены новые данные, поэтому числа, приводимые здесь, несколько отличаются от материала статьи [254].

[28] Географические названия даны по томским рукописям, по «Книге Большого чертежа». М.—Л., 1950; по кн. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Носко, Першины, Плечиковы, Плотниковы, Портняга, Постиковы, Старицыны, Фефилатьев, Черепан, Черепанов, Шадра), с р. Вятки и из Вятской земли—23 (Вятка, Вяткины, Вяткинской, Вятченины, Губины, Черепан), из Галича—18 (Галиченины, Галиченинов, Кутины, Ловчики, Ловчиковы, Тузик), из Кайгорода и уезда—4 (Кайгородцы, Кайгородцов), из Каргополя и уезда—8 (Каргополец, Клестов, Литосовы, Рыбник, Рыбниковы), с р. Кокшеньги — 3 (Кокшары). из г. Кологрива — 4 (Кологривовы), из Комарицкого стана Устюжского уезда — 3 (Комаричненины), из Лальска — 32 (Волк, Волковы, Завьяловы, Лалетины, Нюхало, Нюхаловы, Поломошные, Ральников, Рычко, Уско, Чижев), с р. Лузы—1 (Лузенин), из Пермской земли — 3 (Пермитины, Щепеткин), из Соли Галицкой — 1 (Мясников), из Соли Камской и уезда—41 (Бурундуков, Вилежанины, Доронины, Засухин, Згибневы, Кожевниковы, Нос, Пичугины, Саламатовы, Сартаковы), с р. Сысолы — 6 (Кузнецовы, Сысолов, Сысолятины), из Тотьмы — 13 (Зорин, Зоря, Корюка, Корюкины, Кусковы, Першины, Тотменин, Чеус, Чеусов), из Устьянской волости, Устюжанской четверти—1 (Устьянец), из Устюга Великого и уезда—79 (Антипин, Бараксанов, Батожковы, Белоус, Белоусовы, Власовы, Воронины, Девяшин, Долгово, Завьяловы, Зяблые, Карманов, Леонтьев, Малого, Момот, Момотовы, Нехорошев, Першин, Петлины, Плотники, Плотников, Поздеев, Поспеловы, Просекин, Сапожники, Сеченово, Сеченой, Сысоев, Толстой, Тупылев, Туруитай, Устюжанины, Федосеев, Шадриков, Шелковник), из Чердыни—5 (Поповы, Ус, Чердынец, Чердынцов), из Чароидской округи — 2 (Курбатов, Степанов), из Шенкурского уезда—4 (Бубенные, Черной, Шенкурец), из Ядринского уезда — 23 (Баищиковы, Большенины, Большенинов, Вымитин, Дьяконов, Кривой, Масловы, Палтырев, Плотники, Попов, Родюковы, Рычко, Торобукин, Шубин). К носителям этой же группы говоров относим 4-х усольцев, которые могли быть как уроженцами Соли Камской, так и Соли Галицкой.

Владимирско-поволжская группа северновеликорусского наречия была из 71 человека: из Арзамаса — 1 (Словцов), из Балахны — 9 (Балахонец, Балахнины), из Владимира и уезда — 8 (Володимерцы, Володимерцовы, Гладкой, Губинской, Новограбленные), из Каза-

ин — 14 (Басалаевы, Казанцы, Казанцовы, Каленой, Плотник), из Козьмодемьянска — 1 (Донщина), из Костромы — 5 (Костромитины), из Мурома — 1 (Аристов), из Нижнего Новгорода — 5 (Бубенные, Канаевы, Куницын), из Свияжеска и с р. Свияги — 5 (Елагин, Свияженины, Свияженинов), из Суздаля — 1 (Суздалец), из Углича — 1 (Углнченнн), из Устюжны Железнопольской — 2 (Баршин, Иванов), из Чебоксар — 4 (Беляев, Чебоксаретины, Чернопруд), из г. Ядрина — 3 (Ядринцы, Ядринской), из Ярославля — 31 (Кокорев, Кокоревской, Теплинской, Ярославцы, Ярославцовы).

Носителями северной группы северновеликорусского наречия был 31 человек: из Вилегодской волости Усольского уезда — 1 (Вилегжанин), с р. Двины — 1 (Двинянин), с Кенозера — 3 (Кинозер, Кинозеровы), с р. Мезени — 7 (Мезенец, три человека, названные Мезеня, Сухотины), из г. Пинеги или с р. Пинеги — 7 (Мягкоступовы, Пинега, Пинежанины, Толмачевы), с Поморья — 1 (Помореп), с Соловецких островов — 1 (Соловцов), из Холмогор — 19 (Буяновы, Вострой, Востровых, Гущин, Колмогоры, Колмогорцы, Колмогоровы, Кузнецов).

Носителями говоров западной группы северновеликорусского наречия были 20 человек: из Корелы — 5 (Корела, Корелины), из Новгорода — 15 (Борода, Великосельского, Великосельские, Вешняков, Кудровы, Куркины, Новгородцы, Новгородцов, Попов, Рушков). Всего северноруcов — 498 человек. Кроме того, на основании косвенных данных можно считать северноруcами 49 человек из Березова, так как Березов ставили «вятчаны, и пермичи, и вымичи, и усольцы»[29], 11 человек из Верхотурья, так как его населяли лозвинцы, пермичи, вятчане[30], 4 человека из Мангазеи, так как «в Мангазее и ее уезде в XVII в. проживали уроженцы территорий севернорусского наречия»[31].

Севернорусская диалектная принадлежность некоторых жителей Томска диагностируется и антропонимами.

---

[29] Книга записная. Томск, 1973, с. 4.

[30] Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889, с. 18—20.

[31] Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966, с. 20.

1. По диалектной основе антропонимов к севернорусам могут быть отнесены: Аргунов, Баклан, Баранчук, Баранчуков, Инготов Кокин, Кокорев, Локас, Напалок, Охлебинин, Позара, Пролубников, Черепан, Черепанов, Шадра, Шадрин, Высокие Шти, Высоких Штей.

2. По встречаемости в севернорусских памятниках и отсутствию в южнорусских можно отнести к севернорусам 30 человек, носящих такие прозвищные имена, отчества или фамилии, как Баженко, Береза, Завьялко, Завьялов, Поздейко, Поздеев, Роспутка, Чудинко, Шумилко, Шумилов.

3. По большей частоте употребления в севернорусских памятниках письменности по сравнению с южнорусскими можно предположить, что севернорусами были еще 78 человек с русскими именами: Богдашко, Дружина (Дружинка), Замятня (Замятенка), Любимко, Нехорошко, Первушка, Постничко, Поспелко, Пятко, Пятунка, Томилко, Тренка, Шестачко и фамилиями или патронимами Богданов, Томилов. Однако отсутствие региональных частотных словарей русских антропонимов XVII в. и возможность обнаружения перечисленных имен и фамилий у южнорусов делают предположение о диалектной принадлежности этих 78 человек нуждающимся в подтверждении дополнительных источников.

К носителям южнорусских говоров относились 79 человек: из Белева — 2 (Белевец, Пикалов), из Боровска — 7 (Боровитины, Боровсково, Боровские), из Валуйки — 3 (Березкины), из Воронежа — 1 (Полупанов), из Вязьмы—5 (Вязьмин, Корнеев, Приезжей и два человека, названные Приезжева), из г. Донкова—1 (Донковец), с Дона — 9 (Донские, Ивановы, Капустины, Карманов, Ярыга), из Калуги — 3 (Романовы), из Крапивны — 5 (Булгаков, Лаврентьевы), из Курска — 3 (Копьевы), из Лебедяни — 1 (Трубачев), из Мещеры — 3 (Мещерины), из Мосальска — 1 (Мосалитин), из Новосиля — 1 (Новосильцов), из Путивля — 10 (Мутимец, Мутимцов, Путимцы, Путимцовы), из Ряжска — 1 (Ряшенин), из Рязани — 3 (Поздняков, Свиридовы), из Смоленска — 5 (Рожеев, Рожнов, Смолянины, Тухачевской), из Торусы — 1 (Торушенин), из Тулы — 3 (Неверовы, Туленин), с Терека — 2 (Терские), с р. Угры — 1 (Угренин), из г. Чернавска или с р. Чернавы — 1 (Чернавец), из Шацка — 4 (Базины, Жаравль, Шатченин).

По диалектной основе антропонимов считаем южнорусами Кайдаловых, Кулявых, Кунниых и Кутермииых. По употребительности антропонимов в южнорусских памятниках письменности можно считать южнорусами (со значительной долей предположительности) еще 15 человек с именами Булгачко, Воинко, Вторышко, Истомка, Неверко, Нечайко и с фамилиями или патронимами Истомин, Нечаев.

Можно предположить, что на юго-западе, в пограничных с украинским и белорусским языками говорах, или в среде томской «литвы» возникли антропонимы Коваль, Ковалев (Ивашко Пантелеев Коваль, Нифонтка Ковалев), так как в южнорусских говорах (тульских, орловских и др.) в XVII в. употреблялось слово КУЗНЕЦ, а слово КОВАЛЬ фиксируется лишь «спустя полтора столетия»[32].

К южнорусам или украинцам относятся пашенные крестьяне подгородного поля Ларко и Пашко Алтуховы: Алтух—Автух—укр. Явтух с утратой йотации «в условиях сандхи»[33]. О том, что в Томске XVII в. были южнорусы, свидетельствует выписка из документа 1634 г., приводимая Н. Н. Оглоблиным: «Во многих, государь, в Томском... в литовских и в русских людях и в донских... козаках... о побеге шатость»[34].

Средневеликорусские говоры были представлены в Томске в речи 165 человек: восточная группа—154, в том числе из Астрахани — 9 (Астраханцовы, Шилко, Шилкины), из Белого города — 4 (Белянин, Белянинову), из г. Дмитрова — 1 (Коржавин), из Коломны —9 (два человека, названные Коломна, Коломии, Коломинны, Коломлетин), из Красного Села — 1 (Коломна), из с. Лучинского на р. Истре — 1 (Лученин), из Можайска — 1 (Круглыхин), из Москвы — 127 (Алпатовы, Бардак—он же Ругодивцов, Бардаков, Батранины, Бубенные, Бурнашовы, Бурыхины, Быстрого, Быстрой, Валгас, Валгасовы, Вершина, Девкины, Дурной, Жданин, Жданов, Заевы, поп Ипат, Казаковы, Канаев, Капканщиков,

[32] Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI — XVII вв. М., 1970, с. 230.

[33] Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России.—В кн.: Этимология 1966. М., 1968, с. 40.

[34] Оглоблин Н. Н. Заговор томской литвы 1634 г. Киев, 1894, с. 10.

Карбышевы, Козяков, Копейщик, Копейщиков, Копыловы, Кузнец, Кузнецов, Кырнаевы, Ложниковы, Мартемьянов, Медведчиковы, Мельниковы, Митай, Москва, Москвин, Москвитины, Никоновы, Переводчиков, Плещеев-Подрез, Поповы, Приезжей, Прокофьевы, Просовецкой, Ругодивий, Савин, Седельник, Седедцын, Серебрениковы, Титов, Фролов, Худяк, Чернояр, Шапочник, Шишенины, Ядловской), из Серпухова —2 (Кривошеин, Кривошея), из Старицкого уезда — 1 (Стариченин).

Западная группа средневеликорусских говоров представлена говором 9 человек из Великих Лук (Аркашевы и Лавровы).

По диалектной основе антропонима к среднерусам, носителям московского говора, можно отнести Ремеза, к носителям псковского говора — Халдеева. И хотя в томских документах первой половины XVII в. нет прямого указания на псковичей, а антропоним Псковитин зафиксирован в них только со второй половины века, можно полагать, что носители этого говора жили в Томске и в первой половине XVII в. Может быть, носителями псковского говора следует считать и 8 человек «володимерцов», если они были ранее жителями г. Володимерца Псковского, а не г. Владимира.

Не совсем ясна диалектная принадлежность 62 человек, прибывших в Томск из других сибирских городов и острогов· из Епанчина — 1, из Нарыма — 2, из Сургута — 23, из Тары — 5, из Тобольска — 7, из Тюмени — 24.

Таким образом, постоянное русское население Томска 1604—1650 гг. состояло при явном преобладании севернорусов из среднерусов (в основном москвичей) и южнорусов. Количественное соотношение этих групп населения может быть выражено приблизительно как 6:2:1. Такое отношение не позволяет при изучении истории томского говора сбрасывать со счета акающие среднерусские (главным образом, московский), а также южнорусские говоры. Ср. количественные показатели разнодиалектного мангазейского населения XVII в.: 971 человек из районов с севернорусскими говорами и 27 человек «из прочих местностей»[35], т. е. приблизительно 36:1, при котором вполне возможна элиминация акающих говоров среднерусов и южнорусов.

---

[35] Цомакион Н. А. Туруханские говоры..., с. 22—25.

Объяснение различий современных среднеобских говоров надо искать именно в неоднородности диалектного состава русского населения Томска XVII в., давшего основной контингент сельского населения Томского уезда. Служилые люди (реже посадские и крестьяне) — носители различных русских говоров — явились основателями многих населенных пунктов Среднего Приобья. Например: пеший казак Григорий Аркашев — д. Аркашевой, пеший казак Степан Нехорошев — д. Нехорошевой, крестьянин Иван Белобородов — д. Белобородовой, конные казаки Губины — д. Губиной, посадский человек Тихон Воронов — д. Вороновой, сын боярский Алексей Сеченый — д. Сеченовой и т. д.[36]

Немалочисленную прослойку томского населения составляли белорусы, украинцы («черкасы»), поляки, объединяемые в документах XVII в. под общим названием «литва». «Томск с давних лет был одним из главных пунктов Сибири, куда ссылалась литва в службу и в пашню. В августе 1633 г. была прислана туда большая партия «литовских людей» в 150 человек. Часть их была поверстана в «конные и пешие казаки», а некоторые попали в боярские дети, остальные же написаны в пашенные крестьяне». По сведениям Н. Н. Оглоблина, большинство «новоприсыльных литовских людей было из Белоруссии (Мстиславского, Кричевского, Оршанского, Могилевского, Пропойского поветов), но были и украинцы из Нежинского повета, из Чернигова, Стародуба, Паволочи. Всего же к 1633 г. в Томске было не менее 200 человек «литвы»[37]. Разграничить это население по языковой принадлежности не всегда возможно. Служилые люди разных национальностей записывались в «литовские списки», в «иноземные списки» — без указания на нацию; представители других социальных прослоек, не включенные в списки иноземцев, обычно названы христианскими именами и образованными от них отчествами или фамилиями, ничего не говорящими об их национальности. Например, среди заговорщиков томской литвы встречаются крестьянин Софрон Иванов и холоп воеводы Зеновий Левонтьев[38].

---

[36] См.: Емельянов Н. Ф. Заселение и земледельческое освоение...: Дис... канд. ист. наук. — Томск, 1972, приложение № 2.
[37] Оглоблин Н. Н. Заговор..., с. 7.
[38] Там же, с. 10.

Несомненно, что украинцами можно считать 24 человека. 17 человек, записанных с этнонимами «черкашенин» или «черкас», трех нежинцев, одного черниговца, запорожского атамана Михаила Скибу, пешего казака Ондрюшку Коломыица (из Коломыя), Ивана Степанова Басаня из Поволочи, белорусами—пешего казака Ваську Иванова Белорусца, Ивашку Могилевца, Петра Салтыковского (из Мстиславского повета), поляками — 30 человек, тех, кого называли «шляхтой», поляками или пришедшими из «Польские земли» (Бжицкие, Ржицкой, Сабанской, Сваровские, Хозинской, Ядловской и др.).

К нерусскому населению Томска относятся 10 человек, записанных в документах «немчинами» (Ганцов, Немцов, Немчиновы, Цыферган и др.), 5 человек греков (Греченины и Греченниовы), 25 человек зырян (Зыренины, Мигалевы, Нелюбины, Сарафановы и др.), 5 якутов и прибывшие в Томск татары, казанские и тюменские. В состав постоянного томского населения входили и аборигены края[39], главным образом тюркоязычные. Это были ясачные люди, «подводные» (т. е. выполнявшие ямскую повинность) и служилые (их в томском гарнизоне в 1626 г. насчитывалось 130 человек)[40].

Итак, население Томска в первой половине XVII в. было разнодиалектным и многонациональным. Потомки этого населения до настоящего времени живут в Томской и Кемеровской областях. Ряд из приводившихся выше фамилий и сейчас относится к наиболее распространенным в сельской местности. Так, например, в Томском районе живут Бубенновы (д. Губина), Вагины (д. Батурина), Вершинины (д. Вершинина, с. Ярское), Губины (д. Губина), Карбышевы (д. Карбышева), Карташевы (д. Коларова, с. Калтай), Киневы (с. Ярское), Кологривовы (д. Бражкина), Коломины (д. Коломина, Нелюбина), Копыловы (д. Губина), Попадейкины (д. Попадейкина), Сартаковы и Аркашевы (д. Аркашева), Шадрины (д. Нагорный Иштан), Шумиловы (д. Нелюбина) и т. п.

---

[39] О нерусском аборигенном населении XVII в. см.: Бояршинова З. Я. Население Томского уезда..., с. 31—114.

[40] Там же, с. 106.

§ 3. Из истории заселения Прикетья

Прикетьем мы называем территорию древнего Кетского острога и районов, расположенных по старому водному пути с Иртыша на Енисей по р. Кети, вокруг этого острога.

По Кетскому острогу XVII в. сохранилось немного документов. Это в основном крестьянские, денежные, хлебные, соляные книги, воеводские наказы, наказные памяти, отписки и грамоты воеводского управления, челобитные служилых людей, пашенных крестьян и аборигенного населения Прикетья.

Общая картина заселения Кетского и Нарымского уездов описана в диссертации Н. Ф. Емельянова[41]. Однако вопросам диалектного населения Прикетья в XVII в. в ней не уделяется достаточного внимания.

Первое население Кетского острога, как и многих других сибирских острогов, отличалось пестротой социального состава. Не менее разнообразным был его состав и по местам выхода первопоселенцев. Прикетье заселялось путем вольной и государственной колонизации, а также через ссылку.

О добровольной колонизации в Кетской уезд в XVII в. свидетельствуют четыре документа, в которых говорится, что отпущены из Кетского острога пашенные крестьяне Гришка Яковлев и Кипрюшка Фатеев к Устюгу Великому, Михейко Васильев и Ивашка Данилов к Соли Вычегодской «по отца и по матерь и по жену... и по дети... з женами и з детми по дядей з женами и детми их и по племянников и з женами же и з детми»[42]. Однако более подробно проследить движение вольнонародной колонизации в Кетском уезде за XVII в. не удалось из-за отсутствия необходимых документов.

Относительно населения Кетского острога до 1645 г. можно сказать, что кроме 20 сургутских годовальщиков, которые ежегодно менялись, палача, воротника, толмача, а с построением церкви — попа, дьячка, пономаря и просвирницы, постоянного населения не было. О том, откуда приехали эти люди в Сибирь, архивных материалов не сохранилось. Но в портфелях Г. Ф. Миллера[43] мы встре-

---

[41] Емельянов Н. Ф. Указ. дис.

[42] ЦГАДА, ф. 214, стб. 878, л. 53, 61, 62, 63.

[43] Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 21, оп. 4, № 16, л. 73 об., 78 об, 66.

чаем некоторые указания на районы выхода годовальщиков Кетского острога. Например: Тимоха Вятка, Ларко Вычегжанин, сургутский литвин Михайло Осипов, Ивашко Ясырь (ясырь—пленники, взятые в плен. Дон.)[44], Янка Шпаковский, Гришка Морж (прозвище могло возникнуть только в поморских районах), Иван Кайдалов (кайдал — стадо. Дон.[45] Кайдалы — кандалы, цепи... Запад и южн.[46]), Василий Хохол, Лука Донской и др. Анализируя имеющиеся списки, можно прийти к выводу о том, что состав кетских годовальщиков был пестрым по своему происхождению. Это были выходцы из различных частей России, из Польши, Украины, Литвы (Шпаковский, Ясырь, Хохол, Донской, Кайдалов).

Незначительная часть сургутских годовальщиков из года в год оставалась на службе в Кетском остроге вплоть до появления в нем постоянного населения. Например, кетской годовальщик Ортюшка Родюков упоминается в документах 1616, 1633 гг., а в 1665 г. говорится уже о детях Ортюшки — Сеньке Артемьеве Родюкове, Елизарке Артемьеве Родюкове. Не исключена возможность, что эта незначительная часть годовальщиков Кетского острога, вошедшая в основной состав старожилов, на протяжении десятков лет усвоила наиболее яркие языковые особенности (например, польские или южнорусские) сургутских годовальщиков, или сама явилась носителем этих черт. Недаром современные прикетские говоры характеризуются целым комплексом «ляшских черт»[47].

К 1643 г. в Кетском остроге складывается постоянное население. Вначале это были только служилые люди. Их было 28 человек, включая подьячего, попа, церковного дьячка, пушкаря, толмача, пономаря, сторожа и палача. По имеющимся в нашем распоряжении материалам за 1645 г. можно установить, что из 28 служилых людей один является выходцем из Устюга Великого, один — из Ярославля, один — из Нижнего Новгорода,

---

[44] Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.

[45] Там же.

[46] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

[47] Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров по старому водному пути с Иртыша на Енисей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1959, с. 9.

один — из Чердынского уезда г. Владимира, один тверитин, два москвитина, двое — «мунгальской породы», монголы или местные новокрещенные аборигены. Место происхождения двух писцов точно установить невозможно. Если судить по антропонимам, то Батажков мог быть выходцем из Новгородской губернии[48], а Майков — из Псковской, Тверской либо Тульской[49].

Число служилых людей, место происхождения которых удалось определить, составляет 44% от всего служилого населения Кетского острога, что, без сомнения, недостаточно для окончательных выводов. Но зная, что население Кетского острога в основном состояло из бывших сургутских жителей, а они были выходцами из разных мест России с некоторым преобладанием севернорусов, можно предполагать, что служилые люди Кетского острога тоже были выходцами из севернорусов. До 80-х годов XVII в. состав служилых людей Кетского острога несколько изменяется. Появляются Войновы, Ждановы, Пановы. К этому времени в среде служилого казачества Кетского острога можно выделить фамилии, составившие основной костяк фамилий старожилов. Это Анисимовы, Батажковы, Волковы, Ждановы, Колпашниковы, Майковы, Мунголины, Пановы, Родюковы, Устиновы. Все эти фамилии имеются и в настоящее время в районе старого водного пути по р. Кети.

Говоря о служилом казачестве Кетского острога XVII г., необходимо установить, насколько прочно оседало оно в остроге и какие факторы способствовали этому. Как правило, служилый человек в Сибири, пришедший сюда без всяких средств, служил за жалованье, денежное и хлебное. Но большие хлебные партии по Кети посылать было трудно, и правительство охотно шло на замену выдачи хлебного оклада предоставлением служилому человеку участка земли. Следовательно, земельные наделы, хлебопашество явились основной причиной того, что служилые люди сибирских острогов надолго, а чаще навсегда, оставались на одном месте (это подтверждают и именные списки служилых людей Кетского острога на протяжении XVII – XVIII вв.).

---

[48] Батожек. Новг. (Тихв.). — Опыт областного великорусского словаря. СПб, 1852.

[49] См.: Дополнение к «Опыту областного великорусского языка». СПб., 1858.

В конце XVI — начале XVII вв. хлеб для сибирских служилых людей собирали «по окладу» главным образом в городах Поморья и доставляли в земский соборный магазин в Верхотурье. Перевозка его оттуда на тысячи километров была трудной. Поэтому вскоре после закрепления русских в Сибири правительство организует здесь «пашенное дело».

В первой половине XVII в. земледельческих районов в Западной Сибири было немного. От Тобольска вниз по Иртышу и от его впадения вверх по Оби более чем на 1000 км не было ни одной крестьянской деревни. Земледельческие островки образовались лишь у Нарыма и Кетска. В 1640 г. кетский воевода Василий Отяев посеял для опыта немного ржи и в 1641 г. сообщил, что был подыскан «кряж большой», где «земля добра и лес чистить можно на пашню»[50]. Это дало возможность Отяеву поставить вопрос о заведении под Кетском десятинной пашни. В это же время просили об отводе земель под пашню и отдельные служилые люди.

Кетская пашня была заведена с 1640 г. Именные книги Кетского острога отмечают наличие пашенных крестьян во второй половине XVII г.: в 1673 г. в Кетске их было 16, в 1677—1680 гг.— 17, в 1687 г. — 22 человека. Но фактически крестьянского населения было больше, так как в списки попадали только главы семей.

В образовании земледельческого населения Прикетья большую роль играла ссылка. Архивные документы показывают, что все ссыльные Кетского уезда были посажены на пашни. В 1665 г. кетский воевода Данила Хрущев писал великому князю Алексею Михайловичу: «... прислано ... ко мне холопу твоему с Москвы в Кецкой острог... тридцать рублев денег пашенным крестьяном на строенье а тех пашенных крестьян июля по 31-е число ко мне ... в Кецкой острог не присланы. Да июня ж ... ехали мимо Кецкой острог в Енисейской острог ссыльные люди с сургуцкими служилыми людьми с Рамашкою Кузвашевым с товарищи окольничево князь Бориса Троекурова крестьяне Андрюшка Барышенок, Сергушка Бабыль, Терешка Барышенок, Васка Барышенок, Трифанко Иванов, Кипрюшка Нестеров з женами и з детми да окольничево ж князя Юрия Микитича Борятинского

---

[50] ЦГАДА, ф. 214, стб. 113, л. 386.

Ивашка Семенов да Иван Камынин, крестьяне Оска Григорьев, Федка Михайлов з женами и з детми. И я... холоп твой хотя тебе великому государю учинить в током пустом месте вечную пашню тех крестьян оставил в Кецком остроге посадил в пашню и купил на те денги пятера лошадей добрых для тово чтоб было на ком новая земля поднять»[51].

Приблизительно в то же время встречаем короткую запись о ссыльных людях муромцах Мишке Дееве с женою, Микишке Карпове с женою Ленкою и об иноземце Якушке Григорьеве[52].

Некоторые из ссыльных обзаводились хозяйством и навсегда оставались в Кетском остроге. Так, из перечисленных выше ссыльных крестьян 9 человек наряду со служилыми людьми составили основу современного старожилого населения Прикетья. Но некоторые ссыльные не выдерживали тяжелой сибирской жизни и убегали.

«Хотя Кетские земли лежали на основном пути из Западной Сибири в Восточную, заселение их шло плохо, как и нарымских, из-за почвенно-климатических условий. В 1720 г. в Кетском уезде было 88 дворов с 340 душами мужского пола русских засельщиков. Они жили в 8 населенных пунктах»[53]. В Нарымском уезде в 1720 г. было 235 дворов с 770 душами мужского населения[54].

Откуда же пришли в Кетской и Нарымский уезды пашенные крестьяне? В основной массе это ссыльные крестьяне князей Б. И. Троекурова и Ю. Н. Борятинского[55]. Из 16 пашенных крестьян, живших в Кетском остроге в 1670—1673 гг., 7 человек принадлежали князю Борису Ивановичу Троекурову (Барышевы, Трифонов, Нестеров, Бобылевы) и прибыли из Московской губернии, три человека—князю Юрию Никитичу Борятинскому и прибыли из Калужской губернии. Кроме этого, из документов известно, что в Кетской острог присланы из Москвы «ссыльные опальные люди четыре человека в пашню на вечное житие», остались в Кетском ссыльные люди из Мурома (два человека с женами) и один

[51] ЦГАДА, ф. 214, стб. 757, л. 90.
[52] ЦГАДА, ф. 214, стб. 915, л. 76.
[53] Емельянов Н. Ф. Указ. автореф., с. 8.
[54] Там же.
[55] ЦГАДА, ф. 214, стб. 757, л. 90.

«иноземец», пять человек пашенных крестьян (среди них Фатеевы) являются выходцами из северных областей России (четыре вычегжанина, один устюжанин).

По имеющимся в нашем распоряжении данным можно подсчитать, какое процентное отношение ко всему крестьянскому населению Кетского острога 1687 г. составляют выходцы из различных областей России (в 1687 г. их было в Кетском остроге 22 человека): из Московской губернии — 9 человек (40,9%), из Калужской губернии — 4 человека (18,18%), из Мурома — 2 человека (9,09%), из Устюга Великого — 1 человек (4,54%), из Соли Вычегодской — 4 человека (18,18%), иноземец — 1 человек (4,54%).

Место происхождения 1 человека неизвестно.

Итого, из средней полосы России с территорий среднерусских (акающих и окающих) говоров — 49,99%, из южной полосы России с территорий южнорусских (акающих) говоров — 18,8%, из северной полосы России с территорий севернорусских (окающих) говоров — 22,72%, иноземцы — 4,54%. Всего — 95,45%. Итак, свыше 60% крестьянского населения Кетского острога имело акающий диалект.

Рассмотрев вопрос о происхождении служилого казачества и пашенного крестьянства, можно с уверенностью говорить о том, что население Кетского острога и его пригородов в XVII в. было представлено выходцами из различных областей России с явным преобладанием населения из среднерусской (акающей) полосы.

Казаки и крестьяне жили как в самом остроге, так и в деревнях. Возможно, деревни (заимки) вокруг острога возникли если не сразу вслед за его основанием, то спустя небольшое время. Так, в 1685 г. наряду с Кетским острогом в расспросных речах уже упоминается д. Курейская[56]. Возможно, в это время в Кетском уезде населенных пунктов было больше (в «Чертежной книге» С. Ремезова в 1707 г. вблизи острога отмечено 6 поселений), но, скорее всего, они представляли собой небольшие заимки, о которых в документе за 1685 г. не упоминается. Во всяком случае в 1710 г. уже были известны следующие деревни: «деревня Отяевка, деревня вверх по Кете реке Пановых, деревня вниз по Кете реке Усть-решная,

---

[56] ЦГАДА, ф. 214, стб. 915, л. 31, 33 и др.

деревня вниз по Кете реке Тогурская, деревня Кецкого уезду на Обе реке, деревня Курейская, деревня Юдиных»[57]. В 1719 г. фиксируются названия деревень Мохова и Комарова. Деревни заселяли пашенные крестьяне и вышедшие на пашню служилые люди, впоследствии ставшие государственными крестьянами. Жители острога и пригорода общались между собой, в результате чего складывалась определенная система говора, близкая к современным говорам прикетской группы.

Для изучения истории прикетских говоров важно решить вопрос о том, все ли современное старожилое население Кети представляет собой потомков первых поселенцев, иными словами, не было ли большого притока населения со стороны в течение XVIII—XIX вв.? С этой целью были проанализированы списки крестьянского и казачьего населения Кетского острога. В 1710 г. в Кетском остроге было 700 человек, в 1782 г. — 1158 человек. Анализ списков 1719 г. и ревизских сказок 1782—1794 гг. показал, что население Кетского острога и его пригорода вырастало в основном за счет местного населения. Лишь незначительная часть его появилась в Кетском остроге в течение XVIII в.

С основанием Московско-Сибирского тракта главный поток переселенцев идет другим, южным путем, районы же Обского Севера остаются в стороне от мест позднего заселения.

В XIX в. население Кетского пригорода извне не пополнялось; напротив, оно уходило в другие районы. Единственно, о чем правомерно говорить для данного района,— это о степени влияния ссыльного элемента на язык жителей Прикетья. Общеизвестно, что в XIX в. Нарымский край был краем ссылки. Царское правительство ссылало сюда в основном политических заключенных из центральных и южных губерний России, из Польши, а также преступников из различных областей европейской части России. По сохранившимся в Томском государственном архиве документам, в деревни, расположенные по р. Кети, с 1818 по 1823 г. был сослан 21 человек, с 1823 г. в те же деревни было приписаны 29 человек. При этом большинство поселенцев «домообзаводства не имели и жили в семьях старожилов»[58]. Даже

[57] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1621.

[58] Томский государственный архив, ф. 58-1-57, л. 45—60.

учитывая это обстоятельство, трудно говорить о каком-либо заметном влиянии на язык старожилов со стороны «поселенцев», так как, во-первых, общее количество ссыльных по отношению ко всему старожильческому населению было невелико (50:1075=1:21) и, во-вторых, поселенцы не оставались надолого в одном месте. Следовательно, долговременного и значительного воздействия на язык старожилов со стороны ссыльных не было, и современные прикетские говоры сформировались на основе смешения речи служилого казачества и пашенного крестьянства Кетского острога и его пригородов XVII в. с последующими изменениями в языке как той, так и другой группы.

Подводя итог всему сказанному о заселении Прикетья, можно утверждать, что:

1. Население Кетского острога и его пригорода составляли в основном служилые люди и пашенные крестьяне.

2. Большую часть пашенных крестьян Кетского острога XVII в. составляли ссыльные крестьяне из среднерусских (акающих) и южнорусских (тоже акающих) областей России.

3. Население Кетского острога и его пригородов в XVII в. было представлено выходцами из разных областей европейской части России с преобладанием населения из среднерусской акающей полосы России. Под влиянием языка этой преобладающей части населения в результате взаимодействия материнских говоров в сибирских условиях сложился говор, близкий к средневеликорусскому.

4. Население Кетского острога и его пригородов в течение XVIII в. вырастает в основном за счет естественного увеличения местного населения и пополняется извне очень незначительно. В XIX в. заметного прироста населения не наблюдается.

Глава II

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 1. Исходное состояние томских говоров

Для реконструкции исходного состояния томского говора комплексно используются различные источники. Общий ход работы можно представить в виде трех этапов, последовавших за установлением диалектного состава населения.

Первый этап. Выявляются черты материнских говоров XVII в. (по опубликованным документам и по исследованиям об этих говорах) и предполагается наличие выявленных черт в речи томского населения первой половины XVII в. Вероятность существования их в исходном состоянии среднеобских говоров равна почти 100%, так как первые поколения русских переселенцев, даже испытывая в сибирских условиях разнодиалектное и разноязычное влияние, не могли сразу утратить местные («досибирские») особености своей речи.

Второй и третий этапы. Правильность реконструкции проверяется сопоставлением с современными среднеобскими говорами и с памятниками письменности, созданными в первой половине XVII в. в Томске (как правило, писец их не указан). Обнаружение реконструированной черты в томских документах и в современных говорах считается бесспорным доказательством ее существования в речи томского населения начала XVII в.

Вокализм

Многодиалектное русское население принесло в Среднее Приобье говоры с различным составом гласных фонем. В начале XVII в. в Томске функционировали говоры с пяти-, шести-, -семифонемным составом, отли-

чавшиеся отсутствием или наличием фонем Ô и Ê. Так, москвичи и галичане были носителями пятифонемного говора, не имевшего Ô, Ê, новгородцы — носители шестифонемного говора (в новгородском говоре процесс утраты Ô как фонемы происходил уже в XV—XVI вв.), владимирцы, переселившиеся в Томск в начале XVII в., очевидно, сохраняли семифонемный говор.

Томские памятники не отражают говоров с фонематической оппозицией О—О, так как знак каморы в них не употребляется, а буквы О, У под ударением не смешиваются [1]. Три слова с различными написаниями подударного гласного (Шестонко, кн. 11, л. 444 об. [2]— Шестунка, кн. 11, л. 461, Засохин, Р[3], 10 — Засухин. кн. 11, л. 441 об., Усулец, Кр., 12 об.) не несут информации о закрытом О, так как в них не было новоакутовой интонации. Но, несмотря на отсутствие убедительных примеров, есть основание утверждать, что в начале XVII в. томские владимирцы и южнорусы еще сохраняли говоры с Ô. О том, что в Томске в первой половине XVII в. были говоры с фонемой Ê, свидетельствует ряд рукописей с этимологически правильным написанием буквы «ять» в ударных слогах перед твердыми согласными (при явно недостаточной грамотности писцов в употреблении других букв) в таких корнях, как -БЪЛ- [4] (бЪлый, бЪлка), -ВЪД- (вЪдомо. вЪдать), -ВЪС- (привЪс), -ЪД- (подЪдут), -МЪЛ- (мЪлкой, мЪлочь), -МЪР- (мЪра, помЪрное), -ХЛЪБ- (хлЪбной), -ЦЪН- (оцЪнка, прицЪнка) и мн. др.

Значительно большая группа томских рукописей отражает говоры, в которых к XVII в. фонемы Е и Ê совпали в одном звучании. Об этом говорят многочисленные написания со смешением букв Е и Ъ под ударением перед твердыми согласными. В статейном списке Петра Копылова 1646 г.: беглых (6 раз) — бЪглых (2 раза), проведывал (л. 151)—провЪдывать (л. 145),

[1]Ср. многочисленные примеры смешения О, У в южнорусских памятниках письменности. (Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с. 28—34).

[2] После примеров из бумаг ЦГАДА название архива и номер фонда опускаются. Указываются номера столбцов, книг и листов.

[3] См.: Список принятых сокращений названий памятников письменности. Цифра указывает номер листа или страницы.

[4] Знаком Ъ заменена буква «ять».

нет (4 раза), тех (9 раз), приехали (4 раза), благоверную (8 раз), крепкой (л. 145), в ответ (л. 151), мЪду (л. 147) — мед (л. 143) и др. В статейном списке Якова Тухачевского: велел (л. 226 и др.) — велЪл (л. 246), велЪла (л. 229), девку (л. 225 и мн. др.), изведать (л. 231), доведался (л. 236), проведали (л. 219), проведать (л. 248), измены (л. 256), изменников (л. 220), крепости (л. 231) и др. Это же наблюдается в томской расходной книге 1630—1631 гг. [268, с. 222] и других документах: оценкЪ (Т-3, 26 об. и др.) — оцЪнке (Т-3, 27 об.), приценки (Т-3, 92 об.), вместо и место (стб. 252, л. 22 об.) — мЪсто (Т-3, 21), ПоспЪлко (Т-3, 21) — Поспелко (Т-3, 20), совет, совету (стб. 53, л. 777), ехал (стб. 53, л. 496) и др. (см. примеры также в статье С. И. Мазо [171, л. 67]).

Говоры с рефлексом фонемы Ê как звука И перед твердыми согласными отражены в единичных примерах: помиру взято (Т-2, 2), тих (стб. 31, л. 592), во всихъ, (стб. 31, л. 603). Более часто встречаются случаи с И перед мягкими согласными. В Таможенной книге 1624 г.: априля (21 раз), чюкриев (3 раза) — ср. чюкрЪйных (3 раза), Матфиева (л. 57). Тимофиев (л. 79); в «Росписи Ивана Петлииа» 1618 г.[5]; ни висть какие (с. 288) — ср.: ни весть што (с. 285), звири (2 раза), щилью, ис щили (с. 287), по обиим сторонам (с. 293): в Статейном списке Якова Тухачевского 1645 г.: бридят (л. 241), Тимофия (2 раза), велили (4 раза) — ср.: велели (л. 242), здисе (л. 230), двисти соболей (2 раза), в других рукописях: симени (Т-2, 46 об.), подильного желЪза (стб. 252, л. 61 об.), априля (Т-3, 51), Ярофиевъ (Т-3, 94 об.), терпили (стб. 31, л. 22) — ср.: терпение (стб. 31, л. 32), Агийко (стб. 31, л. 115), недили (стб. 31, л. 592), висти (стб. 31, л. 592), Елесиевъ (стб. 368, л. 213).

Томские бумаги первой половины XVII в. показывают, что среди говоров Томска функционировали и такие, в которых происходила нейтрализация фонемы А под ударением между мягкими согласными: опЪть (Пт., 289), иачеясь (Тх., 227) — ср.: не чают (Тх., 230), Оловенишник (кн. 27, л. 229), Оловеничников (Р., 56) — Оловянишников (Окл., 11 об.), зыренин (Окл., 31) — зы-

---

[5] Покровский Н. Ф. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. — Сб. ОРЯС, т. 18, кн. 4, СПб., 1914, (в дальнейшем Пт.).

рянин (Окл., 6 об.), устюженин (Окл., 33 об.) — Устюжаиин (Окл., 32 об.), гречеиин (Кр., 2 об.), возможно и почели (Тх., 240, 241), Вятченин (Т-3, 29 об.) и подобные антропонимы на -АНИН/-ЕНИН.

Томским говорам начала XVII в. был известен переход Е в О под ударением перед твердыми согласными, о чем говорят написания: расчоту (Р., 169), парчовых (Т-1, 13 об.), Ершов (Р., 113), жон (стб. 31, л. 118), сшолся (стб. 31, л. 118 об.), пришодчи (стб. 252, л. 50) — ср.: пришед (стб. 252, л. 51), дождом выбило (стб. 53, л. 418) и др. Особенно много примеров в статейном списке Якова Тухачевского 1645 г.: отшол (л. 248), шод (л. 242), пошол (л. 240), пришол (3 раза), пришодчи (л. 219) — ср.: пришед (л. 220), шолку (л. 229 и др.), шолком (л. 250), Тухачовской (л. 219 и др.), душою (л. 225) — ср.: душею (л. 231), на чом (л. 255), жонку (л. 254) и др., а также, вероятно, напород (4 раза), впород (227).

Написание букв Е, Ѣ вместо И под ударением в некоторых томских рукописях может быть отражением новгородской диалектной черты: Пенега (кн. 458, л. 78 об.), Евдокею (СК, 3 раза), ЕвдокѢю (СК, 5 раз), на рѢку КѢю (ДО, 286), на КѢе (ДО, 285).

Безударный вокализм говоров томского населения не мог быть однородным: одной части его было присуще оканье, другой—аканье. Аканье отразилось только в тех документах, которые могли быть написаны москвичами или южнорусами. В них встречаются такие случаи смешения букв А, О в первом предударном слоге, которые могли быть вызваны акающим произношением. В расходной книге 1630—1631 гг.: аральники (4 раза) — оральники (10 раз), другие примеры см. в статье В. В. Палагиной [269, с. 221—222], в приходной книге 1631—1632 гг.: адин (л. 89)—один (л. 47 об.), с козачьим (л. 143)—казаки (л. 143), достольная (л. 101) — достальная (л. 129), на Сабакине (л. 122), кобал (л. 92), в Крестоприводной книге 1647 г.: Моксимов (л. 13 об.) — Максимов (л. 29 об.), татаром (л. 40) — тотаром (л. 42 об.), Баташков (л. 8 об.) — Батошков (л. 6 об.), Астраханцовы (л. 27) — Астроханцовы (л. 28) и др., в Окладной книге 1634 г.: Карнилов (л. 39) — Корнилов (л. 37 об.), Карманов (л. 39) — Кормашко (л. 41 об.), понамари (л. 42 об.) — пономарь (л. 42 об.), Гарбунов (л. 24) и др., в Статейном списке Якова Тухачевского 1645 г., бораныо (л. 254 и др.) — барана (л. 258), Агаркову (л. 254) —

Огарков (л. 219), по писталету (л. 253), помази бог (л. 234), в Статейном списке Дружины Огаркова 1636: с ардою (л. 272) — с ордою (л. 278), утаяся (л. 260) — утояся (л. 260), отлаз (л. 269), бораиьих (л. 279); в других рукописях: Малчан — с Молчаном (Архив АН, ф. 21, № 53, л. 68), бабра (Т-1. 37) — бобра (Т-1, 31), накозанье (стб. 53, л. 554), дадать (стб. 53, л. 684), сабранье (стб. 252, л. 176), татарин — тотарии (стб. 252, л. 40), Кабыльский (стб. 252, л. 176), Гогарин (кн. 458, л. 79), осодили (Архив АН, ф. 21, № 52, л. 6), Табольскаво (стб. 53, л. 426), тавару (Т-3, 3 об.) — товару (Т.3, 1 об.), адиннатцать (Т-3, 1) — одиннатцать (Т-3, 3 об.), таварной (Т-3, 7 об.) — товарной (Т-3, 8) и др.

Аканьем вызвано и употребление буквы А вместо Е: жану (стб. 252, л. 43, 45), Гарасимов (Т-3, 41), Гарасим (кн. 458, л. 81), Гарасимко (кн. 11, л. 626), Гарасимка (стб. 53, л. 551), з жанишками (стб. 241, л. 119 об.), усть Шагарки (стб. 31, л. 115), Шагарские волости (стб. 31, л. 124), а также Жаравль (Окл., 36 об.) (ср. диалектное жерав).

Отражена в томских рукописях нейтрализация фонем А, О во втором предударном слоге: Паламошной (Т-3, 83 об.) — Поламошной (Т-3, 72), дапущаючи (Тх., 249), Саламатов (Окл., 2) — Соломатов (Окл., 4), Парамонов (Кр., 16 об.) — Порамонов (Кр., 5), талмачей (ДО, 273) — толмачи (ДО, 273), абладатель (ДО, 268) и др.

Неразличение предударных гласных, сопровождаемое лабиализацией, вызвало смешение букв О, У в таких словах, как Укулина (Т-1, 31 об.), Коземка (Т-1, 26) — Куземка (Т-1, 23), пукупали (стб. 53, л. 425), доховных (стб. 53, л. 419), Маноилко (Т-2, 38) — Мануилко (Кр., 18 об), Котермин (Кр., 10) — Кутермин (Окл., 14), Тотобалин (Окл., 27) — Тутубалин (Кр., 15 об.), осторожливо (М-2, 316) — усторожливо (М-2, 222), украинные городы (Тх., 248), олусных (ДО, 266) — улусных (ДО, 268), путаму что (Т-3, 33 об.), Мохосраи (стб. 368, л. 216). Этим же вызвано смешение букв О, У, А: Монгазея (Т-1, 22 об.), Мунгазея (Т-1, 47 об.), Мангазеи (Кр., 9 об.).

Предударный вокализм после мягких согласных в одних говорах томского населения XVII в. характеризовался неразличением фонем А, Е, в других — различе-

нием. Большая часть томских памятников письменности отражает екающее произношение их писцов. Например, в Расходной книге 1630—1631 гг. буква Е вместо Я, А пишется во многих словах как в первом, так и во втором предударном слогах: месник, петнадцать, лошединой, девети и др. [269, с. 222], подобные примеры есть и в других документах: воденой путь (М-2, 264), Екушко (кн. 11, л. 439 об.) — ср.: Якушко (кн. 11, л. 456 об.), Ерослав (Кр., 15) — ср.: Ярослав (Окл., 37 об.), Везига (Т-3, 57 об.), Ребинкин (Окл., 15 об), петидесятничншко (стб. 31, л. 127), петидесятником (стб. 53, л. 776), редовые (стб. 252, л. 21), екутов (стб. 252, л. 37) — Якутцкой (стб. 252, л. 38), тритцети (стб. 252, л. 25), есачные (ДО, 285), есак (ДО, 271).

Косвенным отражением еканья можно считать написания Я вместо Е, но они могут быть также показателями другого диалектного явления — яканья: имяна (Кр., 3 раза) — ср.: имена (Кр., 24 об.), лятчин (Т-3, 9 об.), лятчиных (Т-1, 2 раза) — ср.: летчиных (Т-1, 12 раз), Ярошка (кн. 11, л. 439 об.) — ср.: Ерошка (Кр., 31 об.), Ярофейко (Кр., 29 об.) — ср.: Ерофеев (Р., 86 об.), Виляженин (Окл., 21 об.), япанчу (Тх., 229).

В некоторых рукописях в предударных слогах буква И заменяется буквой Е, что, очевидно, является отражением произношения поморцев и новгородцев: желец (Т-2, 37), зепуна (Т-1, 48 об.), ЕиесЪйской (Т-2, 4 раза), галеченин (кн. 11, л. 453 об.) — ср.: галиченин (кн. 27, л. 229 об.), Старечении (Кр., 8), Углеченин (Окл., 26), Федора Мелюкова (стб. 53, л. 43) — ср.: Федора Милюкова (стб. 53, л. 42), Клементьев (стб. 252, л. 20, 21) — ср.: Климентьев (стб. 252, л. 22 об.), сежу (стб. 31, л. 240), Пенеженин (Кр., 15), ПатрекЪев (Кр., 1 а).

Неразличение предударных гласных вызывает смешение букв Е, Ъ, И, А: з детми (СК., 152), Белоусов (Кр., 9 об.), Петух (Кр., 17), збежал (Окл., 34) и т. п., мЪня (стб. 53, л. 776), Ъво (Тх., 10 раз), вЪзут (Тх., 221), ЪнисЪисково (Т-3, 25 об.), тЪмносинь (Тх., 252)—темносинь (Тх., 252) и т. п., Трапизонской (Кр., 2), Кинозеров (Т-3, 85), чарков (Т-3, 43).

Для заударных слогов части говоров томского населения тоже характерно неразличение гласных после твердых и мягких согласных. Это отражается в таких написаниях, как: а) на вылоску (Архив АН, ф. 21, № 50,

л. 65 об.) — ср.: на выласку (Архив АН, ф. 21, № 41, л. 55), Микифаров (кн. 11, л. 440 об.) — ср.: Микифоров (кн. 11, л. 456 об.), Нюхолов (Кр., 13 об.) — ср.: Нюхалов (Окл., 38 об.) и др., ие токма (Тх., 5 раз), горазда (стб. 252, л. 52) — ср.: гораздо (стб. 252, л. 28), блиска (стб. 252, л. 52), пригожа (ДО, 259); б) деветь (Р., 11 раз, П., 30 раз), лошедь (Р., 11 раз), мѣсеца (Пт., 290) — мѣсяца (Пт., 290), памети (СК, 3 раза), рухледи (П., 42 раза), тысечю (П., 3 раза, Р., 2 раза), тысеч (стб. 252, л. 41) — ср.: тысяч (стб. 53, л. 682), слышев (стб. 252, л. 70), послушели (стб. 53, л. 553, 554), лапчетое (Т-3, 91), тритцеть (Т-3. 29 об.), имянем (СК, 148) — именем (СК, 145), лаел (ДО, 289), затѣел (ДО, 279); в) нечим (стб. 252, л. 47), слышил (стб. 252, л. 10), слышилн (Тх., 236) — ср.: слушали (Тх., 247); г) агленскова (Тх., 252) — аглинское (Тх., 252); д) четыря (стб 252, л. 25), с Алтыновымя людмн (Тх., 222). Иногда отмечается полная редукция заударных гласных: пугвиц (Т-1, 19 об.), Пугвишник (Т-2, 2), мыла и щелку (Т-2, 38 об.).

В заударных слогах окающих говоров Томска в XVII в. происходил переход Е в О, что иллюстрируется многочисленными примерами написания О после Ц и шипящих: бохарцов (Т-1, 48), Верхотурцов (кн. 27, л. 230), Володимерцовы (Кр., 27 об.), Казанцов (Окл., 11 об.), старцов (Пт., 289,) и др., крестьянишок (Архив АН, ф. 21, № 46, л. 62 об.).

Консонантизм

Русские говоры томского населения в первой половине XVII в. различались количеством консонантных фонологических единиц. Некоторые говоры имели фонему Ф, в некоторых она отсутствовала (южнорусские говоры). В одних говорах были аффрикаты Ц, Ч (это говоры москвичей, вологодцев, владимирско-поволжские, южнорусские), другие говоры (например, двинские, холмогорский, новгородский) отличались цоканьем.

Цоканье части севернорусского населения слабо отражено в памятниках томской старины. Единственный бесспорный пример—иноземчов (стб. 53, л. 42)—ср.: иноземцов (стб. 53, л. 43). Написание «в чепи» [172, с. 48]

могло появиться и у писца с нецокающим говором[6], а антропоним Чаплин (Т-1, 19) мог быть образован не только от апеллятива ЦАПЛЯ, но и от слова ЧАПЛЯ — сковородник, которое было известно в южнорусских говорах XVII в.[7] Наличие цоканья в томской речи XVII в. подтверждают его остатки в некоторых современных среднеобских говорах (см.: Блинова О. И. [50, с. 51], Молчанова Е. П. [175]).

Отсутствие фонемы Ф в говоре томских южнорусов не иллюстрируется убедительными примерами ни в томских рукописях XVII в., ни в современных среднеобских говорах.

Различное качество некоторых согласных фонем в говорах томского населения находит подтверждение в памятниках письменности. 1. Фрикативное произношение Г отражено в единичных случаях: это или пропуск начальной буквы Г (Ерасимко, Т-1, 33, Ерасимов, Т-1, 58), или замена буквы К буквой Х: х Балаю (СК., 144), поперех (стб. 381, л. 328), а также Галагтионко (Т-3, 18 об.) — ср.: Галахтионко (Окл., 27), облехчение (ДО, 280), мяхкие (ДО, 552), возможно и княиня (Р., 207). 2. О билабиальном В говорят единичные написания: Ноугородец (кн. 11, л. 461), у той подводе [172, с. 46]. Косвенно существование губно-губного В подтверждает отсутствие в томских рукописях XVII в. примеров, связанных с оглушением В в Ф: в них нет замены букв В буквой Ф. 3. Твердость шипящих Ж, Ш в речи некоторых групп томского населения показывают написания ЖЫ, ШЫ. В Таможенной книге 1624 г. в девяти словах написано ЖЫ (дюжына, жылец, жыру, служывой и др.) 128 раз и 76 раз в семнадцати словах написано ШЫ (аршын, большые, Вершынин и др.). Твердость Ж, Ш фиксируют и другие памятники: Першын (Окл., 8 об.), Бжытцкой (кн. 458, л. 91), Дружынка (кн. 11, л. 449), жывут (Пт., 290), положыли (кн. 11, л. 473), слышыл (Пт., 295), рыжых (Т-3, 86), рыжые (Т-3, 70), оружые (стб. 53, л. 420), нашы (стб. 53, л. 418), Шырокой (стб. 53, л. 419), лыжы (стб. 41, л. 592) и др. С другой стороны, о мягком произношении Ж, Ш в какой-то мере

[6] Котков С. И. Южновеликорусское наречие..., с. 115.

[7] Борисова Е. Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Балашов, 1957, с. 12.

свидетельствует последовательное написание ЖИ ШИ, в ряде томских рукописей первой половины XVII в. Например, в статейном списке Петра Копылова (1646 г.), в Приходной книге 1631—1632 гг., в Расходной книге 1630—1631 гг. при частом нарушении орфографических норм под влиянием произношения нет ни одного случая употребления буквосочетаний ЖЫ, ШЫ. Мягкостью шипящих в некоторых говорах Томска можно объяснить такие примеры, как возмужял (Тх., 247), жяграми (Тх., 249), кожю (Тх., 251), слышил (Тх., 221), падежю (стб. 252, л. 177), Коржявин (стб. 368, л. 209).

Качество фонемы Ц в томских говорах начала XVII в. тоже было различно: в большинстве — это твердый звук, в некоторых говорах (поморских, новгородских) — мягкий, а в отдельных южнорусских говорах эта аффриката утрачивала затвор, что нашло отражение в написаниях: князсы (Тх., 258), на колмаском торгу (Тх., 9). Убедительных примеров для иллюстрации Ц' томские рукописи не дают, а иллюстраций твердости Ц в их достаточно: Цыганов (Окл., 31 об.), Черницын (Окл., 18), Цыферган (Кр., 11), Грутцын (Т-1, 23), Селетцын (Р., 20), Норицын (Т-1, 1 об.) и др.

Произношение долгого шипящего звука в речи томского населения показывает употребление буквы Щ в рукописях начала XVII в. В большей части рукописей последовательно пишется сочетание букв ЩИ: годовальщик, наемщик, товарыщи, Пущин и др. Написание ЩЫ в томских документах отсутствует[8], за исключением одного случая — Менщыков (Окл., 9), указывающего на твердость шипящего в говоре писца.

Смешение букв Щ и Ш в сочетании ЩИ (Щитов — Шитов, Голещихин—Голяшихин и т. п.) можно интерпретировать как наличие в говорах Томска XVII в. произношения долгого шипящего (очевидно, Ш'Ш'). Произношением ШЧ объясняются написания: з гулячево (Т-1, 3 об.), новокрешчен (стб. 53, л. 42).

Особенностями произношения вызвано и оформление антропонима Васька Высокие Шти (Т-1, 54), Мишка Высоких Штей (Т-2, 25)[9].

---

[8] Ср.: товарищы, зборщыки — в мангазейской письменности XVII в. (Цомакион Н. А. Туруханские говоры...., с. 274).

[9] Ср.: Высоких Щей пашня под городом. — Переписная книга г. Томска 1720 г. ГАТО, оп. 1, ед. хр. 1.

Памятники томской старины отражают и ряд других диалектных особенностей произношения населения Томска XVII в.

1. Говорам, существовавшим в Томске, было известно произношение ШН, ЦН (при цоканье) н, возможно, ЧН. Произношение ЦН в томских документах не зафиксировано, но рефлекс его в виде лексикализованного явления сохранился в современном томском говоре: молосиый.

Некоторые рукописи первой половины XVII в. последовательно передают сочетание ЧН. Например, в Расходной книге г. Томска 1630—1631 гг. написано только ЧН: кирпичник, лавочник, шапочные, ясачные и др. В некоторых рукописях встречаются сочетания ЧН и ШН. Так, в Таможенной книге 1624 г. 15 раз в двух словах (оброчной, шапочной), пишется ЧН и 35 раз в восьми словах — ШН: двоелишной, Поламошной, посылошной, ретешново и др. Немало примеров с ШН и в других документах: пограишных (Тх., 248), перешница (Тх., 250), брусиишиой (ДО, 269), Колпашников (Кр., 1 об.), ясашным (Кр., 24), кирпишная (Пт., 290), пушешиых (ПТ., 296), Иголнишник (Т-2, 17), оброшной (Т-3, 22 об.), портишных (Т-3, 5 об.), оценошной (Т-3, 7 об.), выморошное (стб. 252, л. 171) и др.

2. Начальное сочетание ВС/ВЗ в говорах XVII в. или произносилось (владимирско-поволжкие, московский), или утрачивало В (вологодские, поморские. южнорусские). В томских документах отразилась утрата начального В, связанная с его билабиальным произношением: руками сплеснут (Пт., 289), сполошное время (М-1, 371) — ср.: для всполохов (М-1, 371), хлЪбы здорожали (стб. 53, л. 418), стретили (стб. 252, л. 177).

3. Вероятно, почти всему населению Томска было свойственио произиошеиие ХТ, что подтверждается многочисленными примерами: хто (СК., 4 раза, ДО, 282, Тх., 240 и др.), нихто (П., 99, стб. 53, л. 555), Галахтионов (кн. 458, л. 78 об.), Галахтионко (Окл., 27), дехтю (Р., 226).

4. В некоторых говорах XVII в. было произношение СТ (конечного и некоиечного) без Т. Конечное С как результат упрощения сочетания согласных для томского говора реконструируется по его современному состоянию: произношение ХВОС, ГВОС' и т. п. устойчиво сохраняется

в говорах Среднего Приобья. Памятники томской старины фиксируют только упрощение СТ перед согласными: пошерсново (Т-2, 12 об.) — ср.: пошерстного (Т-2, 11 раз), шеспадцать (Р., 24 раза, П., 29 раз), Посничко (Р., 46), с Савосьянка (Т-1, 66 об.), перснем (ДО, 280), помѢсиая (ДО, 283) и др.

5. Ряду говоров XVII в. (вологодским, московскому, южнорусским) был свойствен протетический звук В. Томские рукописи отражают это явление: Вострой (Р., 106; Окл., 28 об.), с вотчимом, с Вострокнутом (ТОГА, свитки 1634 г.), вотчима (М-2, 263), восемнагцать (Т-1, 7 раз) — ср.: осмнатцать (Р., 8 раз), восмь (Р., 181 раз, Т-1, 71 раз) — ср.: осми (Р., 210), с осми (Т-1,9 раз) Вахромеев (Т-3, 46).

6. Говорам XVII в. известно произношение некоторых слов с интервокальным звуком В: Ларивонова (П., 15), с Ларивоновым (П., 140 об.) — ср.: Ларионова (Т-1, 53 об.), Левонтей (Т-3, 36 об.) — ср.: у Леонтея (Т-3, 36 об.), Левонтьев (кн. 27, л. 240).

7. К лексикализованным особенностям произношения следует отнести начальный звук **М** в словах: Микифорко (П., 41), Микифоров (Окл., 23), Микитка (П., 29 раз), Микитин (кн. 70, 606 об.) — ср.: Никитин (Т-2, 25), Микулин (Р., 137).

8. Лексикализованными особенностями произношения в исходном состоянии томского говора можно считать: анбар (ГАТО, свитки (1635 г.), Колмогор (Т-2, 21), Колмогорец (Т-1, 13 раз), россомака (Т-1, 2 раза).

§ 2. К исходному состоянию прикетских говоров

Источником реконструкции исходного состояния прикетских говоров XVII в. прежде всего явились деловые документы 1645—1719 гг., написанные в Кетском остроге людьми, жившими там с момента образования в нем постоянного населения. Эти деловые документы отличаются простотой, непринужденностью изложения, отражением целого ряда черт живой разговорной речи как диалектного, так и общерусского характера. Данные памятников соотнесены с данными современных говоров.

На основе изученных памятников делового содержания можно считать, что прикетским говорам XVII в. была

свойственна модель ударенного вокализма, состоявшая из восьми гласных звуков: А, О, Ъ, Е, Ê (предположительно), И, Ы, У. Например: окладъ, брата, указъ; острогъ, воевода, холопъ; Одуевский, Неустроев; краснобура, шубы, оружа; посылан, Нарым, помыла. После мягких согласных: взято, остяк, мяса; прииес, у Федора, студена; кузнешные, х кресному, мелкую; одинатцет, поминошные, книг; Устюского уезда; лЪт, не вЪдаю, мЪсто. В нескольких случаях наблюдается смешение буквы «ять» и Е в положении под ударением перед твердыми согласными: место, хлебные, вЪдръ. Примеры со смешением Ъ и Е составляют 25% от числа всех примеров, где буква Ъ написана этимологически верно. Один пример отмечен со смешением Ъ и И: згорил..

Таким образом, исходя из приведенного материала, с одной стороны, можно говорить о неразличении в произношении части населения Кетского острога XVII в. звуков, обозначаемых буквами Ъ и Е. С другой стороны, исходя из единичного примера на смешение Ъ и И и состава первоначального населения Кетского острога, делаем предположение, что в части прикетских говоров XVII в. могла существовать как самостоятельная фонема Ê.

В памятниках Кетского острога XVIII в. не нашло отражения явление перехода А в Е между мягкими согласными (пьяница, крестьяне, пять). Однако, учитывая состав населения Кетского острога в качестве источника реконструкции, можно допустить, что в части прикетских говоров XVII в. такой переход был возможен, хотя широкого распространения, по-видимому, не имел и утратился очень рано. В современных прикетских говорах только в слове о п я т ь гласный А перешел в гласный Е.

Безударные гласные после твердых согласных

В большинстве документов Кетского острога XVII в. буквы О и А употребляются этимологически правильно и четко различаются в безударных слогах: поспет, товарыщи, в додачю; росходы, в россылках, роспросные речи; нероспечатывана сума, розбрелись, розбежалисЬ.

Очевидно, последовательность правильного написания букв О и А, отсутствие смешения их в большинстве памятников может быть объяснено не столько высокой грамотностью писцов, сколько влиянием на орфографию окающего говора этих писцов.

Однако в некоторой части документов XVII в. встречаем А на месте этимологического О. В первом предударном слоге: камар, бабыль, драбины, к Маскве, про дамашней росходишко, говарили; в остальных предударных слогах: каиовалъ, манастырев, Радюков, в заударных слогах: пятера лошадей; в места Максима, сколько отписак; в абсолютном начале слова: адинатцати рублев, авина, априч, аклад. Примеры смешения букв А и О в безударных слогах указывают на акающее произношение некоторых писцов.

Рассмотренные примеры из памятников Кетского острога XVII в. позволяют считать, что прикетские говоры XVII в. были неоднородными по своему составу и делились на окающие и акающие.

Очевидно, подтверждением этого вывода может служить особенность современного говора д. Усть-Речки Верхнекетского района, представляющая собой отличное от остальных прикетских говоров явление. Во втором предударном слоге после твердых согласных вариантом фонем А и О всегда в этом говоре выступает Ы: пыласами, рыздилёна. По мнению Ф. П. Филина, Ы в ыкающих говорах, вероятнее всего, развился из редуцированного Ъ, а редукционный период «мог быть обусловлен столкновением акающей системы с окающей»[10].

Безударные гласные после мягких согласных

В большинстве документов Кетского острога XVII в. отражен говор, в котором во втором предударном слоге после мягких согласных перед твердыми различаются пять звуков: Е, Ѣ, А, И, У.

Гласные Е и Ѣ. Наряду с этимологически верным употреблением букв Е (безмена, со слезами, два ведра)

[10] Филин Ф. П. Говор д. Семино Дубенского района Тульской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М. — Л., 1949, т. I, с. 287.

и Ѣ (о дѢлах, рѢкою, в мѢста) отмечается довольно частое смешение Ѣ и Е в безударном положении: повѢрстать, три вѢдра, в тѢтрадях; ценою, рекою, збежал; в остроге, в Нарыме, но грамоте. Частое смешение Ѣ и Е не случайно. Очевидно, в говорах писцов и ряда жителей острога в этом положении Е и Ѣ не различались в произношении.

Возможно, в безударном положении между мягкими согласными на месте Ѣ в живом говоре некоторых писцов произносился звук Ê, близкий к И. Об этом свидетельствуют примеры на смешение букв Ѣ, И: оружѢем, поветрѢем.

Рассмотренные примеры позволяют считать, что прикетские говоры XVII в. в произношении звука, обозначаемого буквой Ѣ, в безударном положении были неоднородными. В одних говорах этот звук полностью совпадал со звуком Е перед твердыми согласными и несколько приближался к И перед мягкими. В других говорах этот звук существовал как самостоятельная единица (ср. в документах Кетского острога XIX в.: Феденьки шил халат, на бумаги, которыи, оныи).

Гласные А и Е. Наряду с этимологически правильным употреблением Я после мягких согласных в первом предударном слоге (девяноста, прямою, остяков; остяки, по десятине, пяти) в целом ряде случаев наблюдаем замену Я на Е: 1) перед твердыми и отвердевшими согласными: есашных людей, есак; девеносто, слюденая, во имя светаго шествия; 2) перед мягкими согласными: у Екимка, за мекину, не гледим. Подобное написание было не случайным явлением, а отражением особого произношения некоторых писцов. Можно предположить, что в живом говоре писцов и части жителей Кетского острога произношение Е на месте А в первом предударном слоге проводилось более последовательно, чем на письме. Об этом свидетельствуют случаи замены А на Е в других предударных (у емщиков, редовые) и в заударных слогах (серебренными, к сей памети, дватцеть и др).

Подтверждением екающего произношения части жителей Кетского острога XVII в. может служить современный парабельский говор, бытующий по соседству с прикетскими говорами в котором до недавнего времени сохранялось екающее произношение. Так как Нарымский и Кетской остроги с самого их основания были

тесно связаны между собой (служилые люди часто перепереходили из одного острога в другой, были связаны родственными узами и т. д.), но старожильческий говор Нарыма до сих пор сохранил екающее произношение, то совершенно очевидно, что часть жителей Кетского острога в течение XVII в. также имели екающее произношение, которое постепенно вытеснялось икающим.

Необходимо также отметить, что большинство примеров замены Я на Е отмечено в тех грамотах, в которых отражен акающий говор кетских писцов.

Обратная замена буквы Е на Я наблюдается в нескольких словах: ясаул, пеняжан и имянные, имяны (во всех документах), возможно, по образцу И. п. ед. ч. имя (ср. с памятниками XVIII—XIX вв., где случаи замены Е на Я отмечены лишь у одного жителя Кетской волости Василия Трифонова: за сябя, Василяй).

Как видно из приведенного материала, примеры отражения якающего произношения очень немногочисленны и подчас малоубедительны. Однако можно предполагать, что данные случаи являются частным отражением якающего говора отдельных жителей Кетского острога.

Гласные И и Е. Наряду с этимологически верным написанием И в предударных слогах: не бивал, обнищали, вином; починить, ис Сибири, пищаль находим один пример с заменой И на Е: пехнул. Можно было бы вслед за Н. А. Цомакион расценить этот единичный пример как описку [11], если бы не большое количество таких примеров в памятниках Кетского острога XVIII—XIX вв.: Аликсею, Симеи; не имеится ль, пятисотенныи, требуит (XVIII в.) крисгом, Питра, стипенно, Аликсандра, бисграмотство и др. (XIX в.).

Гласный У. В памятниках XVII в. в первом предударном слоге на месте этимологического 'У всегда находим Ю; ис тюрмы, сюда; людей.

Таким образом, характер употребления букв Е, Я, И, Ъ, У позволяет сделать вывод, что в некоторых прикетских говорах XVII в. в предударном положении после мягких согласных перед твердыми и мягкими различались только три гласные: Е, И, У, т. е. система предударного вокализма Кетского говора XVII в. характеризовалась неразличением гласных неверхнего подъема, совпа-

---

[11] Цомакион Н. А. Туруханские говоры..., с. 236—237.

дением их в первом предударном слоге после мягкого согласного в общем варианте звучания Е, или «еканьем». В течение XVIII, а особенно в XIX в., оно постепенно изменялось в икающее произношение. Возможно, это изменение происходило под влиянием имевшихся в Кетском остроге уже в XVII в., но не нашедших отражения в письменных памятниках икающих говоров.

Наряду с этим в некоторых прикетских говорах, без сомнения, наличествовала система яканья, рано разрушившаяся и заменившаяся «иканьем» или «еканьем». Как видно, говор первых насельников Кетского острога и его пригорода был неоднородным. Скорее всего, в течение XVII в. он еще не сложился. Ничем иным нельзя объяснить наличие в нем черт разных фонетических систем. Общаясь между собой, жители Кетского острога и его пригорода выработали определенный тип икающего говора, который мы имеем в настоящее время.

Консонантизм

Система согласных прикетских говоров XVII в. близка к системе согласных литературного языка того времени, но имеет и ряд отличий.

В изучаемых памятниках XVII в. отмечено несколько случаев употребления на месте Щ—ШЪШ, Ш, что свидетельствует о долгом твердом Ш: сироты обнишали, с рыбы соленой и шучины, в баншыки, на крешене. Особенно показательным в этом отношении является антропоним Шъшегловъ.

По материалам памятников Кетского острога XVII в. трудно судить о качестве шипящих Ш и Ж, поскольку нормы орфографии уже в то время требовали написания после шипящих А, И, У. Звук Ц в прикетских говорах XVII в. был твердым: на Цынгея, троицы, князцы, чудотворцы, отцы.

Буква Ч в большинстве случаев в изучаемых памятниках XVII в. употребляется с буквами Ь, Ю; навстречю, на раздачю, палачю, чюдотворцы, кумачь. Это может косвенно свидетельствовать о мягкости Ч в говоре большинства писцов Кетского острога, хотя подтверждением твердости Ч могут служить следующие немногочисленные примеры: с чорново, счотной.

Особенностью современных прикетских говоров является шепелявое произношение мягких свистящих. Шепелявое произношение мягких свистящих было свойственно и говору некоторых писцов Кетского острога XVII в. Приводим один пример, в котором буква С заменена буквой Ч: три личенки (лисёики) кормленыЪ, две красныЪ (стб. 130, л. 37) (ср. немногочисленные примеры на смешение мягких свистящих и шипящих в памятниках XVIII и XIX вв.: не оставалош ли, невождержание). Очевидно, шепелявые С и З были свойственны некоторой части первых поселенцев Кетского острога. Более широкое распространение шепелявых свистящих в прикетских говорах могло оказаться результатом влияния языка аборигенов. Эту мысль высказывал А. М. Селищев[12]. Хотя он же допускал возможность того, что в некоторых говорах Сибири изменения в рядах шипящих и свистящих могли быть вынесены ранними поселенцами из Европейской России[13]. Акад. А. А. Шахматов считал, что шепелявые свистящие возникли в русских говорах Европейской России под влиянием польского языка.

Что касается прикетских говоров, то нельзя забывать, что в числе первых служилых людей Кетского и Нарымского острогов было немало поляков, например: Янка Шпаковский, Иван Луговской, Сидор Журавский, Елизар Скырневский.

Говоря о шепелявости свистящих в прикетских говорах, следует учитывать и тесное общение русских жителей Кетского острога с аборигенами этого края (селькупами).

В памятниках Кетского острога XVII в. на месте этимологического В постоянно отмечаем В. Ни в конце слова, ни перед глухими согласными буква В ни разу не заменена буквой Ф: с промыслов, колпашников, девяноста рублев; отласам травчатым, впреть, збавки.

Нельзя сказать, что говор писцов Кетского острога XVII в. не знал согласного Ф; в словах заимствованных, особенно в именах собственных, последовательно отмечаем Ф: Федор, Афонасей, Феофан; лишь в одном примере находим замену буквы Ф на П: поп Иосипъ Афонасьев. Все приведенные примеры свидетельствуют о на-

---

[12] Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках. — Славия, X, 1931, с. 202.
[13] Там же, с. 732, 733.

личин В губно-губного образования в говоре писцов Кетского острога XVII в. Только наличием В губно-губного образования можно объяснить случаи замены согласного В на У в начале слова перед согласным: у церкви дьячка не было (кн. 734, л. 146 об.), усего в казне денежных доходов (кн. 1170,л. 92). Возможно, что в других прикетских говорах XVII в., не нашедших отражения в памятниках, имелся звонкий губно-зубной звук В, способный оглушаться в Ф на конце слов и перед глухими согласными.

В бумагах Кетского острога XVII в. мы не имеем ни одного примера на оглушение Г в К или Х: денег, книг, пив и браг. Очевидно, говору писцов и части населения Кетского острога было свойственно взрывное произношение Г (ср. в памятниках XIX в. единичный пример замены Г на К: флак). В говоре другой части жителей мог быть как Г взрывной, так и Г фрикативный, поскольку известно, что часть пашенных крестьян Кетского острога были сосланы туда из южной полосы России. Тогда в словах типа мяхкий, дехтю появление перед взрывными согласными Х можно объяснить не результатом диссимиляции Г и К по способу образования, а смешением диалектов, один из которых имел Г фрикативного образования, а другой—взрывного. В этом случае большое значение для определения качества Г приобретают написания слов в памятниках XIX в., где на месте Г в конце слова появляется Х: не мохъ, плотничьной струхъ, на берихъ и др.

К особенностям, свойственным не только прикетским говорам XVII в., но и многим другим сибирским и европейским говорам, относятся: 1) употребление группы ШН на месте ЧН: увешны, мошно, кузнешные, остатошные, пушешные, кружешной, дощенишное и др. По мнению С. П. Обнорского, произношение ШН вместо ЧН «можно считать ... органической чертой Московской области, с вероятием также Рязанского края»[14]; 2) изменение взрывного заднеебного К перед взрывными согласными К, Т в результате диссимиляции в Х: нихто, хто, х кецкому; 3) диссимиляция губных М и Б по способу образования: онбар; 4) появление протетического В перед О: воспою, у Федора... Вострово, воспопривнвателей. Н. Дур-

---

[14] Обнорский С. П. Сочетание ЧН в русском языке.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 245.

ново полагает, что В перед О и У развилось лишь в западных и южных говорах южновеликорусского наречия; 5) отпадение В в сочетаниях ВС, ВЗ в начале слова: стречаютца, сполошнова; 6) замена Н на М в антропонимах: Микнфор, Микита, Микишка; 7) развитие В между гласными в середине слова: Левонтьев, Ларивон, Ларивонова.

Помимо этих черт памятники Кетского острога XVII в. отражают черты живого произношения, не носящие диалектного характера: 1) ассимиляция согласных по звонкости — глухости: сковоротках, завяски, по скаске; к збору, шездесят, зберетца; 2) изменение сочетания ТС в Ц: зберетца, посылаютца, явитца: 3) изменение сочетаний ДСК, ТСК в ДЦК, ТЦК, ЦК: посадцких, в Кетцком; Кецк, воевоцкие, сургуцкие, соцким; 4) упрощение групп согласных СТН в СН: шеснадцать, с пошерсного, чесных, перснем; СТК в СК, по приверске, подросков; ЗДН в ЗН: на празник и др.

Таким образом, фонетическая система прикетских говоров XVII в., помимо черт общерусского характера, отличалась рядом диалектных особенностей, как севернорусских (оканье, Г взрывного образования, губно-губное произношение В, утрата В в сочетании ВС, ВЗ в начале слова), так и южнорусских (аканье, яканье, произношение Х в конце слова в соответствии с Г; изменение групп КТ, ГТ в ХТ, ХК и др.). А такое явление, как еканье, не может быть отнесено к числу севернорусских или южнорусских черт, оно представляет собой нейтральную диалектную особенность.

Все это говорит о том, что живой язык прикетской старины XVII в., как и томской, сочетая севернорусские и южнорусские черты, еще не имел единой фонетической системы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Вокализм

В фонологических системах среднеобских говоров существенные различия обнаруживаются главным образом в области консонантизма, т. е. именно консонантизм определяет варьирование и группировку исследуемых говоров.

Вокализм среднеобских говоров характеризуется значительным единством. Это единство обнаруживается: в составе дифференциальных признаков (ДП) гласных фонем; в инвентаре фонем; в составе сильных и слабых позиций различения фонем; в фонетической реализации фонем под ударением и в некоторых безударных слогах.

§ 1. Гласные под ударением

Фонологическая система среднеобского диалекта характеризуется пятифонемным составом гласных: $И^5$, $У^5$, $Е^5$, $О^5$, $А^5$. Она организована на основе использования двух типов ДП: лабиализованность — нелабиализованность, три степени подъема.

Характеристика сильных гласных фонем с точки зрения состава ДП: фонема $И^5$ — ДП нелабиализованность (см. оппозицию И—У), верхний подъем (см. оппозицию И—Е); фонема $У^5$ — ДП лабиализованность (см. оппозицию У—И), верхний подъем (см. оппозицию У—О); фонема $Е^5$ — ДП нелабиализованность (см. оппозицию Е — О), средний подъем (см. оппозицию Е—И); фонема $О^5$ — ДП лабиализованность (см. оппозицию О—Е), средний подъем (см. оппозицию О—У); Фонема $А^5$ — ДП нижний подъем (см. оппозиции А—Е, А—И).

Различение гласных по ряду фонологически несущественно. Ряд гласных позиционно обусловлен. Это позиции: 1) после паузы, не перед мягкими согласными (#а, #at); 2) после твердого не перед мягкими согласными (ta#, tat); 3) после мягкого согласного перед твердым (t'at); 4) после паузы перед мягким согласным (#at'); 5) после твердого согласного перед мягким согласным (tat'); 6) между мягкими согласными (t'at') (табл. 4).

Примеры фонетической реализации сильных гласных фонем

$А^5$: а, анна, там, та; д'атл'и; ас'инъ; плат'т'и; д'ат'к'и; закр'нч'ел'н; ап'ет'.

$О^5$: он; лом, во; в'орс; ол'ка; лон'ик; п'ос'і.

$Е^5$: этот оттэда; мэтэфэ; м'ерк'и; эт'и, в эмтыэс'и; и ели; с'ив'ер, йис'.

И[5]: и; иглы; ты; н'итк'и; ил'ьн'ка; был'н; скалат'ил'и.
У[5]: угъл; сутк'н; л'уты; ул'л'и, гут'ка, падл'уч'ка.

Таким образом, в среднеобских говорах, как и в литературном языке, все 6 позиций ударного слога — сигнификативно сильные позиции, так как в них представлено максимальное число единиц (5), возможных в исследуемых говорах.

Таблица 4

Фонетическая реализация гласных фонем среднеобского диалекта под ударением

Позиция	А[5]	О[5]	Е[5]	И[5]	У[5]
#а#, #at	а	о	э	и	у
ta#, t a t	а	о	э	ы	у
t' a	·а	·о	е	и	·у
#a t'	а·	о·	э·	и	у·
t a t'	а·	о·	э·	ы	у·
t' a t'	·а·	·ô·	ê	ч̂	·у·

Фонема Е[5] в позиции после твердых согласных представлена в незначительном числе слов говоров (оттэл', оттэда и др.), в заимствованных словах (шынэл') и в аббревиатурах, однако это не противоречит определению позиции после твердых согласных как сильной, ибо в ней выступают все возможные по условиям дистрибуции гласные фонемы.. Реализация фонемы Е[5] в исследуемых говорах и литературном языке, как видим, одинакова, исключение составляет лексикализованная реализация фонемы Е[5], восходящей к Ѣ древнерусского языка, в звуке И в лексемах с'ивер, ис'.

Фонема А[5] в среднеобских говорах реализуется так же, как и в литературном языке (см. примеры фонетической реализации). Отмечаемый повсеместно в данном регионе лексико-фонетический вариант слова ОПЯТЬ—ОПЕТЬ, а также сужение сферы употребления звука А за счет более широкого использования суффикса -Е-в инфинитивной основе глаголов: закр'ич'ет', стуч'ет', стуч'ел'и, кр'ич'ел и т. п. (в нарымских и причулымских говорах) свидетельствуют о существовании в прошлом в исследуемых говорах иной системы ударенного

вокализма, где позиция t'at' была слабой для оппозиции фонем Е — А по ДП средний — нижний подъем. Еще в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. «в говорах Парабельского района имела место особенность — переход А в Е между мягкими согласными, правда, как малоустойчивая черта» [328, с. 246]. В настоящее время это явление даже в традиционном слое говора отмечается как лексикализованное (опеть) или морфологизованное (стуч'ел'и — стуч'ел).

Сфера употребления Е в старожильческих говорах среднеобского диалекта расширена также за счет И — в окончаниях неличных местоимений, порядковых числительных: ад'и'е, твайех; в инфинитивных суффиксах: гавар'ет', уч'ел'ис', абр'ет', ръстап'епцъ, пъсал'ел'и, и в корнях слов: нал'еф, бат'енач'к'и, л'ев'ьн', кварт'ера, муи'д'ер, ал'ум'еи'ива. Особенно устойчиво такое произношение в притомских и нарымских говорах.

Для среднеобских говоров характерно произношение в ряде словоформ О в соответствии с А литературного языка: вышог'ивът', пасод'ут, заплот'иш, правол'уццъ, атломывацца, покас', тошшут, намозыват, намотыват'. Круг этих слов особенно широк в говорах Томского и Кривошеинского районов.

Итак, современное состояние ударенного вокализма среднеобских говоров характеризуется не только единством, но и общностью определяющих систему говоров звеньев с литературным языком. Диалектные различия касаются фонемного состава отдельных словоформ, т. е. не имеют непосредственного отношения к фонетической системе говоров как таковой.

§ 2. Гласные первого предударного слога

П о с л е т в е р д ы х с о г л а с н ы х. В этой позиции в среднеобских говорах представлены три слабые фонемы $\frac{И^3-У^3}{А^3}$, которые противопоставлены друг другу по двум ДП фонема $И^3$ — верхний подъем (см. оппозицию И — А по ДП верхний — неверхний подъем), нелабиализованность (см. оппозицию И — У по ДП нелабиализованность — лабиализованность); фонема $У^3$ —

верхний подъем (см. оппозицию У — А по ДП верхний — неверхний подъем), лабиализованность (см. оппозицию У — И); фонема А^{3} — неверхний подъем. Нелабиализованность А^{3} не является ее ДП, поскольку в этой позиции всего одна единица неверхнего подъема. Слабая фонема А^{3} эквивалентна двум сильным фонемам О^{5}, А^{5} неверхнего подъема: нос—насы, сам—сама, слабая фонема И^{3} — эквивалент сильной фонемы И^{5}: дым—дымар'; слабая фонема У — эквивалент сильной фонемы У^{5}: лук—луга.

Среднеобские говоры характеризуются недиссимилятивным аканьем, следовательно, безударные гласные Ы, У, А реализуют три слабые фонемы И^{3}, У^{3}, А^{3}, которые противопоставлены друг другу в словоформах с любым ударным гласным: казак, драва, рука, рыбак, травой, дамой, рукой, рыб'ошка.

Диалектные различия в этом звене фонетической системы исследуемых говоров обнаруживаются в фонемном составе некоторых словоформ. Так, в слове БЫВАТЬ и производных от него на месте Ы в среднеобских говорах произносится У: дабуват', буват', абуват'ъл'ска. Лабиализация Ы в позиции между губными в данных словах отмечается, как правило, у представителей старшего поколения.

Нарымские и прикетские говоры отличаются некоторым ослаблением оппозиции фонем У — И по ДП лабиализованность — нелабиализованность: здесь наблюдаются, с одной стороны, случаи лабиализации Ы после губных (прамушл'ат', падмувацца) как результат межслоговой ассимиляции (мужук'и, музуканшшык), с другой — произношение Ы на месте У (пышн'ина). Такое произношение характеризует речь традиционного слоя говоров и регулярно только в словах пышн'ина и прамушл'ат'.

После мягких согласных. Современные среднеобские говоры характеризуются неразличением гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных. В прикетских, причулымских говорах в анализируемой позиции выступают две единицы, две слабые фонемы верхнего подъема И^{2}, У^{2}, составляющие одну оппозицию по ДП нелабиализованность — лабиализованность. У^{2} выступает как эк-

вивалент сильной фонемы $У^5$: Л'уба—Л'убан'а; $И^2$— эквивалент четырех сильных фонем $И^5$, $Е^5$, $О^5$, $А^5$: с'ин'и — с'ин'аф'ки', д'еф'к'и — д'ивах'и, бр'овна — бр'ивна, пан'ат' — пан'ила.

В притомских, приобских, нарымских говорах предударный вокализм после мягких согласных представлен двумя типами. Это, с одной стороны, иканье (в прикетских и причулымских говорах), свойственное речи носителей передового слоя этих говоров, и еканье, отмеченное у представителей старшего поколения, носителей традиционного слоя говоров. Количество единиц, различаемых в этой позиции в разных системах, неодинаково. При иканье, как отмечалось, функционируют две слабые фонемы $И^2$, $У^2$, при еканье различаются три слабые фонемы $\frac{И^3, У^3}{Е^3}$. Фонема $И^3$ (ДП верхний подъем, нелабиализованность) — заместитель сильной фонемы $И^5$, фонема $У^3$ (ДП верхний подъем, лабиализованность) — сильной фонемы $У^5$, слабая фонема $Е^3$ (ДП неверхний подъем) — эквивалент трех сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: р'ат—р'едоф, в'одрьм—в'едро, р'еч'ка — р'ека. Еканье — явление разрушающееся. На путях перехода от еканья к иканью в говорах наблюдается неразличение Е и И, произношение Е на месте фонематического И: в'ено, пон'ела, в'елок, з'ема, кено, п'есмо и т. п. Как отмечает О. И. Блинова, «реализация И в Е находит значительное отражение в орфографии у школьников (ветой дым, удевлен, полетрук, партезаны) и у малограмотных колхозников (веновность, напелись, седят, прегнал)» [50, с. 46].

После шипящих и Ц. Позиция после шипящих в среднеобских говорах — позиция неоднородная, ибо качество Ж и Ш в разных группах среднеобского диалекта неодинаково.

В приобских, нарымских, части притомских говоров, где шипящие полумягкие и мягкие (ж°, ж', ш°, ш'), позиция первого предударного слога после шипящих не изолированная, не уникальная, реализация гласных здесь совпадает с их реализацией после мягких парных по твердости — мягкости согласных: в этой позиции функционируют три слабые фонемы $\frac{И^3, У^3}{Е^3}$. Нелабиа-

лизованный гласный среднего подъема переднего ряда реализует слабую фонему $Е^3$, являющуюся эквивалентом трех сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: ж°ар—ад ж'еры, ж°онка—ж'ена, ш'ес'—ш'ес'т'орка. Под влиянием литературного языка обнаруживается тенденция к реализации слабой фонемы неверхнего подъема в звуке средневерхнего подъема $И^е$.

В причулымских и прикетских говорах позиция после шипящих и Ц своеобразна, отлична от позиции после парных твердых согласных. Здесь функционируют не три, а две слабые фонемы: $И^2$ (ДП нелабиализованность), $У^2$ (ДП лабиализованность). Фонема $У^2$ эквивалентна сильной фонеме $У^5$, $И^2$ — заместитель четырех сильных фонем $И^5$, $О^5$, $Е^5$, $А^5$: жул'ик — жул'йо; жоны — жыны, жарко — в жыре, шес' — к шыст'и; пацан — пацыном, цед'ит — цыд'илка.

Современное состояние среднеобских говоров характеризуется тенденцией к унификации реализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге: позиция после шипящих перестает быть исключительной, т. е. после них, как и после парных твердых согласных, выступает слабая фонема $А^3$, функционально эквивалентная двум сильным $А^5$, $О^5$, т. е. наряду с произношением Ы, после шипящих в словоформах лашыд'ах, жын'их, жыл'ет', жыра наблюдается произношение А: лашад'ах, жара, жал'ет', жан'их.

§ 3. Гласные непервого предударного и заударных слогов

После твердых согласных. Отмеченная позиция во всех исследуемых говорах слабая; здесь выступают три слабые фонемы $\frac{И^3, У^3}{А^3 (ъ)}$, но качество звука, в котором реализуется слабая фонема неверхнего подъема, в разных группах говоров среднеобского диалекта неодинаково.

Прикетские говоры характеризуются качественной редукцией гласных не в первом предударном и заударном слогах, слабая фонема неверхнего подъема реализуется в звуке среднего ряда, средневерхнего подъема $Ъ^ы$: иъ^ыб'ируццъ, мъ^ылады, базаръ^ыф, д'иктъ^ыръ^ыф.

В других группах среднеобских говоров степень редукции гласных «одинакова или почти одинакова для второго и первого предударных слогов» [328, с. 231, 241], т. е. слабая фонема неверхнего подъема, функционально эквивалентная двум сильным фонемам $О^5$, $А^5$, в анализируемой позиции реализуется в звуке, близком к А: паб'ижала, карашо, пакупаш, пам'ешала, нада, самахотка.

В прикетских говорах в позиции после губных и заднеязычных во втором предударном слоге произносится на месте фонематического О звук, близкий к У: пуд Дунаивъі,пу дамам, хумуты.

П о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х. В анализируемой позиции отмечается разнообразие систем, свойственных разным группам среднеобских говоров или разным слоям одного говора.

Основной слой среднеобских говоров представлен системой, состоящей из трех слабых фонем: $\frac{И^3 - У^3}{Ь}$,

где слабая фонема неверхнего подъема — функциональный вариант трех сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: выт'аг'нвът' — выт'ьну, п'ър'иб'ешка — выб'ьгу, н'ос — вын'ьсу.

В прикетских говорах наряду с этой в традиционном слое говоров функционирует система из двух слабых фонем $И^2$, $У^2$, где $И^2$ — заместитель четырех сильных фонем $И^5$, $А^5$, $О^5$, $Е^5$. Как отмечает К. М. Браславец, во втором предударном слоге в прикетских говорах отмечается «значительная (до Ø звука) редукция гласных сочетания -ере-: п'ир'дэла, фс'е п'ир'в'нл'ис', п'ир'с'ил'енка, окны пр'илопъл'ис', пр'имойт' и пасуду» [15].

Традиционный слой нарымских и притомских говоров характеризуется наличием системы из двух слабых фонем $\frac{У^2}{Е^2}$, где слабая фонема неверхнего подъема реализуется звуком средненижнего подъема, акустически средним между А и Е, и является эквивалентом четырех сильных фонем $И^5$, $А^5$, $О^5$, $Е^5$: ч'е^{а}тыр'е, с'е^{а}л'сав'ет, п'е^{а}стр'ед'ниа, п'етак'и, идит'е^а, астарожн'е^а, байар'ен, в'ен'ьк'ъф, н'ев'ер'ел, дв'ес'т'е, ваз'ил'е, хват'ет. Нейтрализация Е и И находит отражение в орфографии школьников. Как пишет В. А. Сенкевич, «наибольшее число ошибок у уча-

---

[15] Браславец К. М. Указ. автореф., с. 8.

щихся нарымских школ на правописание безударного И : выберать, удевился, залевать, горезонт, ресовать, пеонер» (328, с. 240).

В абсолютном начале слова. Вокализм абсолютного начала слова в среднеобских говорах представлен двумя типами. В приобских, причулымских, нарымских говорах функционирует система из трех слабых фонем $\frac{И^3 - У^3}{А^3}$, характеризующихся двумя ДП: И³— верхний подъем, нелабиализованность, У³—верхний подъем, лабиализованность, А³ — неверхний подъем. Слабая фонема А³ эквивалентна двум сильным фонемам О⁵, А⁵; отпуск — атпускных, ан'д'ел—ан'д'елоч'ьк.

В прикетских и притомских говорах представлена система из двух слабых фонем И², У², характеризующихся ДП лабиализованность — нелабиализованность, где слабая фонема И² — заместитель трех сильных фонем: имеª — им'ины, отпуск — итпускал, агрътарадок — играном.

Произношение И в абсолютном начале слова—ибашл'и, идб'ир'ом, ибласа, итлам'ил, ифицэр — в притомских говорах устойчиво сохраняется в речи старшего поколения, а у молодежи отсутствует. В прикетских говорах вариант И в абсолютном начале слова проявляется постоянно, в речи всех слоёв населения, характеризует произношение как старых, так и новых для говора лексем: «иблигацыи, иг'нт'ироват', ил'им'ен'ивы, икуратны. В случае утраты начального согласного гласный, оказавшийся начальным, обычно «преобразуется» в И: испол'ен'иь, исударств'ьны» [16].

§ 4. Сравнительно-типологическое описание вокализма

Описание вокализма среднеобского диалекта позволяет выявить, с одной стороны, черты, общие системам гласных всех групп среднеобских говоров, с другой — черты, их различающие.

Единство среднеобских говоров на уровне вокализма обнаруживается в чертах, общих с литературным языком.

1. Во всех среднеобских говорах функционирует, как и в литературном языке, система из пяти сильных фонем (под ударением), характеризующихся двумя ДП.

---

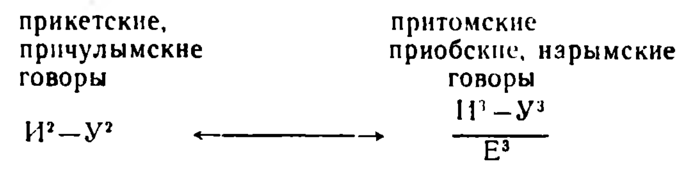
[16] Там же, с. 7.

2. Совпадает во всех среднеобских говорах состав сильных и слабых позиций различения фонем по всем ДП, организующим систему.

3. Одинакова во всех говорах среднеобского диалекта и литературном языке реализация гласных первого предударного слога после твердых согласных.

Диалектные различия [17] касаются таких звеньев вокализма, как

1) состав слабых фонем в первом предударном слоге после мягких согласных:



2) состав слабых фонем в первом предударном слоге после шипящих и Ц:

прикетские, причулымские говоры — притомские, приобские, нарымские говоры

$$И^2 - У^2 \longleftrightarrow \frac{И^3 - У^3}{Е^3}$$

3) состав слабых фонем в непервом предударном и заударном слогах:

причулымские, приобские говоры — прикетские говоры — нарымские, притомские говоры

$$\frac{И^3 - У^3}{Ь} \longleftrightarrow И^2 - У^2 \longleftrightarrow \frac{У^2}{Е^2}$$

4) состав слабых фонем в абсолютном начале слова:

прикетские, притомские говоры — приобские, причулымские, нарымские говоры

$$И^2 - У^2 \longleftrightarrow \frac{И^3 - У^3}{А^1}$$

[17] В работе принимаются и используются основные положения теории диалектных различий, изложенной в «Вопросах теории лингвистической географии». М., 1962.

5) набор ДП слабой фонемы верхнего подъема в непервом предударном слоге и заударных слогах:

прикетские говоры	притомские, причулымские, приобские, нарымские говоры
ДП $У^2$ — лабиализованность (см. оппозицию $У^2$—$И^2$ по ДП лабиализованность — нелабиализованность)	ДП $У^2$ — лабиализованность ←→ верхний подъем (см. оппозицию $У^2$—$Е^2$ по двум ДП)

6) реализация слабой фонемы неверхнего подъема после твердых согласных:

прикетские говоры		притомские, причулымские, приобские, нарымские говоры
Ъ	←——————→	А

Сопоставление членов соответственных явлений, образующих диалектные различия среднеобских говоров, с соответствующими элементами системы гласных литературного языка показывает, что общность вокалистических систем среднеобского диалекта как целого с системой гласных литературного языка проявляется не только в звеньях, единых для среднеобских говоров, но и в звеньях, составляющих диалектные различия: в четырех случаях из шести (2, 3, 4, 6) один из членов соответственных явлений совпадает с соответствующим звеном литературного языка.

Знаменательно то, что как совпадающие, так и несовпадающие звенья вокалистических систем среднеобских говоров и литературного языка реализуют общерусскую тенденцию упрощения системы гласных фонем, но в среднеобских говорах, как показывает материал, эта тенденция проявляется в ряде моментов значительно последовательнее.

КОНСОНАНТИЗМ

§ 1. Состав согласных фонем

Состав согласных фонем в говорах среднеобского диалекта колеблется от 36 (приобские говоры) до 32 (все остальные). Колебания в составе фонем определяются та-

кими звеньями консонантизма, как долгие шипящие и мягкие заднеязычные[18].

Вопрос о долгих шипящих требует особого рассмотрения в плане определения места долгих шипящих в консонантных системах среднеобских говоров, степени их фонематичности, а также в плане сравнения фонематичности ЖЖ и ШШ. Особое положение ЖЖ и ШШ в системе согласных исследуемых говоров и недостаточность разработки самой методики синтагматической идентификации фонем затрудняют решение ряда вопросов. В данной работе определение одно-, двуфонемности ЖЖ и ШШ осуществляется в соответствии с правилами, предложенными Н. С. Трубецким[19]. В притомских, нарымских, прикетских, причулымских говорах ЖЖ и ШШ в нечленимых морфемах совпадают в произношении с долгими шипящими на стыке морфем, где эти долгие шипящие — результат ассимиляции С, З предшествующему шипящему, т. е. в указанных говорах долгие шипящие как самостоятельные фонемы отсутствуют.

Приобские говоры противопоставляются всем остальным группам среднеобских говоров наличием долгих шипящих как самостоятельных фонем.

Сопоставление фонетической реализации фонем С, З, Ш', Ж', рассмотрение существования долгих шипящих в приобских говорах обнаруживают отсутствие параллелизма в функционировании глухих и звонких долгих шипящих, различия в степени их фонематичности. Глухие твердые шипящие нечленимых морфем (ташшы, шшука, шшы) не совпадают в звучании с долгими шипящими на стыке морфем, где эти долгие шипящие (ш'ш'иток) — результат регрессивной ассимиляции (шипящие Ж', Ш', в данных говорах мягкие). Следовательно, здесь ШШ — самостоятельная фонемная единица.

Звонкая долгая шипящая в приобских говорах — тоже самостоятельная фонема, хотя произношение СЖ, ЗЖ (жжал'илс'а, ражжын'илс'а) на стыке морфем совпадает в звучании с $\overline{Ж}$ в нечленимых морфемах. Последние, однако, не могут быть квалифициро-

[18] Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 123.

[19] Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 63, 67.

ваны как двуфонемные сочетания ЖЖ, ибо фонема Ж' в говоре мягкая (ж'алкъ,ж'ну).

Приобские говоры характеризуются наличием мягких заднеязычных Г' и К' как самостоятельных фонем. В этих говорах твердые и мягкие заднеязычные противопоставляются перед О: кот—п'ик'от, т'ик'от, п'ик'оццъ, валак-оццъ; гот — жг'от; перед И: к'ислый — кыск'и, кысач'и-гиблъ — каргыс, каргыз'ин, каргышат'н'ик. Оппозиция твердых и мягких заднеязычных не охватывает позиций конца слова и перед твердыми губными, где различаются соотносительные по твердости—мягкости переднеязычные. В то же время, поскольку круг слов с К и I лексически и морфологически ограничен, отсуствуют позиции нейтрализации фонем К—К', Г—Г', следовательно, говорить о включении К'. Г' в ряд соотносительных по твердости — мягкости нельзя ибо соотносительность согласных в пределах того или иного рода «заключается в параллелизме различаемости или неразличаемости (в определенных фонетических условиях) каждой из пар входящих в данный ряд»[20].

Итак, подвижные звенья, вызывающие колебания в составе фонем в сильной позиции в среднеобских говорах,—это долгие шипящие и заднеязычные. В говорах Кривошеинского, Молчановского, Кожевниковского, Шегарского районов 36 согласных фонем, в других среднеобских говорах — 32[21].

§ 2. Конститутивные и дифференциальные признаки согласных фонем

Система согласных фонем в говорах Среднего Приобья организована на основе использования шести конститутивных признаков (см. табл. 5), по природе артикуляционных. Оценка конститутивных признаков в реляционном плане, т. е. квалификация их как дифференциальных, дается в работе в ходе описания фонетической реализации согласных фонем.

---

[20] Аванесов Р. И: Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, с. 159.

[21] Для определения фонемного состава, как известно, «достаточно установить модели сочетаемости звуковых единиц и противопоставленность этих моделей, при этом не обязательно определять наличие реальных слов или форм, различающихся по этим единицам». (См.: Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968, с. 40).

Таблица 5

Конститутивные признаки согласных фонем

Фонема	Место образования		Способ образования	Участие голоса	Твердость—мягкость	Глухость—звонкость
	по активному органу	по пассивному органу				
П	губная	губно-губная	смычная	шумная	твердая	глухая
П'	"	"	"	"	мягкая	"
Б	"	"	"	"	твердая	звонкая
Б'	"	"	"	"	мягкая	"
М	"	"	смычно-проходная (назальная)	сонорная	твердая	"
М'	"	"	"	"	мягкая	"
Ф	"	губно-зубная	фрикативная	шумная	твердая	глухая
Ф'	"	"	"	"	мягкая	"
В	"	"	"	"	твердая	звонкая
В'	"	"	"	"	мягкая	"
С	переднеязычная	зубная	"	"	твердая	глухая
С'	"	"	"	"	мягкая	"
З	"	"	"	"	твердая	звонкая
З'	"	"	"	"	мягкая	"
Т	"	"	смычная	"	твердая	глухая
Т'	"	"	"	"	мягкая	"

Фонема	Место образования		Способ образования	Участие голоса	Твердость—мягкость	Глухость—звонкость
	по активному органу	по пассивному органу				
Д	"	"	"	"	твердая	звонкая
Д'	"	"	"	"	мягкая	"
Ц	переднеязычная	зубная	аффриката	шумная	твердая	глухая
Ч'	"	небная	"	"	мягкая	"
Л	"	зубная	смычно-проходная (боковая)	сонорная	твердая	"
Л'	"	"	"	"	мягкая	"
Н	"	"	смычно-проходная (назвльная)	"	твердая	"
Н'	"	"	"	"	мягкая	
Р	"	небная	смычно-проходная (вибрвнт)	"	твердвя	
Р'	"	"	"	"	мягкая	
Ш–Ш'	"	"	фрикативная	шумная	твердая мягкая	глухая
Ж–Ж'	"	"	"		твердая мягкая	звонкая
Ш	"	"	"	"	твердая	глухая
Ж	"	"	"	"	"	звонкая
К	заднеязычная	задненебная	смычная	"	"	глухая
К'	"	"	"	"	мягкая	"
Г	звднеязычная	задненебная	смычная	шумная	твердая	звонкая
Г'	"	"	"	"	"	звонкая
Х	"	"	фрикативная	"	твердая	глухая
Й	среднеязычная	средненебная	"	сонорная	мягкая	звонкая

Значение позиционного условия, определяющего дистрибуцию и фонетическую реализацию согласных фонем в среднеобских говорах, как и в «большинстве славянских языков, имеет качество последующего по отношению к согласному звукового элемента». Этим определяется состав позиций для согласных: 1) перед гласными; 2) перед согласными; 3) перед Ø, т. е. в конце слов.

Описание фонетической реализации фонем ведется по группам согласных, соотносительных по глухости — звонкости, твердости — мягкости.

Ф о н е м ы П, П', Б, Б'. Билабиальные шумные фонемы характеризуются в среднеобских говорах четырьмя ДП: лабиальность, смычность, твердость — мягкость, глухость — звонкость, что обнаруживается в оппозициях: 1) Б—Д, Б'—Д', П—Т, П'—Т' (лабиальность—дентальность); 2) Б—В, Б'—В', П—Ф, П'—Ф' (смычность—фрикативность); 3) П—Б, П'—Б' (глухость—звонкость); 4) П—П', Б—Б' (твердость—мягкость)[22].

Схема фонетической реализации П, П', Б, Б'

1) перед гласными, кроме Е

2) конец слова

3) перед В, твердыми сонорными

4) перед И, Е

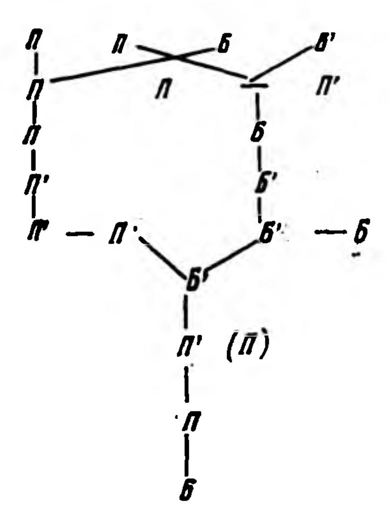
5) перед В', мягкими сонорными

6) перед Б'

7) перед мягкими глухими губными, перед Ч', Ц, К'

8) перед шумными глухими, кроме губных, Ч', Ц

9) перед шумными звонкими, кроме мягких губных



П р и м е р ы: 1) пол, кап'он, бок, хр'иб'от, збыт', зб'ит', згр'ибут, нъ б'ул'ит'н'е, куп'ут, пут;

[22] Здесь и далее буквами через тире обозначаются варианты реализации фонем в разных говорах. Буквами в скобках обозначаются варианты фонем в рамках каждой группы говоров.

2) притомские, прикетские, нарымские говоры: оп, Воп, сноп, хоп, ф ст'еп, гр'еп, глуп, пролуп, суп, хл'нба-роп; приобские, причулымские говоры: хлеп, гр'еп', поп, топ', дроп', сэп', Воп';

3) скр'ибла, тр'ипла, капнут', абнос'ът, абвос, ап.ю-т'ина, аблыс'нт', блуд'ит;

4) на снап'е, на Аб'е, аб'ет, ħ'еть, в зуб'н, на столб'е, на цеп'е, аб'йехат', пйаны, зуб'iа, жыр'еб'iам;

5) абв'ист'и, абм'ер, абв'ин'ч'аiут, аб'в'ндут, пл'и-м'а'ник, кнп'м'а; абв'нс'еццъ, с'инт'нбр'ом, пн'и, сабл'у-даiут, кацн'у, срабл'ивът;

6) аб'б'ер'ик; аб'б'иват';

7) ап'п'ил'ит', ап'п'ил'он, йуп'цонку, ап'чис'т'и, круп'ч'аткъ, ахап'к'им'и, йупк'н, т'ап'к'н, страп'к'и; р'апчык, банк'и;

8) апсач'ит, абхвал'ит', хр'нпт'ина, апт'ешнъму;

9) пагрубжеiе, абдас, абд'ел'ит', абзар'илсъ, аб-з'емл'у.

Позицией максимальиой дифференциации, как видно из схемы, для билабиальных согласных является позиция перед гласным, где противопоставлены четыре фонемы, каждая из которых, обладая четырьмя ДП, реализуется однозначно. В остальных позициях выступают слабые фонемы. В позициях 3, 4, 5 представлены твердые или мягкие варианты слабых фонем П³, Б³ (твердость — мягкость нейтрализованы). В позициях 6, 7, 8, 9 выступают глухне и звонкие твердые и мягкие варнанты слабых фонем П², П'², Б², Б'² с двумя ДП (глухость — звонкость, твердость — мягкость нейтрализованы).

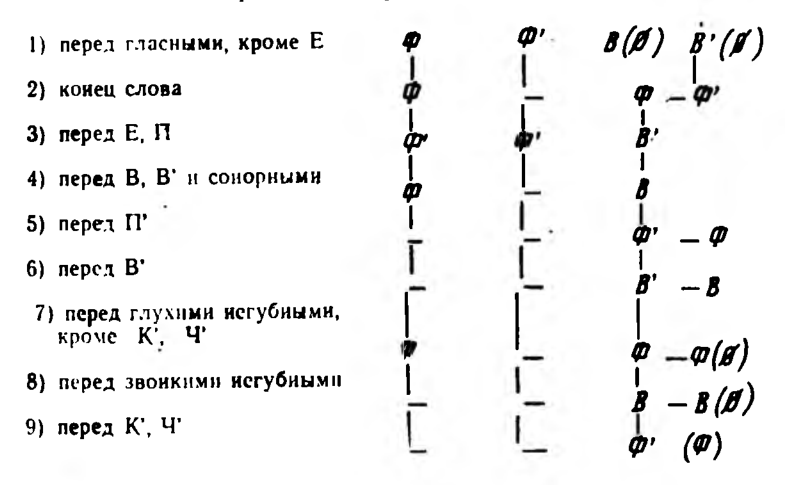
Дналектные различия в данном звене консонантизма обнаруживаются, во-первых, в позиции абсолютного конца слова: в причулымских и приобских говорах эта позиция сильная для различения твердых и мягких согласных, в других говорах твердые и мягкие губные в этой позиции не различаются; во-вторых, в системе варьирования слабых по твердости — мягкости фонем: в позициях 5, 7 в притомских, приобских говорах фонемы П — П', Б — Б', не различаясь, реализуются в мягком варианте, в других говорах — в твердом. Отмеченная особенность, как и большинство других, характеризуется «принципиальной регулярностью, так как в настоящее время в результате разного рода процес-

сов нивелировки говоров отношения регулярности в значительной степени нарушены»[23]. Поэтому наряду с кап'л'н, п'л'им'ан'н'нк возможно канапл'о, пл'им'ан'н'-ица, зараб'л'ивы̂ и скр'ибл'и, ф с'ин'т'иб'р'е и ф с'ин'-т'ибр'е.

Диалектное различие в среднеобских говорах, в-третьих, составляет наличие — отсутствие изменения сочетания БМ — ММ: особенность консонантизма причулымских говоров — в отсутствии изменения БМ — ММ, в отличие от других говоров, где такое изменение (лексикализованное, как в причулымских, приобских, нарымских, и нелексикализованное, как в прикетских) наблюдается.

Фонемы Ф, Ф', В, В'. Лабио-дентальные шумные фонемы Ф, Ф', В, В' характеризуются четырьмя ДП (лабиальность, фрикативность, глухость—звонкость, твердость—мягкость), обнаруживаемыми в оппозициях: 1) Ф—С, Ф'—С', В—З, В'—З' (по лабиальности — дентальности); 2) Ф—П, Ф'—П', В—Б, В'—Б' (по фрикативности—смычности); 3) Ф—В, Ф'—В' (по глухости — звонкости); 4) Ф — Ф', В — В' (по твердости — мягкости).

Схема фонетической реализации Ф, Ф', В, В'



---

[23] Вопросы теории лингвистической географии. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 14.

Примеры: 1) фотът', фукса, куфайка, т'уф'ак, Ф'одър, Ф'иза, шкафы, шаф'оръм, жыв'от, жывот, д'ив'уцца, в'оршы, в'ас, вас, здаравушшу, здараушшу, от, он, па оздуху, као, р'оом, р'иот, распрау, трау, пр'иоз'ут, сплаил'и, праил'нъ, ноин'к'и;

2) дроф, шкаф, бороф, згатоф', р'оф, кроф, кроф', л'убоф, пастаф, цэркъф, торф;

3) здарав'е, на слав'е, Ф'ен'а, ф'ергом, ф прав'е, здаров'ie, нъ трав'е, в'йехът;

4) равно, нъравн'е, главнъ, главн'е, вр'ем'а, вв'ид'и, журавл'и, Фралоф, фр'ен'ч'ик, Фл'игонт, вахли; вр'еднъ, в д'ир'евн'ь, нарамне, дамно, рамн'ак'и, мнуч'к'и, бр'омнъ;

5) ф'п'ит'нром, ф'п'р'имк'и, ф'п'ир'ид'и; фп'охнуты;

6) в'б'игат, в'б'ерьк, в'б'елъ; вб'ижал;

7) кафшом, фкусны, ф кофт'и, фс'акъ, н'ефт'база, сход'ит (всходит), скапат, с'о стр'ич'ал'и, запрафшшык, н'ифтоі, д'ефка, спыхнул;

8) кр'ивда, правд'и, вд'ориут, вдава, зрослы, здумъл, згл'инул, н'изапна, в агуст'и, з'ал'и, вз'атка;

9) д'иф'ц'онк'и, у Дуброф'к'и, спраф'к'и, у Клаф'к'и, залоф'к'и, ф'ч'ирас', штраховк'и, маркоф'к'и.

Так же, как и для других согласных, позиция перед гласными, кроме Е, является абсолютно сильной и для лабио-дентальных. Тем не менее, говоря о фонетической реализации В в среднеобских говорах, необходимо отметить фонетически не обусловленные варианты фонемы В, т. е. такие, которые употребляются в тождественных фонетических позициях. Так, в позиции 1, наряду со звуком В, в речи одних и тех же лиц в одних и тех же словах Ø — перед У: трау; жыу и т. д.; перед О: као, пр'иоз'ут; перед И: стаим, ноин'к'ий; в начале слова перед И: ид'иш; передО: от, он.

В позициях 7, 8 возможен Ø, наряду с более частой реализацией фонемы В[2] в звуках В, Ф: фс'о и с'о, з'ал'и и вз'ал'и, а также здумът, и т. д. Чередования В//Ø, В'Ø как в группах согласных, так и перед гласными в диалектологической литературе принято связывать с завершающимися или недавно завершенным переходом от губно-губной артикуляции этих фонем

к губно-зубной[24]. Такова же, на наш взгляд, природа этих чередований и в среднеобских говорах. В связи с рассматриваемым явлением находится, видимо, и появление В протетического и интервокального перед лабиализованными гласными: вухом, вотпуск, вумны и др.: караул'шык, район, рад'иво, фс'нвобуч, правуч'уццы, б'иволъг'и, ф Ток'ив'ь.

С переходом от губно-губной артикуляции спирантов к зубно-зубной связано, по всей вероятности, появление на месте Ф звуков заднеязычных или губных: вахл'и, ахтобус, куфанч'къ (здесь имеет место и межслоговая диссимиляция): парфорову, назаптра, патаграфия[25].

В говорах Среднего Приобья представлено как лексикализованное изменение ВН—МН: нарамн'е, дамно, рамн'ак'и, мнуч'ик, мнуч'ат, бр'омно — явление, возникающее, как правило, «на стыке и при взаимодействии говоров с разным характером звуков на месте фонемы В»[26].

Диалектные различия в области губно-зубных в среднеобских говорах составляют 1) неразличение — различение твердых и мягких согласных в абсолютном конце слова: в причулымских и притомских говорах абсолютный конец слова — сильная позиция для оппозиций В — В', Ф — Ф', в других среднеобских говорах — слабая; 2) качество недифференцированных вариантов слабых по твердости — мягкости фонем: в притомских (позиции 5, 6, 9), приобских и причулымских говорах (позиция 9) мягкие варианты слабых по твердости — мягкости фонем, в нарымских и прикетских говорах — твердые; 3) в приобских и притомских говорах В протетическое, интервокальное и, наоборот, утрата В перед О, У — живой фонетический процесс, в других говорах эти явления носят, по-видимому, лексикализованный характер.

---

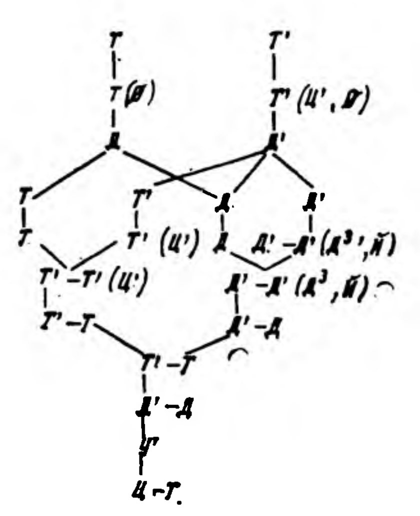
[24] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Избр. труды. М., 1968, с. 244; Блинова О. И. Фонетические особенности говора с. Вершинина Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, вып. 2, с. 49.

[25] Аванесов Р. И. Очерки..., с. 114.

[26] Васильева А. П. Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 234.

Фонемы Т, Т', Д, Д'. Дентальные шумные смычные фонемы Т, Т', Д, Д' характеризуются ДП: 1) дентальность (оппозиции Т — П, Т' — П', Д — Б, Д' — Б' по дентальности — лабиальности); 2) смычность (оппозиции Т — С, Т' — С', Д — З, Д' — З' по смычности — фрикативности); 3) глухость — звонкость (оппозиции Т — Д, Т' — Д'); 4) твердость — мягкость (оппозиции Т — Т', Д — Д').

Схема фонетической реализации Т, Т', Д, Д'



7) перед глухими заднeнебными, губными и твердыми зубными
6) конец слова
5) перед звонкими твердыми задненебными, губными и зубными
1) перед В, М, Н
2) перед гласными, кроме Е
3) перед Е, И
4) перед В', М', Н', И
8) перед глухими мягкими зубными
9) перед звонкими мягкими зубными
10) перед Ч'
11) перед Ц, С

Примеры: 1) т'матт'мушшъ, атмуч'нццъ, в'ед'мъ, падман'иц, падзарац'ил; аднака, аннакъ, чунниъіа, бенны;

2) скат'ина, платы, андатр, д'атл'и, хоит, бунт, прахоит, нахоіут, с'ин'ц'абр'а, ад^3'ин, Валод^3'а, ц'ихъ, над'ом, д^3'ад^3'и, скалац'ил'и;

3) в'ит'ел'н'ик, кан'иц'ел'ны, в мун'д'ерьх, хац'ел, д^3'ел'ут, пъ вад'^{3}е;

4) д'в'е, дв'е, с'од'н'и, м'нд'в'ет', бр'ед'н'и, дз'ер'и, радн'и, на д'н'ах, тв'орды, зан'н'ицъ, падбарод'н'ик, ат'м'ер'нт, пад'йазък, плат'т'и, атйехъл, кладб'ище;

5) хад'ба, ж'ни'ид'ба, адбав'ит', паддоржым, ад г'итары, адгарад'ил, гад'да, годдъпажыу, свадь'б'е, гарад'б'е, адб'ел'ит', адбазар'ит';

6) пос, клас', сладъс', в'орс, нас (наст), мос, понс, хот, кот, Валот', пайехъц', спрас'иц, канпл'ек;

7) нитки, св'ит'к'и, ж'иткъс', прыткъ, атхад'ила, пъттатрыж'илъ, Гут'ка, потпъл, ж'ит'тъ, в'ит-тъ;

8) пат'т'ан'ит, ат'т'уклъл;

9) пад'д'ен'ит, ад'д'нрат';

10) м'о ч' ч'нк, атхоч'ч'иф;

11) инароццы, аццa, атца, съглашатцъ, умываццъ.

Позиция максимальной дифференциации дентальных смычных — позиция перед В, М, Н и гласными непереднего ряда. Особенностью фонетической реализации переднеязычных смычных в притомских говорах является усиление палатализации Д' перед гласными переднего ряда. Одновременно с этим происходит ослабление смычки, в результате чего на месте Д' произносится Й, Д'//Й: д'ад'а д'айь, заходы — захоит.

Среднеобские говоры различаются качеством Т', Д'. В приобских и прикетских Т' и Д' произносятся с мягким свистящим призвуком, что приводит к появлению звуков, близких по своему характеру к мягким свистящим аффрикатам Ц' и Д$^{з'}$. Наличие такого рода звуков отмечается в соответствии Т', Д' перед гласными, в конце слова, начале слова, но не в сочетаниях согласных. Явления «цеканья» и «дзеканья» — яркая черта, противопоставляющая приобские и прикетские говоры другим среднеобским.

Диалектные различия в сфере переднеязычных смычных обнаруживаются и в системе варьирования слабых по твердости — мягкости фонем: в притомских и приобских говорах в позициях 4, 8, 9 выступает мягкий вариант этих фонем, в других говорах — твердый. Фонологическое содержание обоих вариантов, степень противопоставления твердых и мягких фонем во всех группах говоров одинакова, т. е. в этих позициях, а также в 3-й оппозиция переднеязычных смычных по ДП твердость — мягкость нейтрализуется. Возможность употребления в причулымских говорах Т и Т' перед Е: аттел', аттедъ и ф кут'е, на фронт'ъ — существа дела не меняет, поскольку Т перед Е зафиксировано лишь в двух лексемах: аттел' и аттедъ.

В нарымских и прикетских говорах отличается от других среднеобских говоров реализация фонем Т, Т',

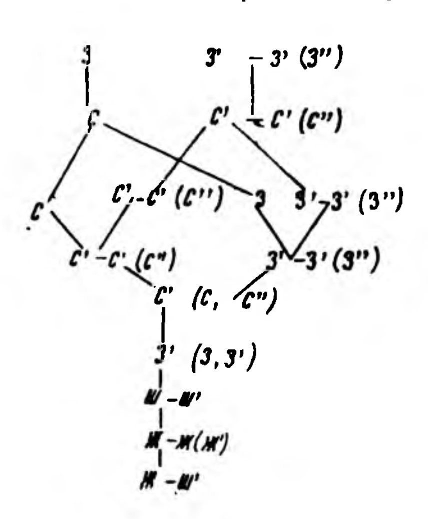
Д, Д' перед Ц и С. Здесь сочетания переднеязычных смычных с Ц и С реализуются в ТЦ; в причулымских, притомских, приобских говорах — в $\bar{Ц}$.

Приобские говоры характеризуются наибольшим числом трех-четырех фонемных сочетаний согласных, упрощение которых происходит за счет утраты Т и Д.

Для всех среднеобских говоров, за исключением причулымских, характерно лексикализованное изменение ДН → НН. Особенность причулымских говоров — отсутствие изменения ДН→НН, даже как лексикализованного явления.

Фонемы С, С', З, З'. Дентальные шумные фрикативные фонемы С, С', З, З' характеризуются четырьмя ДП: 1) дентальность (см. оппозиции С — Ф, С' — Ф', З—В, З'—В' по дентальности — лабиальности); 2) фрикативность (см. оппозиции С—Т, С'—Т', З—Д, З'—Д' по фрикативности — смычности); 3) ДП глухость — звонкость (см. оппозиции С — З, С' — З'); 4) ДП твердость — мягкость (см. оппозиции С — С', З — З').

Схема фонетической реализации С, С', З, З'



3) перед звонкими заднеязычными, звонкими твердыми губными и зубными, кроме В, М, Н
2) конец слова, перед глухими заднеязычными, глухими твердыми губными и зубными
1) перед гласными, кроме Е; перед В, М, Н
4) перед Е, Л, В', М', Н'
5) перед глухими мягкими губными и зубными
6) перед звонкими мягкими губными
7) перед Ш
8) перед Ж
9) перед Ч'

Примеры: 1) в'ос'онны, сочны, лас''ам'и, сам, вз''ац', з''имоі, марозы, бус'ит, сыто, с'ои'г'и, снос, наз'мах, размах, д'ес''ит', съмарод'инь, п'исмо, т'ис'ма, магаз''ин, вас''моі;

2) йас', из'д'ес'', из'д'ес', голос, брос', марос, и'и марос', зал'ес'', роскъ, брос'къ;

3) избушка, р'из'бу, каз''ба, м'изга, м'изг'ир', броз'дъ, ид'и, бъразда, дразда;

4) с''ел, с'м'ин'ал, из''м'ин'илъс', с'м'итала, с'м'итана, з'в'ери, зг'и, с'в'еж'ин'к'и, б'ир'езник' бал'ез'н'ь, гр'аз'ỉу;

5) ус''п'ел, па час''т'ам, ус''т'ирай, выл'ис'т'и, с'п'ирва, исп'ик'и, ръс'с'ид'елъс';

6) з''д'елал'и, з'д'елъл'и, зд'елъл'и, зд'елъццъ, раз'д'ил'ил'и, раз'б'ил, разб'ил'и, в ыз'б'е;

7) рашшыл, рашшыв'ил'ил, шшытьк, — ш'ш'ид'бы, ш'ш'ип;

8) ражжат', ръжжар'илс'ь, пр'ижжал'и, йеж'ж'ины, зав'ижжыт;

9) шшытаỉ, шшытавот, к н'ишшас'ỉу, грушшыком, нишч'асиъ.

Как видно из схемы, в позиции 1 в притомских и прикетских говорах возможна шепелявая разновидность фонем С'⁴, З'⁴. В тех же фонетически не обусловленных разновидностях могут быть реализованы слабые фонемы С', З' в позициях 2, 3, 4, 5, 6. Случаи употребления шепелявых С'', З'' в приобских говорах единичны. Здесь развитие этого явления могло быть заторможено причинами фонологического порядка: бессмычное употребление аффрикаты Ч', ведущее к нейтрализации противопоставления Ч—Ш' (шипящие в приобских говорах мягкие) осложнилось бы совпадением С'' с Ш' (разновидность шипящей аффрикаты), привело бы к нейтрализации оппозиций небно-зубных.

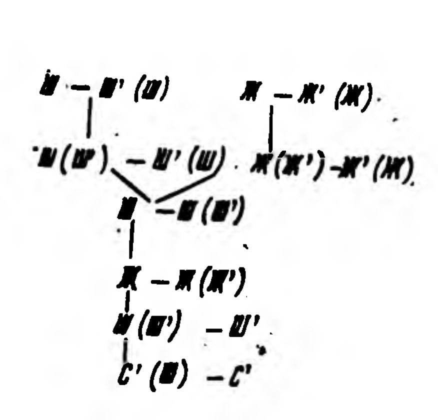
Степень противопоставленности твердых и мягких переднеязычных фрикативных одинакова во всех группах среднеобского диалекта (так же, как и для переднеязычных смычных, сильные позиции по твердости — мягкости 1, 2, 3, т. е. перед гласными, твердыми губными и зубными, перед заднеязычными). Число и качество слабых позиций тоже одинаково во всех группах говоров. Нет различий и в системе варьирования слабых по твердости фонем: во всех позициях, как правило, выступает мягкий вариант соответственных слабых фонем.

В позиции перед шипящими выступают слабые фонемы С', З' (с утраченными ДП глухость — звонкость, твердость — мягкость, место образования), которые реа-

лизуются в звуках Ш', Ж' в приобских говорах, где шипящие обычной долготы мягкие — Ж', Ш', или в звуках Ш, Ж во всех остальных группах среднеобских говоров, т. е. в этой позиции оппозиции фонем С—Ш, З—Ж по ДП дентальность — альвеолярность нейтрализуются. Меньшая степень противопоставленности шипящих и свистящих в среднеобских говорах обнаруживается в случаях мены шипящих и свистящих: шпасибъ, шлужыл, шп'ирт, штакан, зыл'езны, зыл'ет, сылушыл'и, зылудък.

Фонемы Ж, Ш. Фонемы Ж, Ш характеризуются двумя ДП: 1) альвеолярность (см. оппозиции Ш—С, Ж—З по альвеолярности — дентальности); 2) глухость — звонкость.

Схема фонетической реализации Ш, Ж



1) перед гласными непереднего ряда и твердыми сонорными

2) перед Е, И, В' и мягкими сонорными

3) конец слова, перед глухими шумными

4) перед звонкими шумными

5) перед К'

6) перед С

Примеры: 1) жоны, бал'шо, в'орша, сашва, жвачка, страшнъ, ажнъ, башмак, жму, приш'ол, бал'ша, пър'ижаiут, кар'иш'ок, грыж'ъ, прашол, кружоч'към'и, ж'алкъ, ж'ну, пр'иш'йут;

2) бал'ш'им, чуж'им, зганаш'ил'и, ш'иш'иш'към'и, ж'ик'еткъ, пр'игорш'н'и, ва р'ж'и, ж'н'ивъ, с л'иш'и'им, саш'л'ис'; божiа, жм'оццъ, л'иж'ит, жеиски, ушл'и, уш'л'и;

3) сторош, уш, мыш, шкур'ит, шпан'исты; изр'еш'т'ь, пар'еш, мыш', муш, старош'къ;

4) жду, варажба, жди, жну, жги; жд'от, уб'ижд'он, ж'г'от, навыжгл'н;

5) парн'ишк'и, подруж'к'и, п'им'иш'к'и, р'иб'ат'ишк'и; на выш'м'ь, ч'аш'к'и, т'ил'еш'к'и, Саш'к'ин, д'ен'иш'к'и, кн'иш'к'и;

6) баис'с'ъ, зд'елъс'с'ъ, зд'елъшшъ, астан'ишшъ, н'и абр'ес'с'ъ.

Как видно из схемы, в среднеобских говорах качество шипящих обычной долготы неодинаково. В причулымских и прикетских говорах шипящие Ж, Ш — твердые. Приобским, притомским и нарымским говорам известны мягкие и полумягкие шипящие. В притомских и нарымских говорах основной вид шипящих фонем Ш и Ж, хотя в ряде позиций, 2, 5, возможны мягкие и полумягкие разновидности Ж', Ж˙, Ш', Ш˙. По-видимому, это не позиционная мягкость, а сохранение былой мягкости шипящих в благоприятных условиях[27].

В приобских говорах мягкие шипящие отмечены во всех позициях перед гласными переднего ряда, перед В', М, Й, К'. Это дает основание рассматривать в качестве основного вида фонем Ш', Ж' — мягкие звуки, в отличие от других групп среднеобских говоров. Общерусский процесс отвердения шипящих коснулся, конечно, и шипящих приобских говоров, он зашел уже настолько далеко, чтобы считать спорным вопрос об основном виде шипящих фонем, но наличие мягких звуков в позициях 1, 3, в позициях, сильных для оппозиций фонем по ДП твердость — мягкость, позволяет рассматривать Ж', Ш' в качестве основного вида этих фонем.

В соответствии с этим состав одномерных оппозиций, образуемых шипящими в приобских говорах, отличен от состава их в других среднеобских говорах.

Как уже отмечалось, говоры Среднего Приобья, особенно говоры Шегарского, Кривошеинского, Молчановского районов, характеризуются ослаблением противопоставленности шипящих и свистящих, что обнаруживается в их смешении: слагбаум, ф салашке, сыш'к'и и штакан, заштраховън. Явление это отмечено, правда, в ограниченной части лексики, но если эти факты рассматривать на фоне широко представленной нейтрализации оппозиции шипящих и свистящих в словах типа нал'опъс'съ, долб'ис'съ и словоформ типа ш'ш'ид'бы (хотя это явления морфологизованные), то, на наш

---

[27] Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968, с. 124.

взгляд, можно сделать вывод об ослаблении противопоставленности шипящих и свистящих в среднеобских говорах.

Фонемы Ц, Ч'. Аффрикаты Ц и Ч' характеризуются двумя ДП: 1) место образования (см. оппозицию Ц—Ч' по дентальности — альвеолярности); 2) способ образования (см. оппозиции Ц—С, Ч'—Ш по аффрикатности — фрикативности).

Схема фонетической реализации Ц, Ч'

	Ц	Ч'
1) перед гласными, конец слова; перед согласными, кроме Н, Т	Ц(Ц, С)—Ц	Ч'(Ц', ЧЦ', Ш')—Ч—Ч'
2) перед Н, Т	—	Ш
3) перед В, В'	Ц'(С', С)—Ц	Ч'

Примеры: 1) пирцофкъ, рыцеп, ац'ц'а, жыр'ип'ц'а, из-зъ гран'исы, купсоф, пъшан'исы; ч'удак, ц'ир'ис, ч^{ц}уркъ, ф ч'ужом, кл'уш'и, кр'ичат, шишучонку, учылсъ, т'ич^{ч}'от, ч^{ц}ас, ч^{ц}о;

2) ил'ец, доч, гоб'ъц, соспеч, масквиц, продавец, п'еш'къ, в'ир'овъц'ку; ат'ец, ат'ес, врач', враш; с враш'ом, ш'ибат', драгац'еиный; кан'ешиъ, бал'н'ишны, нал'ишны, кирп'ишиу, штоп, м'ел'н'ишиы, пышаи'ишны, паштовы, кар'ишн'ивы, науш'ны, м'ес'ишны, исашны, в'ешны, унистожыт';

3) ц'в'иточ'к'и, ч'вор, ц'в'ит'от, свет, с'в'етъм, с'в'ит'от.

Своеобразие данного звена консонаитизма среднеобских говоров составляет обилие позиционно не обусловленных разновидностей аффрикат. В нарымских и причулымских говорах качество аффрикат совпадает с качеством этих фонем в литературном языке. Кетские говоры противопоставлены всем среднеобским наличием твердой шипящей аффрикаты. Приобские и притомские говоры характеризуются многообразием разновидностей аффрикат Ц, Ц', С, С'; Ч', Ш', Ч^{ч}', Ц'.

Сравнение фонетической реализации аффрикат в притомских и приобских говорах обнаруживает разные пути или, может быть, разные моменты перехода от неразличения аффрикат к их различению. Современное состояние притомских говоров характеризуется своеобразным различением аффрикат, проявляющимся в том,

что все разновидности небно-зубной аффрикаты (их обилие — свидетельство недавнего неразличения аффрикаты) — мягкие (Ч', Ч'ш', Ц', Ш'), а все варианты зубной — твердые (Ц, С). Таким образом, усвоение фонем Ч' и Ц в притомских говорах начинается с различения их по твердости — мягкости. В приобских говорах при переходе от неразличения аффрикат к их различению усваивается прежде всего небно-зубная или зубная артикуляция аффрикат, в то время как противопоставленность по признаку твердость — мягкость осуществляется непоследовательно.

В прикетских говорах обе аффрикаты твердые, хотя возможны единичные случаи реализации фонемы Ч' в звуках Чш, Ц, Ш', Ч, что дает основание предположить неразличение аффрикат в этой группе говоров в недавнем прошлом.

Неодинакова в разных группах говоров среднеобского диалекта возможность употребления бессмычных разновидностей аффрикат. Бессмычные разновидности аффрикат имеют место в притомских и приобских говорах.

Утрата затвора свистящей аффрикатой в обеих группах говоров ведет к расширению сферы употребления звука С, нейтрализации оппозиции Ц—С по ДП аффрикатность — фрикативность. Фонологическая значимость бессмычной разновидности шипящей аффрикаты в указанных группах говоров неодинакова.

В притомских говорах утрата затвора шипящей аффрикатой (Ш') не приводит к полной нейтрализации оппозиции Ч'—Ш (основной вид фонемы Ш — твердый шипящий звук).

В приобских говорах широкое распространение бессмычного употребления аффрикат приводит к уменьшению противопоставленности фонем Ч и Ш'. Нейтрализация этой оппозиции осуществляется не только на уровне модели, но и на уровне словоформы: мошечки и мочечки совпадают в звучании мош'нш'к'н, кошки и кочки — кош'к'и.

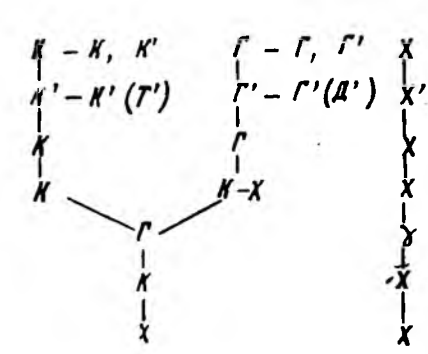
Позиция перед Н и Т во всех группах среднеобских говоров слабая для противопоставления Ш и Ч'. Особой регулярностью произношение ШТ, ШН на месте Ч'Т, Ч'Н отмечено в нарымских, прикетских, приобских говорах.

Фонемы Г, К, Х. Заднеязычные Г, К, Х характеризуются ДП место образования (см. оппозиции К—Т, Г—Д,

Х — С по гуттуральности — дентальиости); фонемы К, Г — ДП глухость — звонкость (см. оппозицию К — Г), фонемы К, Х — ДП способ образования (см. оппозиции К — Х по смычности — фрикативности). Таким образом, набор ДП фонемы Г — гуттуральность, звонкость; фонемы К — гуттуральность, глухость, смычность; фонемы Х — гуттуральиость, фрикативность.

Фонема Г в среднеобских говорах внепарна по ДП глухость — звонкость, поскольку γ — или разновидность фонемы Х перед звонкими шумными, или лексикализованная разновидность фонемы Г в словах церковнокнижных (γоспад'и, блаγаслав'и). По той же причине, т. е. ввиду отсутствия в говорах фонемы γ, в число ДП фонемы Г не входит смычность.

Схема фонетической реализации К, Г, Х



1) перед гласными, кроме Е
2) перед Е, И
3) перед сонорными, В, В'
4) абсолютный конец слова
5) перед звонкими шумными
6) перед глухими шумными
7) перед Г, К

Примеры: 1) б'ир'иг'от, гот, кот, т'ик'от, п'ик'оцъ, койка, каргыс, г'иблы, кыск'и, к'ислы, гат, другу, запр'игот, нос', жын'ихом, захоит, кам'инку, н'и слыхат';

2) д'ен'г'и, маг'илу, иаг'е, бат'инки, к'ип'ит'ит; к'ирп'ишны, Д'ирман'нjа, т'илаграм, нод'и, т'илам'етр, л'ист'ит'и, падй аст'и, т'исл'ицъ, м'изд'ир', т'ипр'еi;

3) спархн'от, кл'ев'нр, агн'аным, их'н'и, кл'уква, кр'аш, кв'ер'ху;

4) пирок, прат'ок, б'нсснох, сапох, сн'ех, абух; кр'ик, выпр'нк, д'еи'ик, б'ир'ох;

5) кагжы, гзанавеск'и, гд'е, г б'ер'игу, ар'еγбы, кагдатъ, нафс'нγда;

6) в закс'ь, максун, макса, пихтовы;

7) продухты, трахт, дохтур, н'икто, м'ахки, карах-т'ирны, трахтар'ис, л'ох'к'и, кантрактацыја, калмахтон, калмактон.

Как уже отмечалось, количество задненебных фонем составляет диалектное различие в рамках среднеобских говоров: приобские говоры характеризуются большим по сравнению с другими среднеобскими говорами числом задненебных фонем, а именно наличием К' и Г'. Фонемы К—К', Г—Г' различаются перед О, И. Как видно из схемы фонетической реализации этих фонем, оппозиции твердых и мягких задненебных не охватывают позиции конца слова, перед твердыми губными, где различаются соотносительные по твердости — мягкости переднеязычные. В то же время, поскольку круг слов с К' и Г' лексически ограничен, отсутствуют позиции нейтрализации противопоставления этих фонем, следовательно, твердые и мягкие заднеязычные не входят в ряд соотносительных, парных по твердости — мягкости фонем. Притомские, нарымские, прикетские, причулымские говоры также характеризуются трехфонемным составом задненебных, т. е. мягкие К', Г' как самостоятельные фонемы в них отсутствуют, но накапливание системой элементов нового качества, стремление к подравниванию отдельных звеньев системы, которое обнаруживается в тенденции к противопоставлению задненебных твердых и мягких, подобно парным по твердости — мягкости передненебным, в прикетских и причулымских говорах продвинуто более вперед, нежели в нарымских и притомских; здесь возможны твердые и мягкие разновидности задненебных перед И: кыска, кыс'ата, выгаркывът, вып'агывът — и к'илаграм, снопики, маг'ил'н'ик, хотя, конечно, это противопоставление охватывает лексически или морфологически ограниченный круг слов.

Среднеобские говоры различаются наличием — отсутствием переднеязычных вариантов задненебных перед гласными переднего ряда. Притомским, приобским, причулымским говорам известны переднеязычные варианты фонем Г, К перед Е, И. В притомских говорах круг слов с подобной реализацией заднеязычных неширок, и само это явление имеет место в морфемах, где заднеязычные всегда находятся перед гласными переднего ряда и где, следовательно, исключена возможность чередования твердых заднеязычных с их мягкой разновидностью.

В приобских и причулымских говорах чередования К'//Т', Г'//Д' достаточно представлены на стыке основы и окончания: л'ис'т'ик — л'ис'т'ит'и, пад'йаскъф — пад'йас'т'и, л'охко — л'охт'и, б'ир'игу — б'ир'ид'и, бумага — бумад'и. О меньшей противопоставленности заднеязычных и переднеязычных в этих говорах свидетельствует и произношение типа ф к'иатр'и, к'ес' (тесть), зъ г'ир'евн'у.

Все среднеобские говоры характеризуются слабой противопоставленностью К и Х, Г и Х, что проявляется в чередовании К//Х, Г//Х перед Т и К. Это чередование является позиционным только в случаях: каво—хто, м'агъи'к'и — м'ахк'и, локът' — лохт'и, когът' — кохт'и и некоторых других, но отмечается в широком круге слов нерусского происхождения: д'ехтар, дохтур, кал'махтон, прадухты и т. д. По мнению Л. Э. Калнынь, «такое неразличение фонем, когда в данной позиции употребляется только одна из коррелятивных фонем, но при этом названная фонема находится в такой морфеме, в которой никогда не бывает представлена другая коррелятивная фонема, тоже может приобрести значение нейтрализации»[28]. Слабая противопоставленность смычных и фрикативных заднеязычных обнаруживается, на наш взгляд, также в употреблении К на месте Х в словоформах: крушк'и, клеф, кр'аш, Сакал'ии, карахт'ирны, и наоборот — хр'ист'ин, асахор'н'ик, халхос.

Причулымские говоры противопоставляются всем среднеобским реализацией фонемы Г в позиции абсолютного конца слова. В результате ослабления артикуляции в соответствии с Г взрывным перед гласными в конце слова произносится Х, т. е. имеет место в причулымских говорах чередование Г//Х и в этой позиции: стогъ — стох, вып'р'агат'—выпр'их, б'ир'игу — б'ир'ох, кругом — крух.

Ф о н е м ы Л, Л'. Сонорные латеральные Л—Л' в русском языке характеризуются ДП: 1) сонорность (см. оппозиции Л—Д, Л'—Д'); 2) латеральность (см. оппозиции Л—Н, Л'—Н'); 3) твердость — мягкость (см. оппозицию Л—Л').

П р и м е р ы: 1) в lугах, с'нр'д'иlас', н'и кала, ф кал'ах, ф палах, быlъ, быlа, маlъ, паткаlывал, бываlъ, из'д'еlъlсъ, зав'ила, зав'иlа;

[28] К а л н ы н ь Л. Э. Развитие корреляции твердость — мягкость согласных в славянских языках. М., 1961, с. 12.

2) **бы**l, **был'**, **ныл, выл;**

3) **в балду, на л'ду, м'ел'ч'и, колч'ак, ста**l**б'ит', вал'-б'ишше, колк'и, у кол'к'и, во**l**к, б'е**l**к'и, б'илкават';**

4) **ф пол'ь, нъ кал'е, кол'цо, крыл'цы; кол'йи, пал'л'у, был'йом.**

Схема фонетической реализации Л, Л'

1) перед гласными, кроме Е	Л	— л(е)	Л'
2) в абсолютном конце слова	Л	— л(е)	Л'
3) перед согласными, кроме Й, Ц	Л	— л(е)	Л'
4) перед Е, Й, Ц	Л	л(е)	Л'
		Л'	

Диалектные различия в этом звене консонантизма среднеобских говоров обнаруживаются в наличии — отсутствии *l*, фонатически не обусловленной разновидности фонемы Л. Перед гласными, в абсолютном конце слова, перед согласными, кроме Й, Ц, т. е. во всех сильных для противопоставления Л—Л' позициях, в притомских и приобских говорах в соответствии Л может иметь место *l*, приобские говоры характеризуются более широким употреблением этой разновидности фонемы Л. Примеры типа тафстаногъ, тъфстаморда и т. д. в этой группе говоров свидетельствуют о недавнем существовании иной системы фонем, о былом наличии в ней позиционного чередования Л//у[29]. Конечные сочетания ВЛ', БЛ' во всех среднеобских говорах подвергаются упрощению, корабл'и — карап (п'), жураф, руп (п').

Фонемы М, М'. Сонорные носовые губные М, М' характеризуются ДП: 1) сонорность (см. оппозиции М—Б, М'—Б'); 2) лабиальность (см. оппозиции М—Н, М'—Н'); 3) твердость — мягкость (М—М').

Примеры. 1) с р'имонту, р'им'оины, ман'еж'ил, м'ахкъ, санпр'атки, пан'имъ, санапр'ах'и, наб'ил'изавал'и;

[29] Теплова В. Н. Звуки Л, *l*, У на месте этимологического Л твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. — Фонетика севернорусских говоров. М., 1967, с. 157.

2) дом, нас'им', с'йем, с'ем, восем, наз'ом, р'имат'ис';

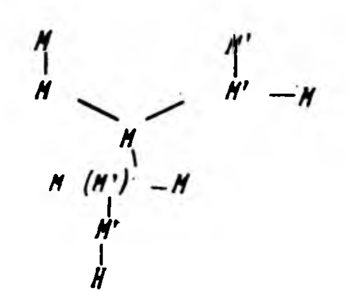
3) домработ'н'ицъ, много, с'имнаццът';

4) вос'им'д'ис'ит, м'н'е, р'ум'к'и, нъ зам'к'е, св'ажым'т'и, памр'от, храмльт, л'ам'к'и, ком'к'и;

5) на лам'е, в дом'ь, с'ем'іу, ком'іу, ком'іи, с'им'йа;

6) канпания, ланпъф, данба, канфарины, банб'ил'и, анбар, ч'инбары, канпр'ес, канпай'йоишыкъф.

Схема фонетической реализации **М, М'**



1) перед гласными, кроме Е
2) абсолютный конец слова
3) перед твердыми согласными
4) перед мягкими согласными
5) перед Е, И
6) пéред губными согласными

Особенность данного звена консонантизма среднеобских говоров составляет слабость оппозиции М—Н, М' — Н', что обнаруживается в мене М — — Н перед губными, также и в других позициях: данкрат, санапр'аха, н'имъ, панима, н'еб'ил; наб'ил'изовън, кансамол, кънсамол, с'он'г' (сёмги). Слабость этих оппозиций проявляется также и в случаях мены Н → М, правда, редких: ромжа, Микалаі, М'икола.

Диалектное различие в среднеобских говорах составляет различение — неразличение М—М' в абсолютном конце слова. В приобских говорах позиция конца слова — сильная для противопоставления твердых и мягких М—М', в других говорах — слабая, М и М' реализуются в твердом звуке.

В притомских и причулымских говорах в позиции перед мягкими согласными наряду с преобладанием недифференцированного твердого варианта возможны случаи ассимилятивной мягкости: восим'д'ис'ит, рам'к'им'и.

Приобские говоры характеризует слабая противопоставленность фонем М—В перед Н, о чем свидетельствует изменение сочетаний ВН→МН и, наоборот, МН→ВН. По мнению А. К. Васильевой, мена МН → ВН при наличии в говоре мены ВН → МН «появилась не в резуль-

тате самостоятельного фонетического процесса, так как это предполагало бы существование в языковой системе одновременно двух взаимопротивоположных тенденций, а как следствие отхода от диалектного произношения — неразличения в говорах исконных сочетаний МН — — ВН (дамно, рамно, мнук и миогъ, помн'у) [30].

Фонемы Н, Н'. Сонорные назальные дентальные Н, Н' характеризуются ДП: 1) сонорность (см. оппозиции Н—Д, Н'—Д'); 2) дентальность (см. оппозиции Н—М, Н'—М' по дентальности—лабиальность); 3) твердость—мягкость (см. оппозицию Н—Н').

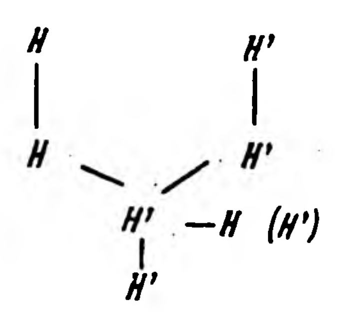
Схема фонетической реализации Н, Н'

1) перед гласными, кроме Е, твердыми губными и зубными, перед заднеязычными

2) абсолютный конец слова

3) перед мягкими губными и зубными

4) перед Ч', Ш, П, Е



Примеры: 1) пануры, иъ пан'ух, нос, н'ос, ан'и, штаны, шпана, шпан'ат, сутункъ, Ман'къ, д'ен тъ, д'онтъ, банда, д'ен'г'и, д'ен'гам, д'ен'бы, д'онбы, ган'ба, бенза;

2) ман', абман, к'ин', тын; бал'ес', жыс';

3) на дн'е, на кап'е, в агн'е, ва си'е, бен'з'ин, бан'д'иг, инт'ресины, къман'д'ир, к'ин'т'е, д'ен'б'ьл;

4) кон'ч'ик, стакан'ч'ик, тон'шы, ран'шы, фан'шонки, жен'ч'ина, в'ин'чајуцца, вар'ени'ъ, прасватъ'н'јь, п'ивун'іа, ражд'ен'ъ.

Как показывает схема фонетической реализации переднеязычных носовых, во всех среднеобских говорах позиции 1.2 — сильные для противопоставления Н—Н', 3, 4 — слабые. Диалектные различия в этом звене консонантизма обнаруживаются в качестве недифференцированного варианта слабых по твердости — мягкости

---

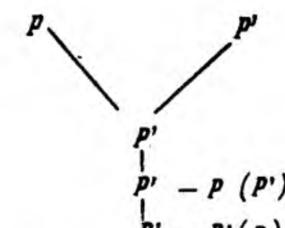
[30] Васильева А. К. Об изменении сочетаний ВН и МН по говорам русского языка. — Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 238.

фонем в позиции перед мягкими губными и зубными: притомские, приобские, причулымские говоры характеризует мягкий вариант Н', в нарымских и прикетских — ассимилятивная мягкость непоследовательна, т. е. наряду с мягкими согласными в этой позиции преобладают твердые. Приобские говоры характеризует более широкая сфера употребления переднеязычных носовых по сравнению с другими говорами; Н произносится на месте М перед губными; на месте Д в сочетаниях ДН, Д'Н', на месте Л (анкагол'ик).

Прикетские говоры отличают от других среднеобских твердые варианты слабых по твердости — мягкости фонем перед шипящей аффрикатой: в прикетских говорах шипящая аффриката — твердый звук, и Н, Н' реализуются перед ней в твердом варианте: кончыл, затончык, чуг'и, нончы.

Фонемы Р, Р'. Среди переднеязычных фонем вибранты стоят несколько особняком: они образуют только одну одномерную оппозицию: Р—Р' (по твердости — мягкости).

Схема фонетической реализации Р—Р'



1) перед гласными, кроме Е, перед твердыми зубными и губными, перед заднеязычными, в абсолютном конце слова

2) перед Е, перед Й

3) перед мягкими губными и зубными

4) в сочетаниях, восходящих к* tьrt

Примеры: 1) прафше, гр'аткъ, пр'ас', брат, крук, укруч'ины, вяробы, татар'онкъ, варжъ, камар'жь, горкъ, с'ер'га, с'ер'г'инъ, дв'ер'бы, торбъ, кор'те, двор тъ;

2) в хар'е, ка д'в'ир'е, кур'iа, кур'йа;

3) кар'н'изъм, см'ер'т'и, кур'н'ик'и, пор'т'ицъ, п'ир'м'анк'и, таперча, багорч'ик, агур'ч'ик, агурч'ик, карм'ил'и, кустарн'ик, прав'ер'т'ь, св'ерт'ь, кон'в'ерт'е;

4) кв'ерху,' цер'ква, в в'ир'хах, св'ер'ху, в'ир'хаво, п'ервы, сп'ерва, з'еркълъ, с'ерп, кв'ерху, в'ирхом, с'ир'пом, з'ер'кълъм, с'ер'п'ич'ик.

Диалектные различия в фонетической реализации Р и Р' в среднеобских говорах проявляются в позиции перед мягкими согласными. В притомских, приобских, нарымских говорах перед мягкими зубными и губными согласными Р и Р' реализуются в мягком варианте, в прикетских и причулымских — в твердом. Такое же распределение твердых и мягких согласных наблюдается в сочетаниях, восходящих к *tъrt.

Диалектные различия обнаруживаются и в позиции перед гласными. Эта позиция сильная во всех говорах, как и в литературном языке, но сфера употребления Р и Р' в разных говорах неодинакова: грыбы, таварышшы, кар'ит'т'и, зв'ирок, завтр'а, крыика, крысалъ, круч'ком, грып, рыцеп, черымошн'ик, струч'к'и.

Диалектное различие, как видим, лексикализовано. Поэтому соответственные единицы говоров и литературного языка: завтракать — завтрекать, рыцеп — рецепт, стручок — струч'ок и т. п. — выступают в системах среднеобских говоров как лексико-фонетические варианты слов.

Ф о н е м а Й. В системе согласных современного русского языка сонорная фрикативная фонема Й является фонемой изолированной[31], она не образует ни одной одномерной оппозиции.

Схема фонетической реализации Й

1) перед ударными гласными	Й
2) на конце слова, перед безударными гласными, перед непереднеязычными согласными	I і (∅) і—(Н', Т', С', Ч' и др.)
3) перед безударными гласными после переднеязычных согласных	I
4) в сочетаниях айе, ейе, ойе, уйу, айа, ийе	∅ — і

П р и м е р ы: 1) с'йом, уб'йом, Йул'иц'ка, йокът, в'ид'ин'йо; 2) падаі, здаровыі, здаровы, п'ервы, первыі, пад'ом, паід'ом; 3) хр'ишшен'іь, п'ивуніа, плат'ін, плат'т'и, хр'ишшен'н'ь, брат'т'иф, с'в'ин'н'и, ноч'ч'у;

4) работът, врушну, тон'нн'к'и, друга, тако, с'нл'и'е, к'идаіьт, врушнуіу, другаіа, с'ил'н'еіь, такоіь.

Схема фонетической реализации показывает, что в основном своем виде фонема Й встречается только

---

[31] Ср. положение фонемы Й в системе древнерусского языка. (См.: И в а н о в В. В. Указ. раб., с. 835).

в позиции I, перед ударными гласными. Как и в литературном языке, фонема Й «в собственном смысле слова склонна превратиться в переходную артикуляцию между гласными, наличие или отсутствие которой оказывается несопряженным с различием звуковой стороны разных слов и форм, ее наличие в этих случаях скорее свидетельствует об отсутствии согласной фонемы между гласными, чем о присутствии Й как фонемы, так как последняя может и отсутствовать»[32].

Такое положение фонемы Й в системе среднеобских говоров определило особенности ее варьирования. В частности, ассимиляция Й предшествующему согласному предопределена, по-видимому, фонологической слабостью Й в сравнении с фонологически существенными ДП, Н, Т и т. д. Диалектные различия в этом звене консонантизма обнаруживаются в постпозиции переднеязычных согласных: нарымские и прикетские говоры противопоставлены другим группам говоров отсутствием ассимиляции Й предшествующему согласному. Другая особенность фонетической реализации Й в нарымских и приобских говорах — утрата его в абсолютном конце слова (прилагательных, порядковых числительных м. р. ед. ч. И.—В. п.). Будучи чертой по природе морфологизованной, вместе с другой чертой этих говоров того же плана — утратой Й в интервокальном положении в глаголах (на стыке основ и окончаний), в падежных флексиях прилагательных — они сужают сферу распространения Й в данных группах говоров.

Особенность причулымских говоров состоит в возможности употребления сочетаний АЙА, АЙЕ и т. д. в глаголах и прилагательных без утраты Й и последующего их стяжения.

§ 3. Состав ДП согласных фонем

Изучение фонетической реализации согласных фонем, характера противопоставлений их в сильных позициях позволило определить состав ДП фонем среднеобских говоров.

Б —	лабиальность,	смычность,	звонкость,	твердость
Б' —	„	„	„	мягкость

[32] Аванесов Р. И. Фонетика современного... языка..., с. 192.

П —	„	„	глухость,	твердость
П' —	„	„	„	мягкость
В —	„	фрикативность,	звонкость,	твердость
В' —	„	„	„	мягкость
Ф —	„	„	глухость,	твердость
Ф' —	„	„	„	мягкость
Д —	дентальность,	смычность,	звонкость,	твердость
Д' —	„	„	„	мягкость
Т —	„	„	глухость,	твердость
Т' —	„	„	„	мягкость
З —	„	фрикативность,	звонкость,	твердость
З' —	„	„	„	мягкость
С —	„	„	глухость,	твердость
С' —	„	„	„	мягкость
Ж—Ж' —	альвеолярность	„	звонкость	„
Ш—Ш' —	„	„	глухость	„
Ц —	дентальность,	аффрикативность,	„	твердость
Ч' —	альвеолярность	„	„	мягкость
К —	гуттуральность,	смычность,	глухость[33],	мягкость
К' —	„	„	„	
Г —	„	„	звонкость	
Г' —	„	„	„	
Х —	„	фрикативность,	„	
Л —	„	латеральность,	сонорность,	твердость
Л' —	„	„	„	мягкость
М —	лабиальность	„	„	твердость
М' —	„	„	„	мягкость
Н —	дентальность	„	„	твердость
Н' —	„	„	„	мягкость
Р —	„	вибрантность	„	твердость
Р' —	„	„	„	мягкость

[33] В приобских говорах, где мягкие заднеязычные Г', К' выступают как самостоятельные фонемы, состав ДП заднеязычных Г, К иной, нежели в других среднеобских говорах; твердость Г и К является ДП.

§ 4. Сочетания согласных фонем

Описание консонантизма среднеобских говоров было бы неполным без анализа иерархически низких сочетаний согласных[34] (ИНСС). Термины «иерархически низкие», «иерархически высокие» сочетания согласных, введенные В. М. Живовым, отражают степень произносительного удобства тех или иных сочетаний согласных: «Из двух типов сочетаний согласных иерархически выше тот, для которого больше отношение числа реально отмеченных групп согласных к числу теоретически возможных для данного типа, который представлен большим числом сочетаний, который отмечен не только в двух-, но и в трехэлементных сочетаниях»[35].

ИНСС в среднеобских говорах неоднородны: а) по положению в слове, б) по способу упрощения, в) по отношению к фонетической системе говора.

По положению в слове ИНСС могут быть начальными: МН (много), См (самородина), КР (трахмал); конечными: ПТ (рыцеп), РМ (жандар), КТ (конплек) и др.; интервокальными: ДН (онинако), ВХ (сопхоз), ВТ (ахтобус) и др.

Способы упрощения ИНСС в среднеобских говорах многочисленны. Это ассимиляция: БМ——ММ (омман), Ч'Ш——Ч'Ч' (получче); диссимиляция: ЧН——ШН (встрешный); СВ——СЛ (слободный); диэреза: СТВ——СВ (лисвяк), РТР——ТР (потрет); эпентеза: ТР——ТЕР (терёзвый), КЛ——КОЛ (колубника), НР——НДР (ндравиться); протеза: ЗД——ИЗД (изделаться, издесь), ВТ——ОВТ (овторник). По отношению к фонетической системе говора среди ИНСС в среднеобских говорах различаются регулярные ИНСС, упрощение которых наблюдается в неограниченном круге лексики; и нерегулярные, упрощение которых происходит лишь в отдельных лексемах.

---

[34] Мы квалифицируем все группы стоящих рядом согласных как их сочетания, независимо от их отношения к слогу, на том основании, что в современном русском языке слог утратил свою автономность. (См.: Бернштейн С. В. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 136—141).

[35] Живов В. М. Типология сочетаний согласных в говорах.— ВЯ, 1971, с. 71.

Регулярные ИНСС объективно отражают слабость частных оппозиций фонем в тех или иных фонетических позициях, поэтому они нашли отражение в схемах фонетической реализации фонем. Регулярными в среднеобских говорах являются, например, ИНСС —ТД, ПБ; ЛЦ, ЛП; ТЦ; ДЦ, КТ, ЧТ, Ч'Т, Ч'Н, МП, МБ, МФ, МВ, СТ, ЗД (кон.), ВС, ВЗ (нач.).

Отношение ИНСС к фонетической системе конкретных говоров не всегда тождественно, таким образом, одни и те же ИНСС могут быть регулярными в одних и нерегулярными в других говорах. Кроме того, одно и то же сочетание согласных является ИНСС в одних говорах и не является таковым в других. В табл. 6 приводятся сочетания согласных, подвергающихся упрощению ИНСС (+) и не подвергающихся упрощению (—); регулярных ИНСС, упрощение которых происходит в неограниченном круге лексики (Р), и нерегулярных (Н), упрощение которых отмечено лишь в отдельных словах.

Таблица 6

ИНСС	Притомские говоры	Приобские говоры	Нарымские говоры	Прикетские говоры	Причулымские говоры
БМ, БМ'	+ Н	+ Н	+ Н	+ Р	—
ДН, ДН'	—	+ Р	+ Н	—	—
ВН (нач.)	+ Н	+ Р	+ Р	+ Н	+ Н
МН (нач.)	+ Н	+ Р	+ Н	+ Н	+ Н

Как видно из табл. 6, сочетания БМ, БМ' не являются ИНСС в причулымских говорах, т. е. не подвергаются упрощению, во всех других среднеобских говорах эти сочетания иерархически низкие; будучи нерегулярными в притомских, приобских, нарымских говорах, они регулярны в прикетских говорах, где изменение БМ — — ММ, БМ' — — М'М' наблюдается во всех словах с этими сочетаниями.

Нерегулярные ИНСС в схемах фонетической реализации согласных фонем не отражены (см. табл. 7). Незаполненные клетки таблицы свидетельствуют о том, что в данной группе говоров указанные ИНСС как таковые отсутствуют.

Таблица 7

ИНСС	Притомские говоры	Приобские говоры	Нарымские говоры	Прикетские говоры	Причулымские говоры
ВН (нач.)		незапно			
ВК		скуснеько скусно	скусно	скусно	скусненький
ВТ					овторник
СВ	слободный	слобода слободно	слобода	слободный	слободный слобода
ЧВ		чуваниться			
ЛБ		лабина			
Л'Н		алляной			лёна алляной
ЗД'	изделаться издесь	изделаться издесь	изделаться	издесь	изделатьси
ПС					пасалтырь
СК		шкорлупа		шкорлупа	шкорлупа
С'К'		шкирдовать			
ВТ		аптобус			ахтобус
ВГ		алгуст агуст	алгуст		
ВХ	сопхоз				
ВШ	кукшин	кукшинчик		кукшинчик	кукшинчик
ЛХ		колфозник колфоз			колфоз
ЛК		анкоголик			
Л'К		стоко скоко	стоко скоко		
Л'Т		палито палитишко			
МГ		сёньга			
МС		консомолец			косомолец
ДМ	семой	семой	семой		
НС		коституция			
РТ	квантирант			квантирант	квантирант
РС					шересть
Д'Б	свальба		сварьба	сварьба	свальба
ДЖ	пинжак	пинжак	пинжак	пинжак	пинжак

ИНСС	Притомские говоры	Приобские говоры	Нарымские говоры	Прикетские говоры	Причулымские говоры
ЖД	кажный	кажный	кажный	кажный	кажный
СК			машкароваться		
С'С'		кастир			кастир
Ч'Т	уничтожить	уничтожить		уничтожить	уничтожить
НС	пензия	пензия	пензия	пензия	пензия
ВТ		космонат	космонат		
ВЛ'		журавь			
БЛ	рубель	рубь	рубь		корабь
	рубь				рубель рубь
ДЛ'		долина	долина	долина	долина
		гля	гля	гля	гля
КЛ					колубника
КЛ'				колюква	
СЛ				сылушать	
СМ		самородина			самородина
НР	ндравиться	ндравиться	ндравиться	ндравиться	ндравиться
РЖ	аржаной	аржаной	аржаной	аржаной	аржаной
ГР	огромадный	огромадный	огромадный	огромадный	
КР		трахмал	трахмал	трахмал	трахмал
		окромя		окромя	окромя
ТР	терёзый	терёзый	терёзый	терёзый	
СР	строк	строк	строк	струб	струб
	страмить	струбик	струбик	страмить	страмио
		страмить	страмить		
РМ				жандар	
ЗМ	рематиз	рематиз			
ЗН'	жизь	жизь	болезь	жизь	порозь жизь
	порозь	болезь	порозь	порозь	болезь
РГ				четверег	четверег
ПТ					рыцеп
КТ					комплек

Число нерегулярных ИНСС, отмеченных только в одной из микросистем среднеобского диалекта, невелико. Только притомскую группу говоров характеризует ИНСС—ВХ (сопхоз), только приобскую — ВТ (аптобус), ВН (незанно), ВГ (алгуст и агуст), МГ (сёньга), ЛК (анкоголик); только нарымскую — Л'Т (палито); только прикетскую — КЛ' (колюква), СЛ (сылушать), РМ (жандар); только причулымскую — МС (косомолка), Л'Н (лёна), КЛ (колубника), ПС (пасалтырь), ВТ (овторник), РС (шересть), ПТ (рыцеп), КТ (комплек).

Число общих для отдельных групп говоров ИНСС колеблется от 29 до 41. Наибольший процент совпадений характеризует нарымские и прикетские, притомские и причулымские (80%).

§ 5. Сопоставительное описание консонантизма среднеобских говоров

Сопоставительное описание консонантизма старожильческих говоров Среднего Приобья позволяет определить, с одной стороны, черты, общие системе согласных всех групп говоров, и, с другой стороны, на фоне этой общности выявить диалектные различия.

Среди черт, определяющих единство среднеобских говоров на материале консонантизма, можно выделить черты, общие с литературным языком, и черты, отличные от него.

Единство анализируемых говоров обнаруживается: 1) в составе конститутивных и ДП, использованных в системе согласных фонем; 2) в наличии соотносительных по глухости — звонкости, твердости — мягкости рядов согласных; 3) в составе и количестве оппозиций, образуемых согласных по значительной части ДП. Отмеченные черты, будучи общими для всех среднеобских говоров, являются общими и с литературным языком.

Единство среднеобского консонантизма проявляется и в чертах, отличных от литературного языка; 1) утрате интервокального Й в сочетаниях АЙА. ОЙЕ, АЙЕ, УЙУ; 2) реализации слабых по твердости — мягкости дентальных перед мягкими лабиальными, дентальными в мягком варианте; 3) упрощении конечных групп согласных СТ, С'Т' ЗД, З'Д' за счет утраты смычного элемента; 4) каче-

стве долгих шипящих (Ш̄, Ж̄); 5) нейтрализация оппозиции М—Н перед лабиальными; 6) нейтрализации оппозиции Ч' — Ш перед Н и Т; 7) нейтрализации оппозиций С — Ш, З — Ж перед альвеолярными; 8) нейтрализации оппозиций Г—Х, К—Х перед К и Т; 9) большей части (до 80%) ИНСС. Таким образом, единство говоров Среднего Приобья на фонетическом уровне бесспорно, ибо оно проявляется, во-первых, в общности наиболее важных для системы фонем звеньев, во-вторых, эти определяющие систему фонем звенья являются одновременно общими с литературным языком; в-третьих, черты, обеспечивающие единство системы, находятся в центре фонологической системы говоров, а не на периферии ее.

Отмеченное единство среднеобских говоров — основа для выявления диалектных различий, «таких элементов структуры языка, которые в отдельных диалектных микросистемах выступают в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах»[36].

По степени фонематичности в говорах Среднего Приобья можно выделить 4 типа диалектных различий.

1. Диалектные различия в составе фонем, противопоставленных в сильной позиции.

В консонантизме говоров Среднего Приобья звеном, вызывающим колебания в составе фонем и создающим соответственное явление, являются:

Долгие шипящие			притомские
приобские	Ж̄		нарымские
	Ш̄	←——→	прикетские
			причулымские

Диалектное различие в составе фонем образуется наличием мягких заднеязычных в приобских говорах и отсутствием их в других говорах:

приобские	К'		притомские
	Г'	←——→	нарымские
			прикетские
			причулымские

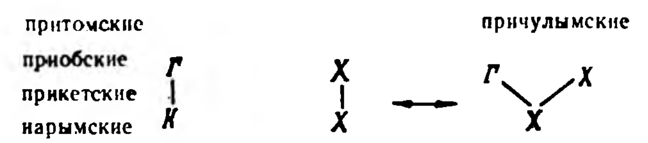
[36] Русская диалектология. М.: Наука, 1965, с. 11.

2. Диалектные различия в составе единиц, противопоставленных в позиции, сильной в одних и слабой в других микросистемах.

Диалектные различия этого типа могут быть связаны 1) с различением и неразличением конечных твердых и мягких губных согласных:

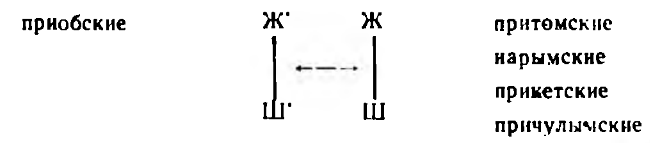
(P — любой твердый губной, P' — любой мягкий губной)

2) с различением и неразличением Г и Х в абсолютном конце слова:



3. Диалектные различия, связанные с качеством основного вида фонем или их разновидностей.

В среднеобских говорах диалектное различие этого типа составляет 1) качество основного вида фонем Ж, Ш:



2) качество одной из разновидностей шипящей аффрикаты.

приобские
притомские

Щ' ←—→ Ч'

нарымские
прикетские
причулымские

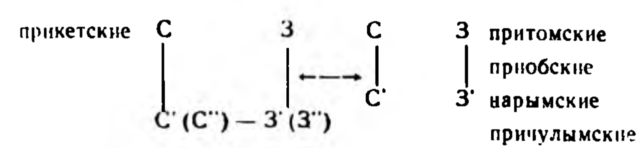
3) качество мягких разновидностей К', Г':

нарымские

К (К') ←—→ К (К', Т')
Г (Г') Г (Г', Д')

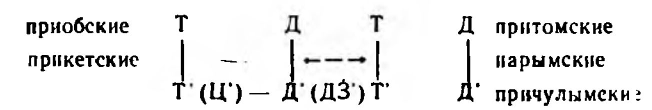
притомские
прикетские
причулымские
приобские

4) отсутствие или наличие шепелявого призвука у С', З':

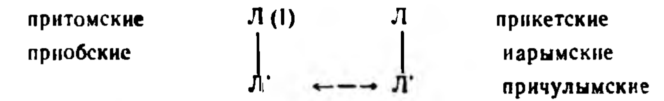


4. Диалектные различия, связанные с физическим звучанием отдельных согласных:

1) с качеством Т', Д':



2) с качеством фонемы Л:



3) с качеством основного вида шипящей аффрикаты:

прикетские Ч ←——→ Ч' притомские
нарымские
приобские
причулымские

4) с качеством губных перед мягкими губными и зубными:

притомские (Р')t', (Р')Р ←——→ (Р')t', (Р)Р' приобские
причулымские
нарымские
прикетские

5) с качеством губных перед мягкими задиеязычными:

прикетские (Р) К' ←——→ (Р') К' притомские
приобские
причулымские
нарымские

Характеристика отдельных групп говоров на основе двучленных соответственных явлений представлена в табл. 8.

Как видно из таблицы, в основу выделения единиц на данной территории не мог быть положен какой-то один признак; налицо взаимопроникновение отдельных черт различия, что, несомненно, является свидетельством достаточно тесной связи микросистем и общности тенденций их развития.

Таблица 8

Группа говоров	Двучленные соответственные явления												
	Ж—Ш	К'—Г'	Т'(Ц')—Д'(ДЗ)	Ж'—Ш'	С''—З''	К'//Т' Г'//Д'	Ч,	Ч'(Ш'), Ц(С)	Р(кон.) Р'(кон.) Р(кон.)	Р'К'	Р', Р'Р'	Г—Х'	Х
Прикетские	—	—	+	—	+	—	+	+	+'	—	—	—	—
Нарымские	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—
Приобские	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	—	+
Притомские	—	—	—	—	—	+	—	+	+	+	+	—	+
Причулымские	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	+	—

Противопоставленность говоров друг друг различна. Наиболее четко противопоставлены северные говоры (прикетские, нарымские) — южным. Внутри этих подразделений южные говоры характеризуются меньшей противопоставленностью, чем северные, что, видимо, послужило основанием В. А. Сенкевичу объединить южные говоры в одну группу под названием томских [331]. Тем не менее, как видим, говоры эти неоднородны, что требует выделения на этой огромной территории трех групп говоров: приобских, притомских, причулымских. Такое диалектное членение среднеобского говора на материале консонантизма совпадает в общих чертах с группировкой, предложенной О. Н. Киселевой, на материале морфологической системы [137].

Глава III

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 1. Исходное состояние томских говоров

В первой половине XVII в. каждый материнский говор, функционировавший в Томске, имел свою морфологическую систему, включавшую как общерусские, так и локально окрашенные элементы. Для понимания истории формирования морфологической системы среднеобских говоров особое значение имеют противопоставленные диалектные черты.

1. Р. п. ед. ч. сущ. ж. р. древних основ на -А имел по говорам флексии -Ы(-И) или -Ѣ(-Е). В томских документах первой половины XVII в. многочисленными примерами представлены формы на -Ы(-И): нѣт бороды[1], вдовы, с весны, избы, казны, орды, для веры, до вершины, мельницы, муки, ярицы, посылки, с дороги, из юрты, до речки, земли, песни и др.

Флексия -Ѣ(-Е) представлена одним примером: у них... лешие нет (М-1, 453).

2. Д. и П. п. сущ. ж. р. древних основ на -А в одних говорах XVII в. имели синкретичные с Р. п. формы на -Ы(-И) (например, в новгородском), в других—различающиеся. В томских рукописях первой половины XVII в. зафиксированы только формы с флексией -Ѣ(-Е): по рекѣ, по вѣре, к Москве, к царице, в земле, в избе, на стенѣ, на поварне и т. п.

3. В Т. п. ед. ч. склонения на -А почти во всех говорах XVII в. были параллельные флексии -ОЮ (-ЕЮ) и -ОЙ(-ЕЙ) и лишь в южнорусских говорах в безударной позиции, кроме этих флексий, были известны -УЮ (-ЮЮ) и -УЙ(-ЮЙ). Томские рукописи отражают только одну флексию -ОЮ(-ЕЮ): со вдовою, з женою, во-

[1] В целях экономии места в этой главе указание на источник приводится только для единичных примеров.

дою, казною, с жонкою, с полтиною, с кашею, под статьею, над шеею, с саблею и др.

4. В Р. п. ед. ч. сущ. древних основ на -О в говорах XVII в. было два типа окончаний: у неодушевл. сущ. м. р. -У или -А, у одушевл.—только -А, у сущ. ср. р. -А; в южнорусских говорах все три группы существительных могли иметь флексию -У наряду с -А. В томских документах отражена неюжнорусская система: после пожару, гороху, з жиру, ходу, харчу, запасу, грабежу, росходу, острогу, году, холсту, от берега, города, узла, дощаника, серпа, хлеба и др.; бобра, князца, кузнеца, дворника, пасынка, избнтчика, Михаила и др.; вина, с лица, сукна, жалованья, для умиренья и др.

5. В П. п. отличия по говорам XVII в. возникали в основном за счет более широкого распространения флексии -У у сущ. ср. р. и одушевл. м. р. в южнорусских говорах. В томских рукописях неодушевл. сущ. м. р. имеют флексии -Ѣ(-Е) и -У(-Ю): в городе, в остатке, в остроге, в генварѢ; в году, в списку, на торгу, во храму; сущ. ср. р. -Ѣ(-Е): в железе, в числе, в деле, в верстанье, в поле и др.; одушевл. сущ. -Ѣ(-Е): на князце, на пушкарѢ, при князе и др. Встретился один случай употребления антропонима с окончанием -У: на мнѢ Петру роспись (СК., 147) (ср.: в современном говоре д. Губиной Томского района: на отцу).

6. Могло отличаться по говорам склонение сущ. м. р. на -КО, -КА. Они изменялись или по парадигме основ на -А или на О-: Евтюшка—Евтюшки—Евтюшке, Дружинка—Дружинки—Дружинке, Богдашко—Богдашка—Богдашку, Степанко—Степанка—Степанку и т. п. Но было возможно и такое склонение: Галашко — Галашке (Р., 1923), Ивашко — Ивашке (Р., 18 б.), Онашко — Онашке (Р., 48).

7. Локально окрашенными в XVII в. были формы Р., Д. и П. п. древних основ на -ĭ. В московском, поморских и других говорах они имели синкретичную форму на -И для трех падежей, во владимирско-поволжских говорах — форму на -Е, в вологодских — в Р. п. была флексия -И, в Д. и П. п. -Е. В томской письменности первой половины XVII в. отмечаются большим количеством примеров формы на -И Р. п.: ржи, из волости, с Оби, от Томи, аглнни, для бедности, памяти, из Сиби-

ри, до смерти и др. и только одним примером формы на -Е: тое остаточнои соле (ГАТО, свиток соляного стола 1633 г.). В Д. и П. п. представлены обе флексии: к Руси—к Русе, к шерти—к шерте, по Томи—по Томе, в волости — в волосте, на Кети — на Кете, на Томи — на Томе, на постеле, на Обь, на ялане и др.

8. Диалектной противопоставлениой чертой были формы И.—В. п. мн. ч. сущ. ср. р. на -А (-Я) или на -Ы(-И). В томских рукописях широко представлена флексия -А: болота, дела, бревна, сита, сукна, желЪза, и др. Флексию -Ы(-И) имеют три существительных: колени (Т-2, 17), очи (Т-2, 2 раза), ушы (Т-2, 10 об.).

9. Противопоставлениыми по говорам были и формы И.—В. п. мн. ч. сущ. м. р.: на -Ы(-И), -И или на -А(-Я), а для одушевл. сущ., кроме того, на -ОВЕ(-ОВЯ), на -Ы, на -Е(-Я). Все они отражены томскими документами. Флексия -Ы(-И): жильцы, князцы, дьячки, пушкари, браты, казаки, атаманы, черкасы, ружники, топоры, городы, снеги, дощаники и др. Флексия -И как самостоятельная, фонетически не обусловленная единица зафиксирована у одного слова ХОЛОПИ. Флексия -А(-Я): недособолишка, татаришка, казачишка, татара[2], колокола, гвоздья. Флексия -ОВЕ и её вариант -ОВЯ: татарове (М-1, 434: Окл., 43) и татаровя (КР., 1 а об.; Архив АН, ф. 21, № 46, л. 52 и др.). Флексия -Е и ее безударный вариант -Я: дворяне—дворяня (кн. 204, л. 1 об.), крестьяне (кн. 11, л. 476 и др. документы). — крестьяня[3] (ГАТО, свиток хлебного стола 1634 г.).

10. Формы Р. п. мн. ч. сущ. в XVII в. были неустойчивы, нередко употреблялись параллельно, например, формы на -ЕВ, и -ЕЙ сущ. м. р. в московском говоре[4]. В новгородском говоре были возможны формы на -ЕВ

---

[2] См. об этой флексии: Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 50.

[3] Ср. в московских документах: бояря, гречаня с «отражением живого произношения излучаемого времени» (Веселова А. М. Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов 1-й половины XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1955, с. 12); крестьяня — в тульских документах (Рыбочкина Е. А. О некоторых морфологических особенностях тульских говоров XVII в. — В сб.: Вопросы изучения русского языка. Краснодар, 1968, с. 229).

[4] См.: Веселова А. М. Склонение имен существительных..., с. 11.

сущ. ср. р.[5] Наблюдались колебания в употреблении форм типа киргиз—киргизов, яблок—яблоков и т. п. Томские памятники письменности XVII в. отражают конкуренцию отдельных словоформ в исходном состоянии среднеобских говоров: ножев (Т-1, 2 раза)—ножей (Т-1, 3 раза), рублев (Т-1, 138 раз)—рублей (Т-1, 3 раза), князцов (СК., 4 раза)—князцей (СК., 149), ден (Р., 175)—дней (стб. 53, л. 551).

11. Возможно, локально ограниченными были флексии прилагательных, порядковых числительных, полных причастий и некоторых местоимений м. р. в И.—В. п. ед. ч. В томских рукописях XVII в. доминирует флексия -ОЙ(-ЕЙ). Так, в Таможенной книге 1624 г. формы на -ОЙ(-ЕЙ) от 34 слов употреблены 234 раза, форма на -ИЙ—один раз (аглинский), в Расходной книге 1630 г. встречаются только формы с флексией -ОЙ(-ЕЙ) от 77 слов 453 раза.

12. Формы Р. п. ед. ч. прилагательных и других частей речи с местоименным склонением м. и ср. р. имели в говорах XVII в. флексию -ОГО и ее варианты -ОВО, -ОВА. Все они отмечаются в томской письменности начала XVII в. -ОГО(-ЕГО): денежного, горячего, лучшего, служилого, всякого, ярового, того, всего, русского, рогатого, нынешнего, старого и др. -ОВО(-ЕВО); квасново, пролубново, денежново, хлѣбново, лыжново, ково, тово, пустово, подгородново, твоего, самово, третьего и др. -ОВА(-ЕВА): большова, другова, денежнова, хлѣбнова, киргискова, никакова, колмацкова, русскова и др.

13. В вологодских, поморских и других говорах XVII в. в Р. п. ед. ч. полные прилагательные ж. р. сохраняли древнерусскую флексию -ЫѢ(-ИѢ) или -ЫЕ(-ИЕ), в московском и владимирско-поволжских говорах сосуществовали две флексии: -ЫЕ(-ИЕ) и -ОЙ(-ЕЙ), в некоторых севернорусских говорах к этому времени стала «единственно возможной»[6] флексия -ОЙ(-ЕЙ). В томских бумагах первой половины XVII в. известны обе флексии. Например, в Таможенной книге

---

[5] Мирецкий А. Л. Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1966, с. 17.

[6] Марков В. М. Формы имен в языке судебников XV—XVI вв.— Учен. зап. Казанск. ун-та, 1956, т. 116, кн. 11, с. 93.

1624 г. флексия -ЫЕ(-ИЕ) употреблена 183 раза, флексия -ОЙ—9 раз; в Таможенной книге 1627 г.—флексия -ЫЕ(-ИЕ) — 63 раза, -ОЙ — 6 раз: в Приходной книге 1630 г.—флексия -ЫЕ(-ИЕ)—96 раз, флексия -ОЙ(-ЕЙ) —8 раз. Конкуренцию форм с этими флексиями в речи томского населения можно иллюстрировать такими примерами: всякие мѣлочи на три рубли (Т-1, 78 об.) — мѣлочи всякой (Т-1, 15), с томские прицѣнки (П., 3 раза)—с томской прицѣнки (П., 2 раза) и т. п.

14. В некоторых говорах XVII в. (например, во владимирско-поволжских), формы Т. и П. п. ед. ч. м. и ср. р. в местоименном склонении прилагательных и других частей речи были синкретичны и имели флексию -ЫМ(-ИМ). Томские документы XVII в. этого явления не отражают. В них встречаются только формы на -ОМ(-ЕМ) П. п.: в бѣлом, в большом, в послужном, в нынешнем, о пашенном, в прошлом, в хлѣбном, в своем, в том, о том, на том и др. и формы на -ЫМ(-ИМ) Т. п.: под правым, под лѣвым, под Красноярским острогом, с боярским, с тобольским и др. Наличие синкретичных форм в исходном состоянии можно предполагать не только исходя из диалектного состава томского населения XVII в., но и по фактам современных среднеобских говоров, устойчиво сохраняющих формы типа с большим—о большим, с новым—о новым, а также опираясь на единичный пример с сыном боярском (Тх., 243).

15. Различались по диалектам XVII в. Р.—В. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений: меня, тебя—мене, тебе. В томских документах преобладают формы на -Я: меня, от тебя, от тобя, от себя, на себя, с собя, меж собя и др. Четыре примера форм на -Е (мене) обнаружены в сыскных делах 1645 г. (см.: Мазо С. Э. [172, с. 103]). Как показывают приведенные примеры, в исходном состоянии томского говора формы Р. и В. п. употреблялись не только с Е в основе, но и с О: тобя, собя [7].

16. Некоторые говоры к XVII в. утратили формы Д. и П. п. ед. ч. с основами ТОБ-, СОБ-, МЕН- (например, московский [8]), в других говорах формы ТОБѢ, СОБѢ,

---

[7] М. А. Гадолина считает, что формы с О в этих падежах, не имевшие территориальной соотнесенности, к XVII в. совсем выходят из употребления. (Гадолина М. А. История личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963, с. 38).

[8] См.: Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953, с. 325.

МЕНЪ сосуществовали с формами ТЕБЪ, СЕБЪ, МНЪ (например, в поморских), в южнорусских говорах были только формы ТОБЪ, СОБЪ, но МНЪ.

В томских рукописях местоимение 1-го лица засвидетельствовано в односложной форме МНЪ(МНЕ) и единичными примерами — в двусложной МИНЕ. Местоимения 2-го лица и возвратное встречаются параллельно с О и с Е в основе: на собе (стб. 31, л. 597), к собе, тобе (М-1, 418, 431)—к себе (М-1, 418), тебе (М-2,264) и мн. др.

17. В И. п. мн. ч. некоторые говоры XVII в. имели форму ОНЕ (ОНЪ)—вологодские, некоторые говоры—параллельные формы ОНЕ (ОНЪ) и ОНИ без родовой дифференциации. Томские рукописи дают примеры обеих форм. Так, в Статейном списке Петра Копылова 1646 г. форма ОНИ (м. р.) встретилась 9 раз, ОНЕ—4 раза. Обе формы при явном господстве ОНЕ есть и в других памятниках: тобольские служилые люди...онъ ходили в колмаки (Т-2,36 об.), Баженко Кайгородец да...Давытко Сергеев... онъ за тъ борбы взяли... (П., 95), чем они сыти бывают (Архив АН, ф. 21, № 2, л. 2 об.).

18. Локальную привязку имели в XVII в. формы В. п. ед. ч. местоимения ж. р. ТА. В вологодских и владимирско-поволжских говорах была форма ТОЕ, в других параллельно употреблялись ТОЕ и ТУ. Томские рукописи свидетельствуют о наличии обеих форм в речи томского населения: тое роспись подать (СК.,145), выкупить тое вотчину (ГАТО, свиток хлебного стола 1634 г.), тое твою службу (стб.53, л.554), за тое их службу (стб.31, л.597), в тое пору (ДО,275)—ту их челобитную (М-2,264), за ту ...шубу (М-1,417), скрозь ту стену (Пт. 290), про ту ложную службу (ДО 285), за ту шерть (ДО, 279).

19. Возможно, территориально ограниченными были и формы Р. п. указательного местоимения ж. р. ТОЪ (ТОЕ) и ТОЙ. В исходном состоянии томского говора конкурировали обе формы, о чем говорят томские деловые документы: у тоЪ ... реки (Пт., 295), с тоЪ мЪди (стб. 251, л. 6 об.), для тое соли (М-2,268), для тое посылки (ГАТО, свиток хлебного стола 1634 г.), для тое службы (стб. 53, л. 554) — для той службы (стб. 53,

л. 553), с той грамоты (М-2,268), подлѢ той стѢны (Пт., 286), из-за той реки (Пт., 295).

20. Различались говоры XVII в. некоторыми спрягаемыми формами глагола. В 3-м лице ед. ч. севернорусские говоры имели -Т, южнорусские -Т', а некоторым говорам наряду с флексийными формами были известны формы без -Т (новгородские, южнорусские). Особенности графики и орфографии XVII в. не позволяют определить твердость или мягкость Т в томских рукописях: как правило, буква Т выносная. Форм без флексии в томских документах не обнаружено: пишет, возмет, идет, поедет, пожалует, прибывает, словет, выводит, говорит, укажет, шертует, лает, ведает и др.

21. В говорах XVII в. были различия в формах инфинитива. Томские документы дают примеры инфинитивных образований на -ТЬ: взять, сыскать, давать, делать, плыть ,служить, учинить, терть, провожать, отдать, молчать, пить, послать и др.; на -СТЬ: нест', перенесть, приiесть, сесть, довесть, перевесть, пропасть, честь, вычесть; на -ТИ: довести, притти, проти; на -ТИ без ударения: немногочисленные случаи типа додати, пахати, прозывати, говорити, сести[9]; на -СТИТЬ: вестить, на -ТИТЬ: идтить. Возможны и параллельные образования: подвести (стб. 53, л. 557) — подвесть (стб. 53, л. 558), привести (СК., 146) — привесть (Тх., 219), итти (стб. 53, л. 550) — идтить (М-І, 422), шертовать—шертовати (СК., 144).

22. Вполне возможно, что диалектные отличия были в образовании деепричастий. В томских рукописях встречаются различные формы деепричастий: ограбя, присмотря, склея, выговоря, изговоря, сидя, молча, смотря, хотя, пошед, не дошед, перешед, приѢхав, став, писав, бив, дав, взяв, прискав, изгоняючи, идучи, прямячи, вычетчи, пошотчи, приветчи, истерши, боясь (боюся), утаяся и др.

23. Фономорфологическое стяжение было и в XVII в. диалектным явлением. Устойчиво сохраняющееся в современных среднеобских говорах, оно не могло не существовать и в их исходном состоянии. Стяжения в глагольных формах томские документы XVII в. не отражают: знает, устрашивает, отпускает, возбраняет, бывает,

---

[9] Инфинитивная форма СЕСТИ и сейчас употребительна в томском говоре.

посылает, дълаете, отпираетца, поклоняетца, называетца и др.

Полные прилагательные, причастия, порядковые числительные, как правило, употребляются в томской письменности первой половины XVII в. в нестяженной форме. И. п. ед. ч. ж. р.: добрая, красная, оловянная, зеленая, аглинская, десятая, женская, ложная, мяхкая, длинная, лазоревая, исподняя, первая, подгорная, полая и др.; И. — В. п. ед. ч. ср. р.: полавошное, роговое, полное, острожное, первое, аглинское, большое, черчятое, бархотное, неугожее, квасное, площадное, боярское и др.; В. п. ед. ч. ж. р.: высокую, железную, лошадиную, годовую, другую, таможенную, соболиную, красную, поярошную, верхнюю, темно-синюю, полотняную, золоченую, остяцкую и др.; И. — В. п. мн. ч.: великие, сибирские, сальные, вязаные, таможенные, холщевые, медные, кривые, прежние, всякие, которые, маленькие, азямские, многие, дикие, конные и др. К бесспорным случаям отражения стяжения можно отнести: рогово с него взято (Т-1,36 об.), задни ноги (Т-2,13 об.) — ср.: ноги задние (Т-2,22 об.), однорятку зелену (Тх., 329), братена серебряна чеканная (ДО, 269), сукно настрафил черчато (ДО, 280). В других случаях формы с одним конечным гласным могут интерпретироваться не только как стяженные, но и как краткие: кожа сыромятная почата (Т-2,42), однорядка аглинская ношена (Т-2,5 об.), купил дѣвку... волосомъ руса, бѣла, румяна, очи кари (Т-2,19 об.), продал лошадь чалу ... ушы пороты ... кобылу рыжу (Т-2, 10 об.).

Таким образом, морфологическая система в исходном состоянии томского говора еще не сформировалась в единую систему: ее разнодиалектные компоненты находились в отношениях конкуренции.

§ 2. Исходное состояние прикетских говоров

В этом разделе основное внимание обращается на наиболее яркие черты, отличающие прикетские говоры XVII в. от других говоров того же периода и, как правило, сохранившиеся в их современном состоянии в качестве диалектных или разговорных особенностей.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория рода

В области категории рода имен существительных в изученных документах XVII в., очевидно, под влиянием акающего произношения некоторых писцов единичные существительные ср. р. приобретают окончания ж. р. -А(-Я): кецкой острог и съезжую избу перенесли на иное усадбища, за охоботья овсяное. Возможно, подобные существительные и склонялись по типу склонения на -А. Ничем иным нельзя объяснить появление окончания -И в Р. п. ед. ч. у сущ. ср. р. городище: до старого КЪцкого городищи. Подобные примеры встречаются и в прикетских памятниках XIX в.: тоскует серца, лукошка просы.

В современных прикетских говорах также зафиксированы отдельные случаи перехода сущ. ср. р. в ж. р.: навяжут полотенцу, отвез на болоту, отстал от стады, всем мясу дали, способию мне дают, может, каку недобру здоровью повстречаю, хотя в целом категория ср. р. в говорах Среднего Приобья сохраняется.

Очевидно, начавшийся в XVII в. под влиянием редукции гласных в заударных слогах процесс перехода слов ср. р. в ж. р. протекал в прикетских говорах на протяжении трехсот лет в замедленном темпе и в настоящее время является развивающимся, что подтверждается примерами из речи и тетрадей учащихся: началась ученье, взвилась красная знамя, небо ясная, солнышка выглянула и др.

Категория одушевленности

В. п. одушевленных существительных м. р. в ед. и мн. ч. в большинстве случаев совпадал с Р. п. Однако наблюдаются единичные формы совпадения В. п. с И. п.: и который зверь добудем; что мы тот зверь добываем в Кецком уездЪ; выбивают у нас соболи и бобры; они де побивают бобры и выдры; и соболи и лисицы вытопило водою. В современных прикетских говорах в речи представителей старшего поколения до сих пор сохраняются единичные примеры совпадения указанных выше падежей: горносталь нонче добыл; зайцы добывали.

Приведенные примеры в сравнении с данными современных говоров свидетельствуют о том, что в прикетских говорах XVII в. категория одушевленности в основном уже развилась. Однако оставался ряд существительных, не охваченных этим процессом: в основном слова, обозначающие названия животных, которые и в настоящее время в речи представителей старшего поколения не всегда имеют категорию одушевленности.

Склонение с основой на -О

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж. Основной флексией существительных м. и ср. р. в Р. п. в памятниках Кетского острога XVII в. является флексия -У(-Ю). Из. 373 существительных 290 имеют флексию -У(-Ю): с уезду; против... списку; около острогу, край берегу; умолоту... не вЪдаю; двадцатово числу, полпуда воску, для приводу, крестново целованью и др. Среди всех отмеченных слов всего два существительных ср. р. в Р. п. имеют окончание -У(-Ю) [10] (ср. в памятниках XVIII в.: в прокормлении єво семейству; для присудствию сего суда). Формы на -У(-Ю) в Р. п. от слов м. р. в XVII в. были явлением общерусским. В дальнейшем, на протяжении XVIII—XIX вв., в литературном языке происходит сокращение форм на -У(-Ю), их строгая дифференциация. В современных прикетских говорах в речи старшего поколения окончание -У(-Ю) в Р. п. распространено значительно шире, чем в литературном языке, особенно с предлогами С, ОТ, ДО и при отрицании: уезжат из этого дому; с началу веку живут; до Томску; дожжу не было; с тальнику надеру и др.

Примеры из памятников показывают, что окончание -У(Ю) в прикетских говорах XVII в. было свойственно именам существительным с широким значением. Очевидно, изучаемым говорам XVII в. был присущ и Р. п. на -У от существительных ср. р. Развитие прикетских говоров шло в направлении вытеснения Р. п. на -У от существительных ср. р. и закрепления форм на -У(-Ю) за имена-

---

[10] Окончание -У(-Ю) в Р. п. у сущ. ср. р. С. П. Обнорский считает процессом, более поздним по происхождению, охватившим главным образом южновеликорусские говоры. (О б н о р с к и й С. П. Именное склонение. Ед. ч. Л., 1927, вып. I, с. 223—224, 232).

ми с вещественно-собирательным, отвлеченным и с конкретным значением в сочетании с предлогами и при отрицании.

Предложный падеж. У существительных м. р., обозначающих неодушевленные предметы, в П. п. возможны две формы: на -У(-Ю) и -Ѣ(-Е) при ведущей флексии -Ѣ(-Е). Флексия -У(-Ю) в П. п. указывает на пространственные и временные отношения. Формы существительных на -У(Ю) с этими значениями преимущественно с ударением на окончание чаще всего встречаются после предлогов В, НА: в прошлом году, в Кецком острогу, пищаль... во стаику на колесах; в их списку написано. В современных прикетских говорах флексия -У в П. п. распространена шире, чем в литературном языке: на Белом Яру; работали на сплаву: в тем дому; в етим месяцу; на моем веку. Однако гораздо чаще те же существительные в памятниках имеют окончание -Ѣ(-Е): в ясаке, в остроге, в приказе, в Кецком уѢзде; на городе, на посаде и др. (ср. с современными прикетскими говорами, где окончание -Е существительные имеют независимо от ударения, количества слогов, рода).

Можно считать, что в прикетских говорах XVII в. флексию -У в П. п. в основном имели имена существительные неодушевленные обычно с ударением на флексии с предлогами В, НА, редко с О. Кроме того, форма П. п. на -У могла употребляться и при наличии ударения на основе: в списку, в году[11]. Флексии -Е и -У в прикетских говорах XVII в., скорее всего, взаимозаменялись во всех положениях.

Имена собственные на -КО, -ЛО

В изучаемых памятниках нет преобладания какого-либо одного окончания -А или -О в существительных на -ЛО, -КО: Ивашко Колесник и Ивашка Кирилов сын Камар, Микифорко Батожков и Елфимка Фатеев, Онтипко Аристов и Евдокимка Волченков и т. д. Эти имена обозначали лиц мужского пола и в сознании говорящих имели значение лица мужского рода. Поэтому часто они изменялись по падежам, как существительные м. и ср. р. с древней основой на -О. Р. п.: у Федотка, у

---

[11] Ударение в этих словах было возможно на основе (См.: Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года, с. 262).

Баженка, у Карпушка, у Максимка, у Гаврилка и др., очень редко — у Ивашки. Д. п.: ему Ивашку и Ивашке, велѢлъ Устинку Степанову да Ивашку Самойлову, ко мнѢ... Данилку, Якимку... дано и т. д. В. П. п.: отпущен... по братей его по Софроика да по Степку Васильевых. Т. п.: з БорискомѢ, с Мартемьянком, з Данилком Кузминым, с Федотком и др.

Приведенные примеры показывают, что в XVII в. в прикетских говорах имена собственные на -КО, -ЛО в основной своей массе склонялись по основам на -О. В дальнейшем под воздействием развивающегося и укрепляющегося аканья в прикетских говорах начинают противоборствовать две тенденции, в результате победу одерживает тенденция перехода имен собственных на -КО, -ЛО в женский тип склонения.

Нарицательные имена существительные с суфф. презрительно-уничижительного характера -ИШК- склонялись в прикетских говорах XVII в. по типу сущ. с основой на -О: И. п. сынишка, сынишко мой, подячишко, десятничишка; Р. п.: з бобришка, три сынишка; Д. п.: сынишку моему Ивашку; Т. п.: з сынишком своим (ср. в современных прикетских говорах: парнишку тринадцатый пошёл; посылат мальцышка; с сынишком приезжал).

Склонение с основой на -А

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж. Исходя из примеров, отмеченных в памятниках XVII в., в прикетских говорах этого периода преобладающим окончанием в Р. п. у сущ. с основой на -А было -Ы(-И): безо всякой пощады, сироты... твоей вотчины, твоей... казны и многие др. Лишь в одном примере в документах XVII в. зафиксирована флексия -Ѣ(-Е): для приему твоей великой гдрвой поминашной и ясашной казне. В грамотах XIX в. также находим единичные примеры на -Ѣ(-Е) в Р. п.: не препятствовать ходу моей мельницѢ, крестьянина Волькова жины Марье Алексеевой. В современных прикетских говорах флексия -Е в Р. п. у сущ. ж. р. имеется только в конструкциях с предлогами У, ИЗ, ОТ, С, ОКОЛО: у невесте, у моей снохе; у маме тоже семеро было; от жене ушёл; около школе живет и др.

Очевидно, флексия -Е, явившаяся результатом влияния мягкой разновидности на твердую, первоначально имела неограниченную сферу употребления. В процессе развития прикетские говоры пошли по пути дифференциации значений форм Р. п. В настоящее время эта дифференциация постепенно разрушается под воздействием единой для всех значений формы Р. п. на -Ы(-И) (См.: Киселёва О. Н. [139, с. 113]; Браславец К. М. [64, с. 112]).

Творительный падеж. Основное окончание Т. п. в прикетских говорах XVII в. -ОЮ(-ЕЮ): дорогою, с казною, водою и мн. др. Однако по единичным примерам можно предполагать, что в прикетские говоры XVII в. проникает новое разговорное окончание -ОЙ(-ЕЙ): с Ивашкой Назарьевым.

Склонение с основой на -i

Дательный, предложный падежи. В кетских памятниках XVII в. в Д., П. п. существительные с основой на -i имеют преимущественно окончание -Е: к ноче, по заповеде, в Сибире, о той пищале; к Русе, на Кете реке, на Обе реке. Появившись в результате взаимодействия двух склонений (основы на -i и на -А), флексия -Е закрепилась в прикетских говорах лишь в Д. и П. п. В настоящее время форма с флексией -И в этих падежах почти отсутствует в речи представителей старшего поколения старожилов: ходил по грязе; по Обе иситри есть; на моёй памяте; на Кете холодна вода.

Склонение во множественном числе

Именительный — винительный падежи. Существительные ср. р. в И.—В. п. мн. ч. в основном имеют старую флексию -А(-Я): на семена, за охоботья, сажает в железа, в дальние места и др.

Лишь в единичных случаях отмечена флексия -Ы: имяны, суды (ср. в документах XVIII—XIX вв.: правления обязаны; селения старожильческие, но: его ответствии, обстоятельствы, старании, их поведении, чернилы, капыты и др).

В современных прикетских говорах подавляющее большинство имен существительных ср. р. с ударением

как на основе, так и на окончании имеет флексию -А(-Я): собранья, болота, моря, бревна. Но имена существительные ср. р. с безударной флексией могут иметь окончание -Ы(-И): письмы возили; окны брошенны; польты ;все небы; озёры, бревны и др.

Окончание -Ы у существительных ср. р. в И.—В. п. мн. ч. в безударном положении в настоящее время является особенностью южнорусских говоров.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Здесь рассматриваются не только имена прилагательные, но и все неличные местоимения, склоняющиеся по образцу склонения полных прилагательных.

Именительный — винительный падежи ед. ч. В памятниках XVII в. Кетского острога прилагательные и неличные местоимения м. р. в И.—В. п. в основном имеют русскую флексию -ОЙ(-ЕЙ): которой зверь добудем; починиват куб вниной; ясашной человек, расход немалой, шолковой снурок, бедной беззаступной, пашенной крестьянин; кошлок рыжей, карей; прежней воевода; кафтан лисей; про домашней расходишко и мн. др. Очевидно, флексия И. п. ед. ч. м. р. -ОЙ(-ЕЙ) была принадлежностью живого разговорного языка того времени, чем объясняется последовательность отражения этого окончания в памятниках. В дальнейшем в прикетских говорах, характеризующихся аканьем, подобное произношение флексии сохраняется лишь под ударением. В безударном же положении в результате редукции О и Е изменились в редуцированные Ъ и Ь.

Родительный — винительный падежи. Прилагательные м. и ср. р. в Р.—В. п. ед. ч. в изучаемых грамотах XVII в. имеют в основном флексию -ОГО(-ЕГО) (165 раз) с ее произносительным вариантом -ОВО(-ЕВО) (223 раза): Кецково уезду, для твоево ясаку, из Сибирсково приказу, скота рогатово и мн. др., но: с русского товару, от твоего оброку, вина горячего и мн. др.

Используя приемы математической статистики, можно утверждать, что флексия -ОВО(-ВО) является отражением живого разговорного языка писцов. Уже в XVII в. это окончание, находясь в безударном положе-

нии, в ряде случаев произносится как -ОВА(-ЕВА): скусу никакова, не возют нюхальиова табаку, другова сына взяли.

Стяжённые формы прилагательных. Стяженные формы прилагательных отмечаем во всех изучаемых нами памятниках XVII в.: лисица бура, лисица красна черночерева, стороница поразжа, рядовы казаки и др. (ср. со стяженными формами, отмеченными в памятниках XVIII—XIX вв.: крупа просова, мука пченичпа, волосы русы, глаза серы, опояску шерстяну, рубаху нову, грива на праву сторону и др). Появление подобных форм в деловых документах XVII—XIX вв. можно объяснить лишь влиянием местного говора (ср. с единичными стяженными формами глаголов в памятниках XVII в. Кетского острога: имат).

В современных прикетских говорах стяженные формы свойственны прилагательным всех родов в И.—В. п. ед. и мн. ч.: крепки табак, орешны год, сама вон кака сухонька; там глуха тайга была, платье хороше; куфайку мужу купила большу. Таким образом, стяженные формы прилагательных были свойственны прикетским говорам уже в XVII в.

МЕСТОИМЕНИЯ

Лично-указательные местоимения 3-го лица. В большинстве случаев в памятниках XVII в. в косвенных падежах ед. и мн. ч. местоимений ОН, ОНА, ОНО в положении после предлогов начальное Н появляется: с них, у нево, на нем, после них, за него и др. В нескольких же случаях отмечены формы без Н после предлогов: взято после ево, после ево остался сын, а вместо ево в сторожи поверстан сын ево. В документах XVIII—XIX вв. также наблюдаются подобные формы: между ими, со всех их, возле ево и др.

В современных прикетских говорах отмечается более или менее последовательное употребление форм с Н в косвенных падежах местоимений 3-го лица после предлогов: с ней разошёлся, за ним пошёл, с нём, на них, но встречаются и формы без Н: у их своя вера, длинны волосы у ево, у их тоже хлеба нет?

ГЛАГОЛ

Спрягаемые формы глагола

Личные формы глагола изъявительного наклонения. Из личных форм глагола привлекают внимание формы 3-го лица ед. и мн. ч. Две графические особенности скорописи XVII в. препятствуют уверенному воспроизведению в кетских грамотах того времени форм 3-го лица ед. и мн. ч., составляющих один из основных признаков, характерных для диалектного членения русского языка. Это совпадение в начертании букв Ъ и Ь, а также нередкий вынос буквы Т в окончании глагола из строки вверх, при этом следующая за буквой Т конечная буква опускается. Судя по формам, где Т не является выносным, глаголы в 3-м лице ед. и мн. ч. употребляются, как правило, с твердым Т: бьютЪ, велит, хочетца, креститца, будет полинтца, дают и мн. др.

Однако в нескольких случаях в изучаемых грамотах XVII в. в окончаниях 3-го лица глаголов отмечаем мягкое Т: посылаеться, не даеть, унесеть водою. За неимением других примеров трудно судить о том, чем в данном случае является мягкое Т — опиской или отражением живого говора. Возможно, это описка, так как ни в письменных памятниках XVIII—XIX вв., ни в живых современных прикетских говорах мы не находим даже единичных случаев употребления Т мягкого. Но не исключена возможность отражения живого говора писцов — носителей южнорусского говора, тем более, что Т мягкое зафиксировано именно в тех документах (стб. № 757), где наиболее последовательно отражено аканье.

Представляет интерес форма глагола 3-го лица ед. ч. ИМАТ, отмеченная в памятниках Кетского острога XVII в. один раз. Данный пример является отражением стяжения глагольных форм, которых особенно много в памятниках XIX в.: щетам ево за перва чеснава крестьянина; а мы селяны замечам; староста имьтъ распорядитца и др. и в современных прикетских говорах: ружье не таскам; народу-то не хватат; вода убуват; что заработат; земли не хватат; ты чё стукашь и др.

Наличие единичных примеров стяженных глагольных форм в документах XVII в. не может быть случайным явлением. Скорее всего, в них отражается факт живой

разговорной речи, подтвержденный многочисленными примерами стяженных форм прилагательных в этих же грамотах.

О формах вида. Из видовых форм обращают на себя внимание глагольные формы с многократным значением. Эти глаголы в изучаемых памятниках употребляются почти исключительно в форме прошедшего времени. Бесприставочные глаголы: хаживали по всякой годъ; а прежде сево хаживали нарымские остяки в подводах; бутто сказывали и др.

Несколько примеров в кетских грамотах отмечено в форме настоящего времени: ясачные люди промышливают у нас сирот твоих; а сказывает, что де он у них емльватъ ть бобры и выдры. Здесь же выделяем бесприставочные глагольные образования на -ВА, -А прошедшего времени, по значению близкие к бесприставочным формам на -ЫВА(-ИВА): а мимо Кецкой острог мнѢ не бывал; мы им бивали челом; битова мнѢ не казал, и я ево не бивал и др.

Приставочные глаголы: чтоб де им... бобров не побивать; мнъ челобитную не подавывал; я холоп твоей мпритца не заказывал; посылал сыскивать; острог досматривал, в кое ани время прихаживали и др.

В современных прикетских говорах бесприставочных глаголов такого типа много: мы ее не лавливали; отцы наши говаривали; ясашны важивали куженьки; не давывали, не видывала, в саже марывали; горбушами кашивали и др.

Приставочные же многократные глаголы в современных говорах встречаются очень редко: заезживал, пригонивал. Материалы изучаемых нами памятников показывают, что в прикетских говорах XVII в. их было больше. Сокращение этой группы глаголов в говорах, по мнению О. Н. Киселевой [139, с. 298], было связано с утратой ими значения многократности и переосмыслением значения суффикса -ЫВА(-ИВА) у приставочных глаголов в показатель несовершенного вида со значением нерасчлененной длительности действия.

О залоговой частице -СЯ. Частица -СЯ в изучаемых памятниках XVII в. сохраняется обычно в полном виде как после согласных, так и после гласных: скитаются, преставился, волокся, не принялся, остался,

смилуйся; осталося, умилися надо мною, крестилися, не удалися, объявилися и др.

Глагольные формы с сокращенной залоговой частицей -СЬ после гласных звуков единичны: осталось, нарились, сорвалась. В современных говорах после гласных обычно произносится -СЬ(-С): открылась, осталась, заливались и др. и очень редко -СА: издесь родилиса. Очевидно, возвратная частица -СЯ после гласных в живом прикетском говоре XVII в. была более употребительна, чем в современных говорах.

Неспрягаемые формы глагола

Инфинитив. Основной формой инфинитива в памятниках Кетского острога XVII в. является форма на -ТЬ: подать, ходить, осмотрить, платить и др.

Формы инфинитива на -ТИ при ударении на основе отмечаем в девяти случаях: приехати, давати, заверстати, велети, приняти, отписати и др. Очевидно, часть отмеченных форм инфинитива на -ТИ могла быть заимствована из официальной фразеологии царских указов: велети, бити, отписати. Другая часть форм на -ТИ могла быть как диалектной особенностью живых прикетских говоров, так и формами книжного происхождения. Малочисленность примеров, отсутствие их в памятниках XVIII—XIX вв. подтверждает их книжное происхождение. В то же время данные о первоначальном составе населения Кетского острога, наличие в современных прикетских говорах инфинитива на -ТИ от некоторых глаголов (моё там ести; я ево хотела сняти и др.) указывают на диалектный характер подобных примеров в памятниках XVII в. Подобные формы С. П. Обнорский считает особенностью северных говоров [12].

Исходя из вышесказанного, можно считать, что отражение в кетской письменности XVII в. форм инфинитива на -ТИ представляло собой традицию приказного языка, находившую поддержку в устной речи северорусской части населения Кетского острога XVII в. Именно поэтому инфинитивные формы на -ТИ- (хотя и от не-

---

[12] Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола.-М., 1953, с. 175.

многих глаголов) сохранились в прикетских говорах до настоящего времени.

В деловых памятниках Кетского острога XVII в. зафиксировано несколько примеров инфинитива на -СТЬ от глаголов, имеющих в литературном языке ударное окончание: книги починить и переплесть; семяна завесть; перенесть некем; пахотных завесть и др. Подобные формы инфинитива были свойственны московским памятникам XVI—XVII вв. и целому ряду южнорусских памятников XVII в.

В современных прикетских говорах также наблюдаются формы на -СТЬ в соответствии с ударными -ТИ литературного языка: стали гресь; хлеб увесь; светы принесь надо; гресть будут; подместь и др.

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют прийти к выводу, что формы инфинитива с усеченным суффиксом были свойственны живым прикетским говорам XVII в.

Деепричастия настоящего времени. В грамотах XVII в. отмечены деепричастия настоящего времени на -УЧИ(-ЮЧИ) от глаголов несовершенного вида: будучи у них в подводах; идучи дорогою; да в соболей же место вчитаючи; покупаючи твой... ясак и поминки и др. Одна форма деепричастия на -ЮЧИ образована от глагола совершенного вида: и они узнаючи тое себѢ легость все пишутца в пасадѢ. В современных прикетских говорах формы деепричастий настоящего времени на -УЧИ(-ЮЧИ) очень редки.

Таким образом, попытка реконструировать наиболее яркие морфологические черты разговорного и диалектного характера прикетских говоров XVII в. приводит к следующим выводам:

1. Очевидно, морфологическая система прикетских говоров этого периода находилась в стадии становления и, по существу, представляла собой две разнородные системы. В них входили черты общерусские, например: формы Р. — местн. п. ед. ч. на -У(-Ю) от существительных м. р.; формы Р. п. ед. ч. с окончанием -Е от существительных ж. р.; формы И.—В. п. ед. ч. на -ОЙ(-ЕЙ) от прилагательных м. р. и др.;

2. Имеется целый ряд особенностей, характерных, с одной стороны, для севернорусских и части среднерус-

ских говоров, с другой стороны, для южнорусского наречия и ряда среднерусских говоров.

Следующие морфологические черты, отмеченные в части прикетских говоров XVII в., имели широкое распространение на территории северно- и среднерусских говоров: Т твердое в окончаниях глаголов 3-го лица ед. и мн. ч.; инфинитив на -ТИ; стяженные формы прилагательных; склонение имен собственных на -ЛО, -КО по типу склонения основ на -О; формы Д. и местн. п. ед. ч. с окончанием -Е от существительных с основой на -i.

Черты, свойственные ряду прикетских говоров XVII в. и имеющие широкое распространение в средне- и южнорусских говорах: Т мягкое в окончаниях глаголов 3-го лица ед. ч.; формы Р. п. ед. ч. с окончанием -У(-Ю) от существительных ср. р.; формы И. п. мн. ч. с окончанием -Ы от существительных ср. р.; формы инфинитива на -СТЬ.

Таким образом, наличие ряда особенностей, не совместимых в одной морфологической системе, свидетельствует о том, что морфологическая система прикетских говоров в XVII в., как и морфологическая система томских говоров, состоявшаяся из конкурировавших разнодиалектных компонентов, еще находилась в процессе формирования.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Категория рода

В говорах Среднего Приобья действует система трех родовых классов. Разрушения ср. р. не наблюдается. Вместе с тем выявлена сравнительно небольшая группа общерусских слов с диалектными родовыми признаками.

Существительными м. р. в говорах являются слова БЕРЛОГ, КЛИНИК, КРЫЛЕЦ, МЫШ, ОБЛАК, ОБУВЬ, ОЛИФ, ПЕЧЕНЬ, ПОЛОТЕНЕЦ, ПОЛУКЛИНИК, ЯБЛОК: он и вылез из берлога; крылец высокий; пошел я в клиник; обувь был худой; олифом краску раз-

веди; кошка поймала мыша; печень у ей больной; чашки вытирать дык чайный полотенец; в старым полуклинике заведушшим был; один яблок остался.

К ж. р. относятся слова: ВРЕДА, ЗАРАБОТКА, ИНЯ, КОМБАЙНА, КОМОДА, ЛИТРА, МЕТРА, МЕХАНИЗМА, НАСМОРКА, ОВОЩА (ОБОЩА), ОРГАНИЗМА, ОРУЖИЯ, ПАСМА, ПРОСА (ПРОСА), РЕВМАТИЗМА, СВИТРА, ТИГРА: вреды не делали; заработка неважна; из комоды деньги взял; брали две литры водки; иня сильна така была; одну метру мне отмерь; така механизма у ей; это дали от насморки; лук садили и овощу всяку; на организму-то его и не влият; бабы с оружией идут; после той войны просу начали сеять; у меня ревматизма хроническа; надел свитру.

Ср. р. зафиксирован у сущ. КОНОПЛЁ и ФАМИЛИЕ: тако коноплё не сеют здесь, мое фамилие Петлин.

Разные родовые формы одного слова в ряде случаев являются в среднеобских говорах членами противопоставленных диалектных различий. Так, сущ. ПУТЬ в нарымских и прикетских говорах зафиксировано в форме м. р., а на остальной территории — как в форме м., так и в форме ж. р. Между тремя родовыми формами КЕДР — КЕДРА — КЕДРО сложились следующие отношения: КЕДР — вариант, появившийся в говорах под влиянием литературного языка, КЕДРА — имеет повсеместное распространение, КЕДРО — форма, отмеченная только в нарымских и прикетских говорах.

Локальные ограничения имеют следующие варианты: АРТОП (Крив. Пар.)—АРТОПА (В.-Кет.), ВЕРЕТЬЯ (Карг. Пар.)—ВЕРЕТЬЕ (В.-Кет. Карг. Колп. Мол. Пар.), ВЫВОРОТЕНЬ (Крив. Пар.)—ВЫВОРОТНЯ (В.-Кет.), ГЛЫЗ (Карг. Крив. Туг.)—ГЛЫЗА (В.-Кет. Зыр. Карг. Крив. Пар.), ГРЕБЛО (Зыр. Колп.)—ГРЕБЛЯ (Крив.), ЗАГОРОД (В.-Кет.)—ЗАГОРОДА (Карг. Колп. Крив. Пар.) — ЗАГОРОДЬ (В.-Кет. Карг. Пар. Том. Шег.), ЗАДЁВ (В.-Кет. Колп.)—ЗАДЁВА (Зыр.), ЗАПЕЧЕК (Пар.)—ЗАПЕЧКА (Колп. Крив.), ЗАПУСК (Колп. Крив. Мол. Шег.)—ЗАПУСКА (Мол.), ЗАУЛКА (Крив.)—ЗАУЛОК (Крив. Пар. Туг.), ИКСЕНЬ — м. р., (Крив.), ж. р. (Том.), ИСТОК (Карг. Колп. Крив. Пар.)—ИСТОКА (Колп. Пар.), ИСТОПЕЛЬ (Зыр. Тег. Том.) - ИСТОПЛЯ (Том.), КАРАМА (В.-Кет. Колп. Крив. Мол.)—КАРА-

МО (В.-Кет. Карг. Колп. Пар.), КОНОБ (Крив.) — КОНОБА (Колп. Мол.). КУТ (Ас. Кож. Колп. Крив. Мол. Том. Туг. Шег.)—КУТЬ (В.-Кет. Зыр. Кож. Колп. Крив. Тег. Том. Туг.), МЕДВЕДОК (В.-Кет. Колп. Крив. Том. Туг. Шег.)—МЕДВЕДКА (Зыр. Том.), НАБИРОК (Пар.)—НАБИРКА (Карг. Колп. Мол. Пар. Том. Шег.), НАКОЛОК (В.-Кет. Зыр. Карг. Кож. Колп. Крив. Тег. Шег.), НАКОЛКА (Ас. В.-Кет. Зыр. Карг. Колп. Крив. Пар. Тег. Том. Туг. Шег.), ОБАБОК (Ас. В.-Кет Том. Туг. Шег.)—ОБАБКА (Колп.), ОСОХОРЬ— м. р. (В.-Кет.), ж. р. (Зыр. Колп.), ПАДЕР (В.-Кет. Пар.)—ПАДЕРА (В.-Кет. Колп. Крив. Мол. Пар. Шег.), ПАЛЬМА (В.-Кет. Карг. Колп. Пар.)—ПАЛЬМО (Карг. Крив.), ПОВЕРЬЯ (Пар.)—ПОВЕРЬЕ (В.-Кет. Крив.), ПРОЛУБЬВ (В.-Кет. Пар. Шег.) — ПРОЛУБЬ (повсеместно), ПРОМЕЖЕК (Карг. Крив. Мол. Пар.)— ПРОМЕЖКА (Крив.), ПУРНОЛ (Карг. Колп. Пар.) — ПУРНОЛА (Пар.), ПУТ (Туг.)—ПУТО (Зыр. Том.), РАДИВА (Колп. Крив.) — РАДИВО (В.-Кет. Зыр. Карг. Кож. Крив. Мол. Пар. Том. Туг. Шег.), РЖАВЕЦ (Колп. Крив. Том.) — РЖАВЦА (Том.), СВЕРТОК (Мол. Том. Туг. Шег.) — СВЕРТКА (В.-Кет.), УКРЕП (Мол.) — УКРЕПА (Мол. Пар.).

Отмечены колебания в роде у диалектных слов в пределах одного говора: ВЯЗ—ВЯЗЬ (Пар. Гор. В.-Кет. Кур.), ВЫГАР—ВЫГАРЬ (Крив. Былл.), ПОДТОНОК—ПОДТОНКА (В.-Кет. М. Яр), ПРОБОРОЗДОК—ПРОБОРОЗДКА (Том. Верш.), ЗАВОР—ЗАВОРА (Туг.) ОБУХ—ОБУХА (В.-Кет. Мох.) и др.

Причины диалектной специфики родовых форм разнообразны. Это фонетическое преобразование неудобопроизносимых сочетаний согласных звуков на конце заимствованных слов (МЕТРА, ЛИТРА, МЕХАНИЗМА, ОРГАНИЗМА, РАВМАТИЗМА, СВИТРА, КЕДРА) или сохранение говорами древних родовых форм (БЕРЛОГ, МЫШ, ВРЕДА, ОБЛАК). Благоприятствовал появлению вариантов заимствованный характер слова (ОЛИФ, КОМОДА, ФАМИЛИЕ и др.). Вариантность диалектных слов возникла также в результате сложения вторичных среднеобских говоров из различных материнских и отсутствия кодифицирующего влияния литературного языка.

В говорах отмечены две группы слов общего рода, дающих качественное определение лица: существительные с флексией -А в И. п. ед. ч. (БЕСПЕЛЮХА, ГУЛЕНА, ДИКУША и др.): он беспелюха, неумеха; смеются, хают её (невесту), называют беспелюхой, неумехой; существительные с нулевой флексией в И. п. ед. ч. и основой на мягкий согласный (небережь, непуть и др.): а он по кеатрам разъезжат, вот непуть-то, горе матери; вот и мается теперь и вечно мучиться будет, непуть такая.

§ 2. Категория числа

Семантически категория числа в говорах организована так же, как в литературном языке. Противопоставление по числу ед.—мн. выражено у конкретных имен существительных, обозначающих предметы или явления, которые могут быть представлены в расчлененном виде. Это четко реализуемое соответствие нарушает употребление конкретных существительных в ед. ч. вместо мн. в собирательном значении: гнусная местность — комар всюду; обобка мало на сорах растёт, на белку ходили белковать ,ударят по кедре, и падат шишка.

Не имеют противопоставления по числу: 1. Вещественные имена существительные, представленные либо в форме ед. (чаще), либо в форме мн. (реже) ч.: МОРКОВЬ, МОЛОКО, СВИНЕЦ, СИТЕЦ, МУКА, ОБМЯЛКИ, ОТРЕПКИ, ПАЧЕСИ. Колебания в формах числа отмечены у слов: КОНСЕРВА—КОНСЕРВЫ, ОВОЩА—ОВОЩИ, БИСЕР—БИСЕРЫ, КАРТОВКА, КАРТОШКА—КАРТОШКИ. Мн. ч., образованное от ед., обозначает сорта или виды вещества: барловы бывали меха, ситцы всяки на ярманках были. 2. Собирательные существительные ДЕВЬЕ, КАРТОВЬЕ, КРЯЖЬЕ и др. с употребительным в говорах суфф. -j-; БЛОХОТА, МУХОТА — с несвойственным отыменным существительным в литературном языке суфф. -ОТА; МОЛОДЕЖЬ, ХОЛОСТЕЖЬ—с суфф. -ЕЖЬ; ЖЕРДНИК, КРЯЖНИК, ВАЛЕЖНИК и др. с суфф. -НИК и существительные с некоторыми другими суффиксами. 3. Отвлеченные существительные: ГЛЫБЬ, ИЗГАЛЕНЬЕ, РЕЗОТА и др. 4. Некоторые конкретные существительные, обозна-

чающие составные или парные предметы: ГРАБЛИ, КРОСНА, ЧЕМБАРЫ и др.

Как правило, основы ед. и мн. ч. тождественны, однако у следующих групп слов они различаются: 1. Одушевленные существительные м. р. со значением родства образуют основы мн. ч. при помощи суфф. -ОВj-/-ЕВj-: СЫН—СЫНОВЬЯ, БРАТ—БРАТОВЬЯ, ЗЯТЬ—ЗЯТЕВЬЯ, МУЖ—МУЖЕВЬЯ, СВАТ—СВАТОВЬЯ. 2. Более обширна в говорах группа слов м. и ср. р., образующих основы мн. ч. с суфф. -j-: СТАКАН—СТАКАНЬЯ, ОСТРОВ—ОСТРОВЬЯ, ОЗЕРО—ОЗЕРЬЯ, КОРЫТО—КОРЫТЬЯ и др. 3. Названия невзрослых существ и некоторых грибов в ед. ч. имеют суфф. -ОНОК/-ЕНОК, а во мн.: -АТ/-ЯТ: ПОРОСЕНОК—ПОРОСЯТЫ или ПОРОСЯТА, ТЕЛЕНОК—ТЕЛЯТЫ или ТЕЛЯТА, МАСЛЕНОК—МАСЛЯТЫ или МАСЛЯТА, ОПЕНОК—ОПЯТЫ—ОПЯТА. В результате выравнивания основ во мн. ч. спорадически возникают формы: ТЕЛЕНКИ, ПОРОСЕНКИ, ЗАЙЧОНКИ и др. 4. В наименованиях лиц по социальному или обрядовому признаку суфф. -ИН, свойственный основе ед. ч., выпадает во мн. ч.: КРЕСТЬЯНИН—КРЕСТЬЯНЫ, БОЯРИН—БОЯРА или БОЯРЫ, ПОЕЗЖАНИН—ПОЕЗЖАНЫ и др.

§ 3. Распределение имен существительных по типам склонения

Среднеобские говоры характеризуются единством в распределении существительных по типам склонения.

К первому склонению относятся: 1) существительные м. р. с нулевой флексией и твердой или мягкой основой в И. п. ед. ч. типа ОГОРОД, КОНЬ; 2) существительные м. и ср. р. с окончанием -О/-Е типа ОКНО, ПОЛЕ, ДОМИШКО; 3) существительные ср. р. на -МЯ; 4) существительные с суфф. -УШК, -ИШК- и флексией -А типа ДЕДУШКА, ПАРНИШКА, 5) заимствованные, не склоняемые в литературном языке слова ср. р. ПАЛЬТО, КИНО; 6) сложносокращенные слова типа МТС, СЕЛЬПО; 7) слово ПУТЬ (всюду, кроме говоров нарымской и прикетской групп).

Второе склонение включает: 1) существительные ж. р. с окончанием -А типа ДОСКА, ЗЕМЛЯ; 2) существительные м. р. (кроме слов с суфф. -УШК-, -ИШК-)

типа ЮНОША, ДЯДЯ, 2) существительные общего рода типа СИРОТА; 4) слова ЦЕРКВА, МОРКВА, СВЕКРОВА.

В третье склонение входят существительные ж. и общего рода с основой на мягкие согласные и шипящие и нулевой флексией в И. п. ед. ч. типа ДВЕРЬ, РОЖЬ, НЕПУТЬ.

§ 4. Первый тип склонения

Первым склонением в среднеобских говорах охвачена значительно бо́льшая группа слов, чем в литературном языке, за счет включения существительных ср. р. на -МЯ, м. р. с суфф. -ИШК-, -УШК- и флексией -А, несклоняемых в литературном языке иноязычных слов и сложносокращенных.

Мужской род

И.	город	конь	амбаришко	мальчишка	дедушка
Р.	города городу	коня	амбаришка	мальчишка	дедушка
Д.	городу	коню	амбаришку	мальчишку	дедушку
В.	город	коня	амбаришко	мальчишка	дедушка
Т.	городом	конем	амбаришком	мальчишком	дедушком
П.	городе городу	коне	амбаришке	мальчишке	дедушке

Средний род

И.	озеро	поле	время	кино	сельпо
Р.	озера	поля	время	кина	сельпа
Д.	озеру	полю	времю	кину	сельпу
В.	озеро	поле	время	кино	сельпо
Т.	озером	полем	времем	кином	сельпом
П.	озере	поле	време	кине	сельпе

Анализ показывает, что парадигматическая модель системы 1-го скл. в говорах по количеству и качеству противопоставленных форм не отличается от литературной. Это определяет ее устойчивость.

Флексия -А в Р. п. отмечена у всех существительных 1-го скл. Место же употребления флексии -У ограничено

в говорах строгими рамками. Эту флексию имеют: 1) вещественные односложные и многосложные существительные с постоянным или подвижным ударением, употребляемые без предлога или с предлогами ИЗ, ДЛЯ, ОТ и обозначающие часть от целого или целое, из которого берется часть: ящик холсту наклала, ситцу привез, из трахмалу кисель варют, лагуны были для дёгтю, от льну бывают отходы; 2) отвлеченные односложные и многосложные существительные с постоянным ударением на основе, употребляемые без предлогов или с предлогами БЕЗ, ДЛЯ, ОТ, С: сколько крику было, своево оммолоту мука, бегает без рассудку, для запасу, от голоду, со смеху лопнете; 3) существительные с собирательным значением с предлогами и без них: мы от росейского народу, из-за гнусу жизни нет, там малиннику много, молодняку целый двор; 4) собственные и нарицательные существительные с конкретным значением, указывающие на место действия и употребляемые только с предлогами ИЗ, С, ДО, ОТ, ВОЗЛЕ, ОКОЛО, МИМО, У: из району приехал, сошел с пароходу, до Томску ехали, от мосту втора изба, возле тракту, около берегу, чё мимо дому лупишь, у берегу вода; 5) существительные, указывающие на время действия и употребляемые с предлогами и без них: прожил до маю, она с двадцать девятова году, после дожжу люблю, во время покосу, боле году он жил; 6) существительные, выступающие в роли несогласованного определения и употребляемые без предлогов или с предлогом ИЗ: исподки из конского волосу, холст изо льну, его взяли как врага народу, председатель колхозу; 7) существительные, обозначающие объект, наличие которого отрицается: чемодану нет никакого, гляжу Петру нет, не боялась ни воды, ни огню; 8) существительные, употребляемые в сочетании с количественными числительными или словами МНОГО, МАЛО, ДИВНО: тёсу четыре возу, половина огороду, осетру нынче мало, товару в лавке дивно, капиталу у него было много.

Во всех указанных случаях могут употребляться и формы с флексией -А, проникшие в говоры из литературного языка. В системе среднеобских говоров удельный вес словоформ с окончанием -У гораздо больше. Так же, как и в литературном языке, их распространению способствовали семантические и синтаксические

факторы, однако в говорах процесс протекал с преобладанием синтаксического фактора. Если в литературном языке формы на -У выступают только в роли обстоятельства места, то в говорах в пяти из восьми рассмотренных групп их употребление определяется синтаксической позицией.

В среднеобских говорах сохранились архаические формы Р. п. с окончанием -И, исчезнувшие из литературного языка. Они отмечены у слов ДЕНЬ и РУБЛЬ в сочетании с числительными и у слова ДЕНЬ в устойчивых словосочетаниях с притяжательными прилагательными, обозначающими названия религиозных праздников, при условии употребления в значении обстоятельства времени: отпуску дали на четыре дни, они третьего дни хотели получить, там под клеянкой три рубли есь, чатыре рубли с гожей души, с Ильина дни до Семёнова дни ляживала, с Иванова дни купаться можно до Ильина дни.

Подавляющее большинство существительных 1-го скл. в П. п. имеет окончание -Е. Флексия -У регулярно наблюдается у неодушевленных существительных м. р. с твердой односложной и многосложной основой. Вместе с предлогами В и НА формы с ударным -У указывают: 1) на место, на расположение внутри или на поверхности предметов: в етим дому, на складу работат, на мысу лодку оставил, на острову сено косим; 2) на состояние: друга берёза на ей мало листьев, а на другой — вся в листу; как посадила в цвету, так они [помидоры] и стоят; он в полном уму; 3) на обстоятельства времени: в етим месяцу получу, пришёл в шестом часу, в тридцатым году в колхоз все взошли. Исключение составляет слово ГОД, которое в сочетании с предлогом В и определением, указывающим на дату, образует диалектную форму с флексией -Е: в прошлым годе муж умер, в третьем годе коровы вёхом объелись.

В говорах имеются существительные, у которых флексия -У в П. п. является единственно возможной. Она зафиксирована у слов: БЕРЕГ, БОК, БОР, ВЕК, ВЕРХ, ВОЗ, ГЛАЗ, ДОМ, ЖАР, ЗАД, КРАЙ, ЛЕД, ЛЕС, ЛОБ, ЛУГ, МЕД, МЕХ, МОСТ, МЫС, НИЗ, НОС, ПЛОТ, ПРУД, ПУХ, РОТ, САД, СНЕГ, СОР, СТОГ, УГОЛ, ЦВЕТ, ЧАС.

Существительные на -МЯ утратили в говорах элемент -ЕН- в основах косвенных падежей и приобрели повсеместно флексии 1-го скл.: от всего племя несколько осталось, по имю узнай, ребятишки со знамем идут, на теме кака-то шишка. Унификации способствовали следующие факторы: наличие редукции в заударных слогах и тенденция к преобразованию системы склонения существительных на основе родового признака. В данном случае возобладал принцип объединения всех слов среднего рода в одном склонении.

В нарымских и прикетских говорах зафиксированы единичные примеры употребления слов на -МЯ в формах ж. р. 2-го скл.: имя дана озеру, времи сейчас уже час, к теме прилипли, вымю съесь вкусно. Единичность этих форм — свидетельство потенциальных возможностей говоров, наметивших обобщение слов на -МЯ с существительными ж. р. в отдельных материнских говорах, из смешения которых возникли среднеобские говоры. Однако явление утраты ср. р. оказалось им не свойственным, поэтому для реализации данной тенденции сложились неблагоприятные условия.

В 1-е скл. включены во всех говорах одушевленные существительные м. р. с суфф. субъективной оценки -УШК-, -ИШК- и флексией -А. Аналогом, по-видимому, послужили неодушевленные существительные м. р. с теми же суффиксами. Ср.: дорога как раз мимо амбаришка, пошёл на базар баранишка продавать; два мальчишка утонули; а он как подошел к огородишку, так и не мог уж дальше; два года бычишку; дедушку дай хлебца; боровишка выпустишь; вы с дедушком дрова не иставляйте; мужик с мальчишком корову пригнал. Будучи в заударном положении, флексии -О у неодушевленных существительных и -А у одушевленных звучат в говорах одинаково. Это способствовало аналогическому выравниванию.

Тесно соприкасаясь с литературным языком, среднеобские говоры заимствуют из него несклоняемые иноязычные и сложносокращенные слова. Поскольку морфологической системе говоров органически чуждо явление несклоняемости, каждое заимствованное слово в соответствии с присущим ему родом и формой обретает флексии 1-го типа скл. Ср.: книа сёдия нет, шибур поверх пальта надевается, у нас радива нет, по пальту ползёт,

по радиву говорят, ну вас с вашим кином, с радивом веселе, в новом пальте форсит, муж в кине работает; председатель сельпа приезжал, от райза землю дали, к сельпу иди, заведыват районом, в райфе с ём и говорить не стали, радиво играет в сельпе, от эмтэссу оплата дается, с мытыеса он, по всему сысыеру дети мои, связались дураки с рытыесом, они с сысыером боятся войны, в эртыесе работа у ево хороша, в мытыесе можно достать.

Разнообразными формами склонения представлено в среднеобских говорах слово ПУТЬ.

В нарымских и прикетских говорах оно употребляется в форме м. р. и сохраняет архаическую парадигму так же, как в литературном языке: зимный путь есть, с прямого пути свернул, по прямому пути идти, зимным путём ближе намного, летним путём долго добираться, в пути все годится.

В говорах приобской и прикетской групп реализуются три варианта парадигм слова ПУТЬ. Тенденция к унификации склонения сущ. м. р. породила его словоизменение по 1-му скл.: без путя всё идёт, собьётся с путя, по первому путю прибуду, тем путём летом не пройдешь, на путе будет мосток, на вашем путе таких много будет. Эта парадигма преобладает. Иногда слово ПУТЬ в указанных говорах выступает как сущ. ж. р. 3-го скл.: хорошей вам пути, смотря по какой путе пойдёшь, в таку путь отправился один, той путью лучше не ходи, в дальной путе они. Отмечена и архаическая парадигма, аналогичная литературной.

Очевидно, колебания в роде и склонении слова ПУТЬ в южной части региона обусловлены внелингвистическими факторами: смешанным составом переселенцев, принесших из материнских говоров различные формы склонения данного слова.

§ 5. Второй тип склонения

Качество флексий данного склонения определяется твердостью — мягкостью согласного основы и типом ударения.

Таблица показывает, что вариантную флексию -Е имеет только Р. п. Лишь небольшой ареал притомских говоров (западная часть Томского района, д: Петрово, Карбышево, Верхне-Сеченово, Губино, Нелюбино) отли-

чается полным отсутствием форм с флексией -Е в Р. п. На всей остальной территории формы на -Ы/-И и -Е имеют строго разграниченные сферы употребления.

Формы с флексией -Е наблюдаются только в синтетических конструкциях с предлогами У, ИЗ, ОТ, С, ОКОЛО в пространственном значении, независимо от твердости — мягкости основы и акцентологического типа: вечер у невесте делают, у Варваре Васильевне учится, у сестре мой бродник, как у свинье, из посуде берёшь, из тайге, из рыбе вытащили человека, от Катерине посылка, от старой жене ушёл, от моей родне, с Украине приехал, с земле ключ идёт, около её родне прожили.

		Ударение на флексии	Ударение на основе	Подвижное ударение
С твердой основой	И.	сосна	рыба	стена
	Р.	сосны	рыбы	стены
		сосне	рыбе	стене
	Д.	сосне	рыбе	стене
	В.	сосну	рыбу	стену
	Т.	сосной	рыбой	стеной
	П.	сосне	рыбе	стене
С мягкой основой	И.	квашня	баня	земля
	Р.	квашни	бани	земли
		квашне	бане	земле
	Д.	квашне	бане	земле
	В.	квашню	баню	землю
	Т.	квашнёй	баней	землёй
	П.	квашне	бане	земле

В настоящее время эта дифференциация разрушается под влиянием флексии -Ы/-И, свойственной и говорам, и литературному языку.

§ 6. Третий тип склонения

По характеру согласного основы и типу ударения существительные этого склонения образуют 3 подкласса.

Формы Д. и П. п. в среднеобских говорах в отличие от литературного языка имеют устойчивую в употреблении флексию -Е, которая ясно звучит у существитель-

ных с подвижным ударением: Д. п. к пече поставь, матере помогал по всей ноче, по шерсте погладит, вниз по Томе плавали, ко рже прижимается дорога; П. п. на лошаде ездит, водили на цепе, в груде горит, весь в крове, в пролубе утонул, собака на цепе, в новой шале кума.

Подкласс слов с постоянным ударением на основе в говорах оказался суженным за счёт перехода подавляющего большинства его единиц в подкласс с подвижным ударением.

	Мягкая основа		Твердая основа
	Постоянное ударение на основе	Подвижное ударение	
И.	кровать	грудь	рожь
Р.	кровати	груди	ржи
Д.	кровате кровати	груде груди	рже ржи
В.	кровать	грудь	рожь
Т.	кроватью	грудью	рожью
П.	кровате кровати	груде груди	рже ржи

Флексия -Е в Д. и П. п. 3-го скл. появилась в результате стремления говоров выработать общий тип склонения для существительных ж. р. Аналогом послужила система падежных противопоставлений 2-го скл. В отдельных говорах приобской и притомской групп ее влияние не ограничилось проникновением флексии -Е в Д. и П. п., оно привело к спорадическому появлению форм Т. п. с флексией -ОЙ: за дверёй, за печой, горстёй, с лошадёй, ударил жердёй (Крив.: Ишт., Каз.; Шег. Марк; Том.: Карб., В.-С., Губ., Арк., Нелюб., Нех.). Однако полного слияния 2-го и 3-го скл. не произошло, поэтому каждый тип склонения сохраняется. Под влиянием литературного языка в Д. и П. п. появляются формы с флексией -И.

Существительные МАТЬ и ДОЧЬ в И.—В. п., как правило, употребляются без сочетания -ЕР- в основе, лишь в единичных случаях отмечены формы МАТЕРЬ и ДОЧЕРЬ.

§ 7. Склонение имен существительных во множественном числе

В парадигматической системе мн. ч. находит обязательное выражение признак одушевленности — неодушевленности имен существительных в совпадении В. п. с Р. или И. п. Наиболее последовательной унификации подверглись флексии Д., Т. и П. п. Сложность парадигматической системы мн. ч. обусловлена тем, что в И. и Р. п. имеется набор флексий, которые находятся в отношении дополнительного распределения.

Общий набор флексий во мн. ч.

И. -Ы/-И, -А/-Я
Р. -ОВ/-ЕВ, -ЕЙ
Д. -АМ
В. = И или Р
Т. -АМИ, -ИМИ
П. -АХ, -АВ

В И. п. в зависимости от рода и места ударения имена существительные разбиваются на 2 подкласса.

Флексию -Ы/-И получают: 1) существительные м. р. с постоянным ударением на основе: анбáры, азямы, бригадиры, медведи и под.; 2) существительные м. р. с ударением на флексии: ДВОРЫ, СТОЛБЫ, ОБЛАСКИ, ПАСТУХИ и под.; 3) существительные ж. р. 2-го и 3-го скл. с безударной флексией в И. п. мн. ч.: коровы, птицы, двери, болезни и под.; 4) существительные ср. р. с безударной флексией: ВЕДРЫ, БОЛОТЫ, ОДЕЯЛЫ, БРЕВНЫ и под.

Флексия -А/Я отмечена: 1) у подавляющего большинства слов ср. р. с ударением на основе и на окончании: МЕСТА, ПОЛЯ, ОБЛАКА, ПОЛЬТА и под.; 2) у существительных м. р. с ударением на флексии: МЕДВЕДЯ, ГРУЗА, СТОГА, ВЕТРА, МЕСЯЦА и др.; 3) некоторых существительных ж. р. 3-го скл. (за исключением прикетских говоров, где употребляется -И/Ы): СТЕПЯ, ДОЧЕРЯ, ЛОШАДЯ, СКАТЕРТЯ и др.

Указанные флексии И. п. мн. ч. находятся в состоянии конкуренции. Окончание -А/-Я из сферы слов ср. р., где оно является господствующим, активно распространилось не только на слова м. р. (охватив значительно больший объем лексики, чем в литературном языке), но

и слова ж. р. 3-го скл. (в литературном языке эти формы отсутствуют). Противостоящее проникновение флексии -И/-Ы в сферу слов ср. р. незначительно.

Существительные Р. п. мн. ч. по характеру флексий делятся на 3 подкласса.

Флексию -ОВ/-ЕВ имеют: 1) существительные м. р. 1-го скл. на твердые и мягкие согласные (в литературном языке -ОВ/-ЕВ, -ЕЙ или нулевая флексия): у амбаров, без сапогов, пять аршинов, партизанов боялись, у старых жителев, зверёв промышляют, предателев нет, бояров величают, поросятов негде держать; 2) существительные ж., м. и общего рода 2-го скл.: мужиков мало стало, пьяницов много, врушев сибиряков много, она край дорогов растет, нянев не имели, лентов навяжут; 3) сущ. ср. р. с твердой основой, основой на -j и на -МЯ: средствов не хватат; у польтов полы коротки; болотьев много; желаниев не спрашивали; таких именов не давали, нынче семенов не было; 4) pluralia tantum: с палатев слезь, до святков не дожить, через дом от яслев.

Флексию -ЕЙ получают в говорах: 1) существительные ср. р. и часть существительных м. р. с мягкой основой и ударной флексией: ПНЕЙ, УЧИТЕЛЕЙ, КОРАБЛЕЙ, МОРЕЙ; 2) существительные ж. р. 3-го скл.: мышей боюсь, много дверей, давай лошадей погонять (с флексией -ЕВ отмечены единичные примеры: я болезнев этих перенесла, от комаров мазев не было, чтоб никаких пакостев не было).

Наблюдения показывают, что нулевая флексия в Р. п. не свойственна говорам, поскольку невозможно выделить определенную группу слов, последовательно с ней соединяющихся. С нулевой флексией употребляются слова, имеющие такую форму в литературном языке.

Наибольшей жизнеспособностью обладает флексия -ОВ/-ЕВ, которая полностью вытеснила нулевую флексию и флексию -ЕЙ в безударном положении, в результате чего Р. п. в среднеобских говорах подвергся значительной унификации.

Строго различаются во мн. ч. формы Д., Т. и П. п. Флексия Д. п. -АМ единообразна для всех существительных: по дворам, к сыновьям, к окошкам, по плечам, по стенам, по ночам.

В Т. п. все существительные оканчиваются на -АМИ: с цыплятами курица; зубами развязал; машинами уби-

рают; ведрами берут клюкву; не спала ночами. Существительные с основой на -К и ударением на основе наряду с флексией -АМИ получают -ИМИ: беда с ребятишкими, порезал кусочками, сапоги с голяшкими, под окошкими стоит, посижу со старушкими. Исключение составляют говоры западной части Томского района, которым эта форма неизвестна (Петр. Карб. В.-С. Губ. Нелюб.).

В П. п. существительные каждого говора получают одну из двух флексий: -АХ или -АВ. Эти флексии образуют на обследуемой территории противопоставленное диалектное различие. Окончание -АВ локализовано в юго-восточной части Томского района (Калт. Яр. Кол. Верш. Ип. Кафт. Бат. Браж. Арк. (Нех.): на лошадяв, в конюшняв, на вечерав, на коленкав, в домав, на лугав, в сеняв, на поляв, в местав.

Под влиянием литературного языка данная форма вытесняется. На остальной территории употребляется единая флексия -АХ.

§ 8. Особые случаи склонения

Уникальную парадигму имеет во мн. ч. сущ. КОНЬ: И. КОНИ, Р. КОНЕХ—КОНЕВ—КОНЕЙ, Д. КОНЯМ, В.=Р., Т. КОНЯМИ, П. КОНЕХ.

Формы КОНЕВ—КОНЕХ в Р.—В. п. территориально противопоставлены. С флексией -ЕВ слово употребляется в прикетских говорах: конев имают, конев в борозды запрягут, для конев сена, всех конев обойдет. В остальных говорах региона — форма КОНЕХ: для конех сбруя, около конех вырос, конех дружка соберет, у конех быват болесь.

Под воздействием литературного языка всюду появилась форма КОНЕЙ (с сохранением диалектного ударения).

Особую парадигму образуют названия городов, имеющие суфф. -СК и нулевую флексию в И. п.: И.∅, Р.-ОВА, Д.-ОМУ, В.-ИЙ (нарымские говоры), -ИП или -А (прикетские говоры), -А (на остальной территории) Т.—П. п. -ИМ.

Во всех падежах, кроме И. и В., они склоняются, как имена прилагательные. Р. п.: ниже Томского, из Омского привезли, сын из Новосибирского приехал; Д. п.:

к Томскому ехать, блужу по Новосибирскому, ближе к Иркутскому; Т. п.: под Новосибирским, под Томским есть Нелюбина, с Красноярским не сравнить; П. п.: в Смоленским был, в Томским родня есь, в Новосибирским служит. Причина этого кроется в исторически сложившейся традиции, в силу которой Томск с момента его основания официально именовался Томским острогом или Томским городом. Со временем слова ГОРОД и ОСТРОГ утратились, а оставшееся прилагательное субстантивировалось [235, с. 56].

И. п. всюду представлен бесфлексийной основой, что объясняется воздействием официальной топонимической номинации.

Возникновение трехчленного противопоставленного различия в В. п. вызвано сохранением в одних говорах флексий -ИИ, унаследованной от склонения прилагательных, и развитием гласного призвука после стечения согласных, переосмысленного как окончание -А в других говорах.

Географические названия с суфф. -ОВ-/-ЕВ- и -ИН- относятся в говорах к ж. р. и склоняются как прилагательные (И. -А, Р.—Д.—Т.—П. -ОЙ, В. -У): И. Володина больша, вся Молчанова у реки была, Р. из Могочиной, из Юдиной едет; Д. по всёй Кривошенной, по Моховой сплетни сплетают; В. в Колпашеву отвезли, он в Брагину едет, Т. с Барнашевой не сравнить, с Бражкиной нет связи, П. в Пановой часовня была, в Инкиной брат.

Формирование этой парадигмы произошло под влиянием экстралингвистических факторов. Деревни в большинстве случаев назывались по фамилии первого поселенца. Формы Р. п. фамилии в словосочетаниях типа ДЕРЕВНЯ БРАЖКИНА, ДЕРЕВНЯ ПАНОВА постепенно переосмыслились как имена прилагательные ж. р. И. п. и получили соответствующее склонение.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Склонение качественных и относительных прилагательных

Специфика системы склонения качественных и относительных прилагательных в среднеобских говорах со-

стоит в более широком использовании омонимичных флексий и в некоторых отличиях системы падежных противопоставлений от литературного языка.

В И. п. м. р. в говорах возник новый тип окончания, аналогом для которого явились стяженные формы И. п. ср. и ж. р.: -ЫЙ(-Ы), -ИЙ(-И). Отпадение j произошло только в безударных позициях флексий: прошлы год, прокляты сверчок, орешны год, сладки сон, офицерски

И.	молодой	сильный сильны	синий сини	сладкий сладки
Р.	молодова	сильнова	синева	сладкова
Д.	молодому	сильному	синему	сладкому
В.	=И. или Р.			
Т.	молодым	сильным	синим	сладким
П.	молодым молодом	сильным сильном	синим синем	сладким сладком
И.	молодое молодо	сильное сильно	синее сине	сладкое сладко
Р.	молодова	сильнова	синева	сладкова
Д.	молодому	сильному	синему	сладкому
В.	=И. или Р.			
Т.	молодым	сильным	синим	сладким
П.	молодым	сильным	синим	сладким

И.	молодая	синяя	сладкая
Р. П.	=Д.= Т молодой	синей	сладкой
В.	молодую молоду	синюю синю	сладкую сладку
И.	молодые молодыи молоды	синие синии сини	сладкие сладкии сладки
Р.	молодых молодыв	синих синив	сладких сладкив
Д.	молодым	синим	сладким
В.	=И. или Р.		
Т.	молодыми	синими	сладкими
П.	молодых молодыв	синих синив	сладких сладкив

сын. Употребляются эти усеченные формы спорадически наряду с преобладающими полными формами.

Имена прилагательные ср. и ж. р. ед. ч. и все прилагательные мн. ч. в И. и В. п. повсеместно имеют стяженные формы, которые образованы от слов с ударными и безударными флексиями: есть сухо место, дал коротко заданье, плоха погода, Красна Армия пришла, большу школу построили, целу неделю болел, вилы деревянны удобны, привезли сыры дрова. Параллельно с более частотными стяженными формами выступают и полные.

В омонимичной форме (-ЫМ, -ИМ) выражены значения Т. и П. п. у имен прилагательных м. и ср. р.: за скобяным магазином дом, в скобяном магазине работат, единоличным хозяйством жили, скот был в единолишным хозяйстве, с высоким парнем идет, в чужим гнезде снесётся. Данная форма весьма устойчиво сохраняется в П. п., хотя под влиянием литературного языка в говоры проникает флексия -ОМ/-ЕМ.

Противопоставленное диалектное различие образуют флексии И. и В. п. мн. ч. Восточная часть притомских говоров, а также нарымские и прикетские имеют флексию -ЫИ/-ИИ: красивыи сарафаны были, глиняныи кринки у меня, синии ленты заплела, сырыи дрова у нас, новыи польты справили.

В южной и западной частях региона притомских говоров употребляется соответственно окончание -ЫЕ/ -ИЕ: полетят в теплые края, у них черненькие глазки, мы ведь простые люди, вот супротивные дети.

Территориально противопоставлены флексии Р.— П. п. мн. ч. -ЫХ/-ИХ и -ЫВ/-ИВ. Ареал распространения флексии -ЫВ/-ИВ ограничен юго-востоком притомских говоров. На остальной территории выступает окончание -ЫХ/-ИХ: у молоденькив красноармейцев, он из расейскив, из тонкив полотен, в худыв ботинкав; от худых людей, от седых волос, в молодых годах, в тонких чулках.

Качественные имена прилагательные имеют менее развитую, чем в литературном языке, систему форм. У них отсутствуют краткие формы, поэтому как в атрибутивной, так и предикативной функциях выступают полные и стяженные формы: он больной у ней, погодье будет плохо, у моей корове жирно молоко, там вода хороша, родители строги были, согра — низкие места.

§ 2. Степени сравнения

Богатой и развитой системе форм степеней сравнения, представленной синтетическими и аналитическими образованиями в литературном языке, в среднеобских говорах соответствует более простая система.

Сравнительная степень качественных прилагательных характеризуется отсутствием аналитических форм. Она образуется при помощи суфф. -ЕЕ, -ЕЙ, -ШЕ, -Е, как и в литературном языке, но в отличие от него данные суффиксы соединяются в говорах с несколько иным кругом основ. Наибольшей продуктивностью обладает суфф. -ЕЕ и его вариант -ЕЙ. Область его распространения более широка. Кроме основ на сонорные и губные, как и в литературном языке, он присоединяется еще к основам на К, Х, Д, Т, СТ, З: здоровей—здоровее, слабей—слабее ,синей—синее, веселей—веселее, хитрей—хитрее; крепчей—крепчее, сушей—сушее, хужей—хужее, кручей—кручее, толщей—толщее, ближей—ближее.

Характерной чертой сравнительной степени прилагательных является употребление стяженных форм, которые образуются от прилагательных с основами на сонорные, губные и заднеязычные. Полученный в результате стяжения суфф. -Е сохраняет ударение: холодне, добре, тепле, слабе, здорове, ловче.

Исконный суфф. -Е, омонимичный полученному в результате стяжения, непродуктивен в среднеобских говорах. Основы на Г, К, Х, Д, Т, СТ, к которым он присоединяется в литературном языке, образуют сравнительную степень в говорах с суфф. -ЕЕ/-ЕЙ. С суфф. -Е в Среднем Приобье зафиксированы следующие слова: больше, дороже, моложе, ниже, плоше, старе, реже, тоне, чаще, чище, шире. Суфф. -ШЕ отмечен у прилагательных: дальше, дольше, длиньше, красивше, тоньше, ширше. От прилагательных БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ произведены формы БОЛЕ, МЕНЕ, которые употребляются параллельно с БОЛЬШЕ, МЕНЬШЕ. Префикс ПО- привносит в формы сравнительной степени дополнительное значение смягчения, ослабления степени преобладания качества: помене, постаре, повкусне, похолодне, побыстрей, подобрей. Супплетивно образуется форма сравнительной степени от слова ХОРОШИЙ—ЛУЧЩЕ,

Образование сравнительной степени сопровождается варьированием, возникающим в результате полной взаимозаменяемости суфф. -ЕЕ и -ЕЙ, их продуктивности и наличия стяженных форм. Ср.: скорее—скорей—скоре, тоньшее—тоньшей—тоньше—тоне.

В говорах Среднего Приобья формы ПЛОХОЙ и ХУЖЕ принадлежат двум непересекающимся рядам формообразования. От прилагательного ПЛОХОЙ образуются 3 варианта: ПЛОШЕЕ—ПЛОШЕЙ—ПЛОШЕ. В том же значении употребляется слово ХУДОЙ (худой человек; никого не жалет; худой нынче урожай), от которого произведены формы ХУЖЕЕ—ХУЖЕЙ.

Превосходная степень образуется только аналитически из качественного прилагательного в положительной степени и определительного местоимения САМЫЙ: самый старый житель, сама вкусна рыба, само плохо время.

Формы на -АЙШИЙ -ЕЙШИЙ в среднеобских говорах отсутствуют.

§ 3. Склонение притяжательных прилагательных

Притяжательные прилагательные характеризуются наличием суфф. -ОВ (-НИНОВ), -ИН (-НИН/-ОВИНИН, -j): отцов дом, невестинов отец, материн платок, матернин сын, сыновнин голос, куричье гнездо.

И.	отцов	женин	куричий	отцово	женино	куричье
Р.	отцова отцовова	женина женинова	— куричьева			
Д.	отцову отцовому	женину жениному	— куричьему			
В.	=И. или Р.					
Т.	отцовым	жениным	куричьим			
П.	отцовым	жениным	куричьим			
И.	отцова	женина	куричья			
Р.	—Д.—Т.—П. отцовой	 жениной	 куричьей			
В.	отцову	женину	куричью			

В среднеобских говорах употребляются двойственные формы м. и ср. р. в Р. и Д. п. склонения прилагательных на -ИН и -ОВ. Флексии -А и -У лучше сохраняются в устойчивых словосочетаниях: до Ильина дни, с Прокопьева дни, к Петрову дню. Под влиянием склонения качественных и относительных прилагательных широкое употребление получили в Р. и Д. п. м. и ср. р. флексии -ОВА и -ОМУ: надо идти к невестиному отцу, от стряпкинова пирога кусочек, по бабушкиному огороду пройдете, у сватова брата есь.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 1. Личные и возвратные местоимения

Вариантные краткие формы МЯ, ТЯ, СЯ в Р. и В. п., ТЕ—в Д. п. представляют в среднеобских говорах исчезающее, локально ограниченное явление. Местоимение МЯ сохранилось лишь в говоре д. Ипатово Томского района: старик у мя уехал, не светёт у мя, у мя оборвал парнишка, вот мя и запихали. Формы ТЯ и СЯ зафиксированы в нарымских и прикетских говорах: ну, а у тя сын опеть родился, у тя чё было в уме, у тя кони есь, никто тя не держит, сам ся береги, я у ся не искала, сама ся застудила. В Д. п. форма ТЕ отмечена в прикетских говорах: кто те поверит, я конфеты те куплю, Иван те отдаст.

И. я	ты	—	мы	вы
Р. меня мя	тебя тя	себя ся	нас	вас
Д. мне	тебе те	себе	нам	вам
В. = Р.				
Т. мной	тобой	собой	нами	вами
П. мне	тебе	себе	нас	вас

В среднеобских говорах развитие системы склонения лично-указательных местоимений происходило путем

обобщения основ косвенных падежей по признаку распространения звукового элемента j в абсолютном начале слова и утраты начального Н при употреблении с предлогами: с его кака заработка, у ей сын, к ему бегу, я к ей пришла, к йимя ие хожу, с ём дружили, познакомились с йим, она с ей замучилась, пришлось с йнмя маяться, она с йими чего сделат, нету в ём углей, в ей вода, на ей зубья, в дом в йих ходили.

И.	он	оно	она	они оне
Р.	ево	ево	её	йих их
Д	ему	ему	ей	йнма йим
В.	ево	ево	её йо	йих их
Т.	йом йим	йом йим	ей	йима йими ими
П.	йом нем	йом нем	ей ней	йих них

Под влиянием литературного языка местоимения с предлогами иногда получают начальное Н, которое появляется и у специфически диалектных форм: мы с нём расходились, она за нём горя не знала, с нимя вожусь, ездил я к нимя, над нимя смеёмся.

Система падежных противопоставлений местоимений ОН и ОНО характеризуется, как и у прилагательных, омонимией Т. и П. п. Однако в отличие от них обобщение произошло на базе форм П., а не Т. п.: мы с ём подерёмся, за ём пирог остаётся, за ём (озером) поворачиват дорога, рыба пропадат в ём (озере), кака в ём болесь, при ём никто не говорил.

Только говоры трех селений Томского района (Бражкино, Аркашево, Нехорошево) обладают формой В. п. ж. р. ЙО: потом йо за руку повернет, я йо (змею) лопатой приткнул, жалуются на йо. Эта форма функционирует параллельно с формой ЕЁ.

Две вариантные формы ОНИ н ОНЕ нмеет И. п. мн. ч. Они взаимозаменяемы и употребляются независимо от рода тех существительных, на которые указывают: онн (крестьяне) от зари до зарн работали, оне (крестьяне) посодят и ждут урожай, они (женщины) прядут и ткут, оне (женщины) правду говорят.

Системы падежных противопоставлений местоимения ОНИ представлена в среднеобскнх говорах двумя территориально протнвопоставленными варнантами. Парадигму, совпадающую по структуре с литературной, имеют только притомские говоры в своей западной части (Губ. Нелюб. Петр. Карб. В.-С). Во всех остальных говорах региона Д. н Т. п. совпадают в форме ЙИМЯ: я йимя лапшу стряпала, ездилн по йимя (по речкам), Егор йимя рассказывал, перед йимя чашкн налиты, Шура за йнмя ухаживат, я ходила за ннмя. Но этн формы не единственные, рядом с ннми употребляются варианты ЙИМ в Д. п., ЙИМИ в Т. п.: йим кто попало приезжал, к йнм в избушку зашёл, выгоды нет с йими, чево он с йими сделат.

§ 2. Указательные местоимения

Разряд указательных местоимений включает 3 группы: тот, та,то, те; етот, ета, ето, ети; такой, такая, такое, такне.

Каждая из инх образует специфическую парадигматическую систему.

И.	тот	то	та	те
Р.	того	того	той	тех тев
Д.	тому	тому	той	тем
В.	= И. или Р.		таё таю ту	= И. или Р.
Т.	тем	тем	той	темн
П.	тем том	тем том	той	тех тев
И.	етот этот	ето это	ета эта	ети эти

Р.	етого этого	етого этого	етой этой	етих этих етив этив
Д.	етому этому	етому этому	етой этой	етим этим
В.	= И. или Р.		ету эту	= И. иил Р.
Т.	етим этим	етим этим	етой этой	етими этими
П.	етим этим	етим этим	етой .этой	етих этих етив этив
И.	такой	тако такое	така такая	таки такии такее таке
Р.	такова	такова	такой	таких такив такех
Д.	такому	такому	такой	таким такем
В.	= И. или Р.		таку такую	= И. или Р.
Т.	таким такем	таким такем	такой	такими такеми
П.	таким такем	таким такем	такой	таких такив такех

Яркой диалектной особенностью в склонении местоимений ТОТ и ТО является выражение значений Т. и П. п. в омонимичной форме ТЕМ: с тем делом, за тем домом, на тем трахту, в тем поле. Повсюду отмечены как равноправные варианты формы В. п. ж. р. ТАЁ, ТАЮ, ТУ: в таё половину иди, сдала таё квартиру, таю чё не залюбил, его отец таю церкву стронл, он ту девку любил.

Местоимение ЕТО, ЕТА, ЕТИ во всех падежах имеет j в абсолютном начале слова, ибо звук Е в начале слова не свойствен фонетической системе среднеобских говоров: етого не было, они к етому берегу ближе, мы в ето время сеяли, етим его не проймёшь, в етим месте болит, ета природа така, в ету сторону, к етой старушке,

на етой стреле, отдай ети книги, етих белок добували, к етим болотам иди, с етими деньгами, в етих сапогах. Вместе с тем под влиянием литературного языка широко распространились в говорах формы с начальным Е. В остальном склонение этого местоимения повторяет особенности склонения прилагательных.

Еще большую степень сходства со склонением прилагательных обнаруживают местоимения ТАКОЙ, ТАКАЯ, ТАКОЕ, ТАКИЕ, главным образом благодаря наличию стяженных форм: соха не така была, тако место сырое, не дай бог таку беду, есь таки охотники, мы накопали таки хороши картошки. Но в отличие от прилагательных в склонении местоимения имеется большее число форм за счет варьирования гласного звукового элемента флексий И и Е в формах Т. и П. п. ед. ч. м. и ср. р. (чё, с такем дураком связываться, вот такем путём, такем местом не пройдёте, в таком роде, в такем озере нет), И. и В. п. мн. ч. (вот такие они и есь, покупали таке чугунки, вот такее были арбузы, такее телеги делали), Р. Д. Т. п. мн. ч. (из такех-то местов мы, по такем старицам, беда с такеми коровами, хранили в такех ямах).

Ареалы распространения форм Р. и П. мн. ч. ТЕХ, ЕТИХ, ТАКИХ и ТЕВ, ЕТИВ, ТАКИВ, образующих противопоставленное явление, аналогичны соответствующим ареалам прилагательных.

§ 3. Притяжательные и определительные местоимения

По значению принадлежности различным лицам притяжательные местоимения делятся на четыре группы: МОЙ, НАШ; ТВОЙ, ВАШ; ЕГО, ЕЕ, ИХНЫЙ; СВОЙ. Все эти местоимения, за исключением неизменяемых форм ЕГО и ЕЕ, обладают синтаксическими категориями рода, числа и падежа.

Склонение местоимений МОЙ, ТВОЙ, СВОЙ аналогично склонению прилагательных типа СУХОЙ в говорах не только по качеству и набору флексий, но и по акцентному типу. Передвижка ударения на предпоследний гласный флексии сопровождается переходом Е в О, что представляет устойчивую морфологическую черту, Р., Д. п. м. и ср. р. ед. ч.: у моёва мужа, из своёва коридора, из твоёва огорода, из своёва села, к своёму отцу,

И.	мой, моё	твой, твоё	своё
Р.	моёва мово моево	твоёва твово твоево	своёва свово своево
Д.	моёму моему	твоёму твоему	своёму своему
В.	=И. или Р.		
Т.	моим моем	твоим твоем	своим своем
П.	моим	твоим	своим

И.	моя	твоя	своя	мои	твои	свои
Р.	моёй моей	твоёй твоей	своёй своей	моих моив	твоих твоив	своих своив
Д.	моёй моей	твоёй твоей	своёй своей	моим	твоим	своим
В.	=И. или Р.					
Т.	моей моей	твоёй твоей	своёй своей	моими	твоими	своими
П.	моёй моей	твоёй твоей	своёй своей	моих моив	твоих твоив	своих своив

И.	наш наше	ваш ваше	наша	ваша	наши	ваши
Р.	нашева	вашева	нашей	вашей	наших нашив	ваших вашив
Д.	нашему	вашему	нашей	вашей	нашим	вашим
В.	=И. или Р.		нашу	вашу	=И. или Р.	
Т.	нашим	вашим	нашей	вашей	нашими	вашими
П.	нашим	вашим	нашей	вашей	наших нашив	ваших вашив

И.	ихный	ихное ихно	ихная ихна	ихные ихны
Р.	ихнова	ихнова	ихной	ихных ихныв
Д.	ихному	ихному	ихной	ихным
В.	=И. или Р.		ихну	=И. или Р.
Т.	ихным	ихным	ихной	ихными
П.	ихным	ихным	ихной	ихных ихныв

И.	весь всё	вся	всё	всякий	всякое всяко	всякая всяка	всякие всяки
Р.	всего	всей	всех всев	всякого		всякой	всяких всякив
Д.	всему	всей	всем	всякому		всякой	всяким
В.	=И. или Р.	всюё всию всиё всю		=И. или Р.		всякую всяку	=И. или Р.
Т.	всем	всёй	всеми	всяким		всякой	всякими
П.	всем	всёй	всех всев	всяким		всякой	всяким всякив

говорел твоёму сыну, пуговицы к твоёму пальту пришила. Р. Д. Т. П. п. ж. р. ед. ч.: у моёй матери, к твоёй подруге, с моёй сестрой ровесница, на моёй дороге.

В Р. и В. п. м. и ср. р. спорадически употребляются сокращенные формы МОВО, ТВОВО, СВОВО: мово мужа, свово райвону, у мово отца, у них свово-то нет, у племянника мово останавливались, дубинкой твово борова убью.

В качестве основных форм Т. и П. п. м. и ср. р. повсюду в среднеобских говорах выступают местоимения МОИМ, ТВОИМ, СВОИМ: с моим дедушком, с твоим отцом, со своим ведром пришла, на моим веку, в своим доме, в своим селе, на своим поле. Вариантные формы МОЕМ, ТВОЕМ, СВОЕМ функционируют наряду с основными в прикетских говорах: беда с твоем деверем, со своем писарем, в моем дому, на своем веку, в своём райвоне.

Организация парадигм и локализация флексий местоимений МОИ, ТВОИ, СВОИ, а также НАШ, ИХЫЙ, ВСЯКИЙ во всех родах и числах идентичны именам прилагательным. У местоимения ВЕСЬ переход Е в О произошел только в формах Р. Д. Т. П. п. ж. р.: во всёй Волковой, по всёй ноче, со всёй семьёй, при всёй картина жила. Весьма неустойчив в среднеобских говорах В. п. ж. р., который реализуется в четырех вариантах. Формы ВСИЁ, ВСЮЁ могли возникнуть под влиянием ЕЁ, а ВСИЮ по аналогии с МОЮ. Все эти варианты не локализованы.

§ 4. Вопросительно-относительные, неопределенные и отрицательные местоимения

Из вопросительно-относительных местоимений в говорах отмечены КТО, ЧЁ, КАКОЙ, КОТОРЫЙ. От слов КТО, ЧЕ, КАКОЙ с помощью частиц -ТО, -НИБУДЬ, КОЕ- образуются неопределенные местоимения КТО-ТО, КТО-НИБУДЬ, КОЕ-КТО и др.

Местоимения с частицей -ЛИБО, а также НЕКТО, НЕЧТО, НЕКИЙ, НЕКОТОРЫЙ говорам неизвестны. В значении «некоторый» всюду функционирует неопределенное местоимение КО́ТОРЫЙ, омонимичное вопросительно-относительному: которы кусты повалились, которая стыдится, а которым всё равно. В значении «некий» выступает слово ОДИН: он живёт с одной тут, у однех людей жили.

Отрицательные местоимения в говорах образуются от вопросительно-относительных КТО, ЧЁ, КАКОЙ при помощи частиц НЕ и НИ: НИКТО, НИЧЁ, НЕКОВО, НЕЧАВО (люкализовано в нарымских, прикетских, приобских говорах), НЕЧЕВО (в притомских говорах), НЕЧА, НИКАКОЙ.

Все отрицательные и неопределенные местоимения сохраняют особенности парадигматической системы вопросительно-относительных местоимений.

Два территориально противопоставленных варианта парадигм образуют местоимения КТО и ЧЁ.

	Первый вариант		Второй вариант	
И.	кто	чё	кто	чё
Р.	ково	чаво	каво	чево
Д.	кому	чаму	кому	чему
В.	ково	чё	ково	чё
Т.	ком	чём	кем	чем
П.	ком	чём	кем	чем

Первый вариант представлен в нарымских, прикетских, приобских говорах, второй — в притомских: 1) чё-то плохо мне, ничё не было, кто чаво бросит, чаво-нибудь ты думашь, никово не плотют, к чаму это мне, ни к кому не идёт, вот они чём питались, я ни с ком не заедался, чём-то кормить надо, не в чём ходить, кто

в чём ходили, на ком женится; 2) чё-то ты худой, чево ты врёшь, у ково остановились, к кому вас поставили, к чему мне это, с кем ты пойдёшь, чем бы прихватить, не на кем возить, на чем рама держалась, ты в чем-то извозился.

Местоимения с элементами КАКОЙ и КОТОРЫЙ склоняются, как имена прилагательные говоров, сохраняя все их особенности и локальные ограничения.

ГЛАГОЛ

§ 1. Неопределенная форма

Для образования инфинитива в среднеобских говорах используются суфф. -ТИ, -ЧЬ, -ТИТЬ. Наиболее продуктивна модель с суфф. -ТЬ, охватывающая большую часть глагольной лексики. Немногочисленные формы на -ЧЬ образуют глаголы с основами на К и Г: печь, течь, жечь, лечь, беречь, сечь и др. Только в приобских говорах зафиксирован глагол БЕРЕГЧИ и его дериваты СБЕРЕГЧИ, БЕРЕГЧИСЯ. Суфф. -ТИ присоединяется к глаголам с основами настоящего и будущего времени на С, З, Т, Д: пасти, лезти, цвести, бости, а также к глаголам ГРЕСТИ, СКРЕБСТИ, ВЗЯТИ, РАСТИ и их префиксальным образованиям. Некоторые из этих глаголов получают в говорах вторичный инфинитивный суфф. -ТЬ в результате выравнивания по регулярной модели: я хочу пройтить к баушке, потом трава начнёт растить, у нас вестить некому, сено можно грестить, у меня сын не даёт им растить.

§ 2. Образование форм настоящего и будущего времени

Все глаголы, кроме разноспрягаемых, распределены по двум спряжениям, различающимся гласными элементами флексий. Глаголы 1-го спр. с ударением на окончании содержат гласный О во 2-м и 3-м лице ед. ч., 1-м и 2-м лице мн. ч. и гласный У в 3-м лице мн. ч.: несу, несёшь, несёт, несём, несёте, несут. В безударных флексиях гласный звучит как неясный редуцированный приближающийся то к И, то к Е: пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут.

Под аналогизирующим воздействием данной парадигмы глаголы пятого продуктивного класса с безударными флексиями, а также 11 глаголов на -АТЬ и -ЕТЬ, имеющих 2-е спр. в литературном языке, относятся в среднеобских говорах к 1-му спр. Об этом свидетельствует четко произносимая флексия -УТ в 3-м лице мн. ч.: снарядют, обходют, молотют, накормют, топют, видют, смотрют и др.

Стяженные формы, употребляемые наряду с полными, имеют глаголы первого и второго продуктивных классов во 2-м и 2-м лице ед. ч., 1-м и 2-м лице мн. ч., где сложились фонетические условия в виде сочетаний АЙЭ, ЕЙЭ, преобразованных в А и Э: знаю, знашь, знат, знам, знате, знают; умею, умешь, умет, умем, умете, умеют.

В пределах парадигм 1-го спр. имеется 3 типа соотношения основ.

1. Глаголы с основой на -j, шипящие и мягкие согласные сохраняют основу неизменной: дышу, дышешь, дышет, дышем, дышете, дышут. Разноспрягаемый в русском литературном языке глагол ХОТЕТЬ примыкает в говорах к 1-му спр., приобретя соотношение основ данного типа: хочу, хочешь, хочет, хочем, хочете, хочут.

2. Глаголы с основой на твердый согласный в 1-м лице ед. ч. имеют при спряжении чередование парных твердых и мягких согласных по схеме: тв., мяг., мяг., мяг., тв. (беру, берёшь, берёт, берём, берёте, берут). Этот регулярный лексически насыщенный тип послужил основой для аналогического подравнивания глаголов на Г и К, которые в говорах утратили чередование с шипящими: сожгу дом, батонов картовных напеку, часто волосы стригёшь, калач испешёшь, текёт квас, запрягёт коня, яички испекём, караси жгём, вы, может, лягете, дом-то сожгёте, коровёнку запрягут.

3. Глаголы с чередованием согласных Ч/Т', Ж/Д', Ш/С', Щ/СТ', МЛ'/М', ВЛ'/В, ПЛ'/П', БЛ'/Б' по схеме: основа 1-го лица ед. ч. противопоставлена основам остальных лиц и чисел (молочу, молотишь, молотит, молотим, молотите, молотют). Глаголы данного типа обнаруживают тенденцию к переходу в 1-й тип. Чередование устраняется путем распространения на 1-е лицо ед. ч. преобладающего в парадигме согласного: я прокатюсь, пойду замесю, захватю курицу, я шутю, очистю картошку, топю печь, свинью кормю. Однако подобные

примеры появлются нерегулярно и относятся к потенциальным возможностям говоров.

Глаголы 2-го спр. имеют ударный гласный И во 2-м и 3-м лице ед. ч., 1-м и 2-м лице мн. ч. и ударный А в 3-м лице мн. ч.: стою, стоишь, стоит, стоим, стоите, стоят.

По соотношению основ в парадигмах глаголы 2-го спр. образуют 2 типа: глаголы с неизменяемой основой на мягкие согласные, шипящие или Ц: решу, решишь, решит, решим, решите, решат; глаголы на шипящие в 1-м лице ед. ч., чередующиеся с мягкими зубными и свистящими (Ж/Д', Щ/СТ', Ш/С', Ж/З'), во всех остальных формах: ращу, растишь, растит, растим, растите, растят.

Все без исключения глаголы в 3-м лице ед. ч. и мн. ч. употребляются только с Т твердым. В спряжении глаголов ДАТЬ, ЕСТЬ, БЕЖАТЬ и их дериватов нет отличий от литературного языка.

Формы будущего сложного от глаголов несов. вида образуются так же, как в литературном языке: кто меня лечить будет, будете наших ребят учить.

§ 3. Образование форм прошедшего времени

Формы прошедшего времени образуются в говорах при помощи суфф. -Л- и окончаний -А, -О, -И. Отсутствие суфф. -Л в формах м. р. наблюдается у тех же групп глаголов, которые не имеют его и в литературном языке.

От глаголов несов. вида для обозначения действий, протекающих в отдаленном прошлом с неопределенной длительностью и неоднократной повторяемостью, в говорах образуется особая форма прошедшего времени: цепами мало молачивали, сроду не видывали трактор, тогда азямы нашивали, в праздник никогда не работывали, варенья не знавали. Эта форма создана по модели прошедшего времени при помощи дополнительного формообразующего суфф. -ЫВА-/-ИВА-/-ВА-/-А-, присоединение которого вызывает чередования в основе глагола и её усечение: косить—кашивал, молотить—молачивал, сеять—севал, брать—бирал, есть—едал.

Наличие этого суффикса только в формах прошедшего времени бесприставочных глаголов несов. вида и его отсутствие в инфинитиве, настоящем и будущем времени указывает на образование особой формы прошедшего времени.

§ 4. Категория наклонения

Система форм сослагательного и повелительного наклонений говоров сходна с соответствующей системой литературного языка. Отличия представлены у незначительной группы глаголов. Четыре глагола с ударным окончанием в 1-м лице ед. ч. будущего времени вместо ожидаемой флексии -И получают нулевое окончание: положу—положь, положьте, становлю—становь, становьте; напою—напой, напойте, замолчу—замолчь, замолчьте. Глагол ВЫЙТИ, несмотря на наличие префикса ВЫ- дает форму ВЫДЬ—ВЫДЬТЕ. Особо образует повелительное наклонение глагол ЕХАТЬ—ЕЗЖАЙ, ЕЗЖАЙТЕ.

§ 5. Категория вида

Наиболее продуктивным способом образования глаголов несов. вида в среднеобских говорах является имперфективация, которая осуществляется по двум моделям: при помощи суфф. -ЫВА-/-ИВА-/-ВА- от глаголов сов. вида с основами на А, И, О, НУ, Ы, Е (с чередованиями гласных и согласных в основах или без него); 2) при помощи суфф. -А- от приставочных глаголов сов. вида с основами на С, З, И (с чередованием согласных или без него). Например, рассказывать, вылечивать, обманывать, добывать, убивать, согревать, слезать, накладать, задавлять.

Обе модели имперфективного видообразования обнаруживают в говорах продуктивность, вовлекая в орбиту своего действия более широкий круг лексических единиц, чем в литературном языке. От некоторых глаголов (чаще всего от приставочных глаголов на -ИТЬ) образованы вариантные формы по той и по другой модели: подшутить—подшутять, подшучивать, окрутить—окручать, окручивать, задавить—задавлять, задавливать, остановить—остановлять, останавливать, нарубить—нарублять, нарубливать, разбудить—разбужать, разбуживать, улучшиться—улучшаться, улучшиваться и др. Глаголы РАЗДАТЬ и РАСПРОДАТЬ присоединяют сдвоенный суфф. -ВА- + -ЫВА-: раздавывать сено будут, всё распродавывать надо.

§ 6. Категория залога

Направленность действия на субъект предложения в среднеобских говорах способны обозначать только те формы, которые произведены от переходных глаголов при помощи постфикса -СЯ в формообразующем значении. Они продуцируют страдательный залог: заламывать дверь—дверь заламывается. Конечно, топор завастривается. Она (веревка) подо льдом привязывается. Струмент делается из пилы. Вбивается кол на берегу.

Глаголы с иным значением-СЯ и без -СЯ относятся к действительному залогу, поскольку неспособны обозначать направленность действия к субъекту предложения.

Аффикс -СЯ реализуется в парадигме настоящего и будущего простого времени в различных вариантах: женюсь, женисся, женисси, женицца, женимся, женитесь, женюцца.

Специфику диалектной парадигмы составляют формы 2-го лица ед. ч., где наряду с аффиксом -СЯ спорадически встречается -СИ: ты сразу сдаесси, с вами свяжисси, добиваесси всего, таперичка не понежисси, наработаесси и ткнёсси (повсеместно, кроме прикетских говоров).

Окказионально вариантная форма с -СИ наряду с общераспространенной на -СЯ встречается во всех группах среднеобских говоров в формах глаголов м. р. прошедшего времени: назвалси, прогнулси, женилси, сваталси, дралси.

§ 7. Причастия

Из двух функций, закрепленных за причастными формами в системе литературного языка (атрибутивной и предикативной), среднеобские говоры имеют только одну. Причастия являются предикатом. Это свойство диалектной системы объясняет, почему здесь обнаружены только страдательные причастия прошедшего времени в формах И. п. Они представлены в полной и краткой формах, изменяются по родам и числам: соединён, соединённый, соединёна, соединённая, соединено, соединённое, соединёны, соединённые.

Полные и краткие формы по отношению друг к другу представляют семантически тождественные образования. Ср.: 1. Прожила с ним, не была ни бита, ни ругана. Вино

было взято у родителев. Грива вся вытоптана. Они вооружены. 2. Он сюды присланный. Кругляк нерасколонный. Привезенные были плоты. Ружье на белку заряженное.

Страдательные причастия прошедшего времени образуются от переходных глаголов при помощи суфф. -ЕН-, -ОН-, -Н-, -Т-. Их распределение между глагольными основами аналогично распределению в литературном языке.

Диалектную специфику в образовании обнаружили причастия ПОЛОМАТ, СХОРОНЕТ, НАДЕЛАТ, НАСТЛАТ, СМОЛОН, РАСКОЛОН, ДАДЕН: у нас городьба поломата, муж схоронеты, печки наделаты, полы настлаты, зерно смолано, медаль за охоту дадена.

В системе литературного языка ударный суфф. -ОН- имеет место только в форме м. р., в остальных формах парадигмы ударение перемещается на флексии, а вместо суфф. -ОН- появляется его вариант -ЕН-. В среднеобских говорах все формы парадигмы сохраняют ударный суфф. -ЁН-: всё полосами разделёна земля, поскотина кругом обнесена, Кеть ссыльными заселена, было шесь коней запряжёно, всё разделёно, есь рыбаки прикреплёны.

Модель с ударным суфф. -ОН- весьма продуктивна. Она поглощает причастия с безударным суфф.: кто загружен работой, корова не доёна, дети распущёны растут, полна машина нагружёна, мясо наварёно, соломы навалёно, они уж разрушоны были, шерсь стрижёна весной.

Все страдательные причастия, выступая в говорах исключительно в роли сказуемых, обозначают действие, направленное на субъект предложения, т. е. являются формами страдательного залога.

Сравнение употребления личных форм глаголов с залоговым значением и их причастных залоговых форм показывает, что в говорах наблюдается некоторая специализация.

Личные формы с постфиксом -СЯ в значении страдательного залога обслуживают глаголы несов. вида: а к ремню биток привязывают, ручка к нему привязывается, бьют из глины печь, из глины бьется печь.

В формах сов. вида тех же глаголов постфикс -СЯ не способен указывать на пассивность субъекта предложения. Он получает различные словообразовательные значения, при которых предполагается активный субъект: привязываться к кому-то, биться самому и т. д. Поэтому вы-

ражение страдательного залога у глаголов сов. вида берут на себя причастия: верёвка привязана, печка сбита, бельё замочено.

§ 8. Деепричастия

В говорах Среднего Приобья зафиксированы только деепричастия прошедшего времени, употребляемые в роли основного сказуемого, что отражает определенную фазу в развитии деепричастных форм, давно пройденную литературным языком: у нас предок был Михаил, он кады бежавши, тады Москва большая была; я думала, он умерши; сын домой уехавши.

Деепричастия прошедшего времени образуются при помощи суфф. -ВШИ, -МШИ (после гласных), -ШИ (после согласных) от основ прошедшего времени глаголов сов. и несов. вида: ВЫПИВШИ, ПОКУРИВШИ, ЕВШИ, СТИРАМШИ, УЕХАВШИ, УЕХАМШИ, ПОГИБШИ, УМЕРШИ. Например: после германской войны женившись; он был выпивши; сейчас он приехавши из Питкова; рубашки остались не стирамши; я был туды уехавши.

Рис. 1. ▲ — Ч, основной вид альвеолярной аффрикаты; △ — Ч' основной вид альвеолярной аффрикаты; ○ — отсутствие затвора аффрикатами; ◐ — возможна утрата затвора аффрикатами

Рис. 2. ● — С", З"; ○ — отсутствие С", З"; ◐ — возможны С" и З" с преобладанием С', З'; ■ — явления «цеканья» и «дзеканья»; □ — отсутствие «цеканья» и «дзеканья»; ◪ — возможны Ц', ДЗ' как разновидности Т', Д'

Рис. 3. ● — чередование К'||Т', Г'||Д'; ○ — отсутствие К'||Т', Г'||Д'; ◑ — лексикализация К'||Т', Г'||Д'

Рис. 4. ◗ — l, разновидность фонемы [Л]; ○ — отсутствие l

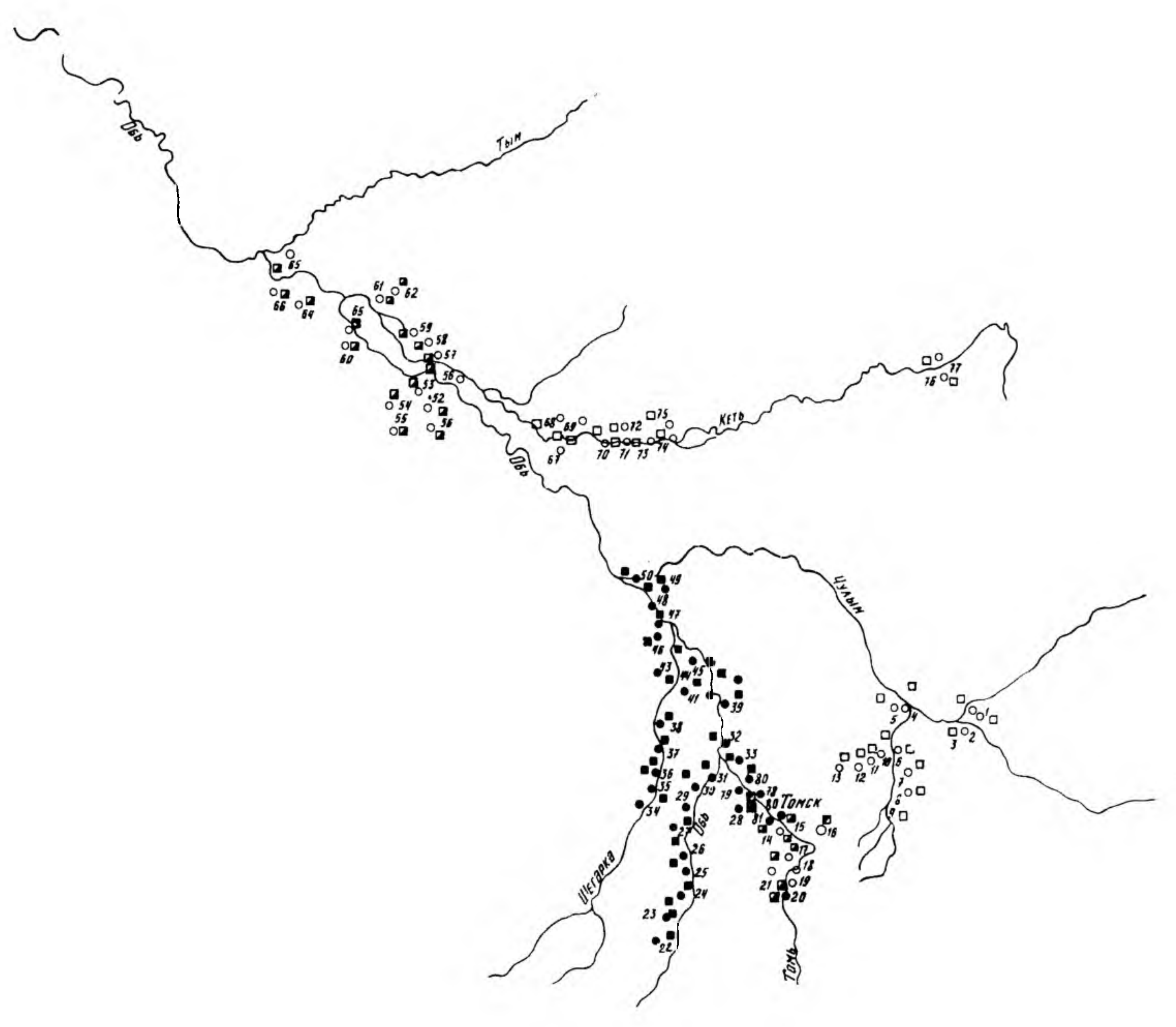


Рис. 5. ● — Ж, Ш, самостоятельные фонемные единицы; ○ — отсутствие Ж, Ш как самостоятельных фонем; ■ — Ж', Ш', основной вид альвеолярных фрикативных фонем; □ — Ж, Ш, основной вид альвеолярных фрикативных фонем; ◩ — возможны Ж', Ш'

Рис. 6. ● — К', Г', самостоятельные фонемные единицы; ○ — отсутствие К', Г'

Рис. 7. ● — чередование Г||Х в абсолютном конце слова; ○ — чередование Г||К в абсолютиом конце слова

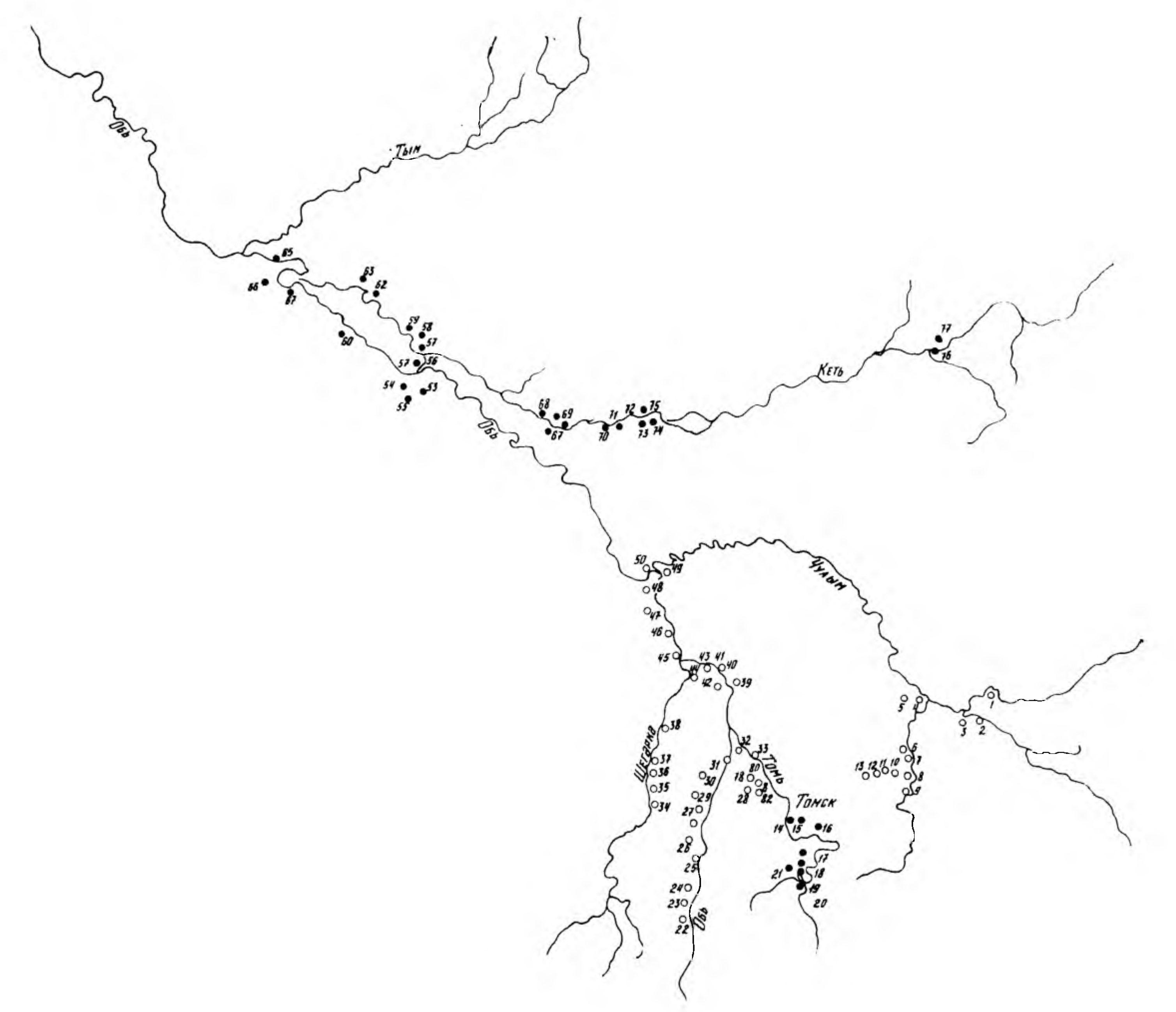


Рис. 8. ● — неразличение твердых и мягких губных; ○ — различение конечных твердых и мягких губных

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Абдрахманов М. А., Гордеева О. И. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар. — Учен. зап./Томск. ун-т, 1962, № 43, с. 181—188.

2. Агеева Н. И. Из наблюдений над языком населения Зырянского района Томской области. — Учен. зап./ Томск. пед. ин-т, 1951, т. 8, с. 110—134.

3. Агеева Н. И. К истории основания русских поселений Томской области в связи с задачами изучения русских говоров Сибири. — Учен. зап./Томск. пед. ин-т, 1953, т. 10, с. 103—126.

4. Агеева Н. И. Экспедиция лингвистов. — Красное знамя, 1946, № 137.

5. Араева Л. А. К вопросу о принципах организации мотивирующих классов слов (на материале производных существительных верхнекетского говора Томской области). — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981, с. 98—105.

6. Араева Л. А. Отглагольные существительные лица (на материале верхнекетского говора). — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 105—109.

7. Араева Л. А. Принципы наименования лица (на материале существительных верхнекетского говора). — В сб.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1981.

8. Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1981, 204 с.

9. Арьянова В. Г. Из наблюдений над синонимией диалектной лексики флоры среднеобских говоров. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Ч. 1. Томск, 1971, с. 147—153.

10. Арьянова В. Г. К вопросу о номенклатурности диалектных названий растений. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов). Новосибирск, 1967, с. 89—91.

11. Арьянова В. Г. Об одной стороне системных отношений в диалектной фитонимике. — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 21—24.

12. Арьянова В. Г. Однокоренные слова в диалекте. — В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1979, вып. 3, с. 3—10.

13. Арьянова В. Г. О словообразовании имен существительных в говорах Среднего Приобья (на материале лексики фло-

ры). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 75—90.

14. Арьянова В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах. — Материалы конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2, с. 380—383.

15. Арьянова В. Г. Родо-видовые отношения в фитонимике среднеобских говоров — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 76—80.

16. Арьянова В. Г. Словосочетания в говорах Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 125—133.

17. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию (материалы для спецкурса). Томск, 1973; Изд. 2-е, Томск, 1975, 245 с.

18. Блинова О. И. Диалектные лексические различия на уровне фрагментов микросистем. — В сб.: Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1975, с. 3—10.

19. Блинова О. И. Диалектный мотивационный словарь и некоторые вопросы теории. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 107—110.

20. Блинова О. И. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах. — В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965, с. 13—27.

21 Блинова О. И. Из наблюдений над лексикой кедрового промысла в Сибири. — Учен. зап. /Красноярск. пед. ин-т. 1960, т. 16, с. 201—213.

22. Блинова О. И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972, с. 99—108.

23. Блинова О. И. К методике определения диалектной основы вторичного говора. — В сб.: Говоры территорий позднего заселения. Саратов, 1977, вып. 1, с. 24—30.

24. Блинова О. И. Лексика луговодства старожильческого говора с. Вершинина Томской области. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1960, № 35, с. 165—177.

25. Блинова О. И. Лексика обработки льна, прядения и ткачества в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби. — Труды Томск. ун-та, 1964, т. 174, с. 48—58.

26. Блинова О. И. Лексико-фонетические варианты слова в говорах Сибири (XIX — начала XX вв.). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 9—25

27. Блинова О. И. Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966, вып. 1, с. 19—33.

28. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и варьирование слова в диалектах. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов). Новосибирск, 1971, с. 157—158.

29. Блинова О. И. Лексическая мотивированность слова и некоторые проблемы региональной лексикологии. — В сб.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972, с. 92—104.

30. Блинова О. И. Морфологически вариантные имена прилагательные в среднеобских говорах. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Ч. 1. Томск, 1971, с. 93—101.

31. Блинова О. И. Мотивационные отношения слов диалекта. — В сб.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978, с. 91—98.

32. Блинова О. И. Мотивированность слова и функциональный аспект (на диалектном материале). — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 16—21.

33. Блинова О. И. О диалектной основе говоров Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1975, вып. 1, с. 3—15.

34. Блинова О. И. О лексике ямского промысла в говорах Томской области. — Труды Томск. ун-та, 1960, т. 138, с. 35—45.

35. Блинова О. И. О мотивационном словаре диалекта. — В сб.: Вопросы лексикологии. Новосибирск, 1977, с. 95—103.

36. Блинова О. И. О термине «старожильческий говор Сибири». — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 3—8.

37. Блинова О. И. О явлении лексикализации внутренней формы слова. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979, вып. 8, с. 106—116.

38. Блинова О. И. О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна. — Труды пятой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962, с. 144—160.

39. Блинова О. И. Об одном случае проявления связи парадигматики и синтагматики слова. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов IV лингвистич. конференции. Новосибирск, 1974, с. 16—18.

40. Блинова О. И. Об отдельности слова в диалектном языке. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, вып. 3, с. 8—13.

41. Блинова О. И. Об экспрессивно-стилистической дифференциации лексики диалекта. — В сб.: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5. с. 24—28.

42. Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии: Дис. ... докт. филол. наук. — Томск, 1975, 465 с.

43. Блинова О. И. Производственная лексика старожильческого говора с. Вершинина Томского района Томской области. — Доклады VII научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1957, вып. 1. с. 138—140.

44. Блинова О. И. Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинина Томского района Томской области. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1962, 366 с.

45. Блинова О. И. Просторечная лексика в системе местного диалекта. — В сб.: Лексикологический сборник. Барнаул, 1977, с. 68—83.

46. Блинова О. И. Русские народные говоры Томской области. — В кн.: Родной край. Томск, 1974, с. 317—324.

47. Блинова О. И. Структурная мотивация слов. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 88—96.

48. Блинова О. И. Терминология заготовки и сплава дров в говорах селений по р. Томи (в южной части Томской области).— Учен.зап./ Томск. ун-т, 1962, № 40, с. 60—64.

49. Блинова О. И. Фактор мотивированности и вариантность слов. — В сб.: Язык и общество. Саратов, 1974, вып. 3, с. 144—154.

50. Блинова О. И. Фонетические особенности говора с. Вершинина Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, вып. 2, с. 40—56.

51. Блинова О. И. Характер и пути изменения производственной лексики говора с. Вершинина Томской области. — Учен. зап./Томск. ун-т, 1959, т. 39, с. 115—124.

52. Блинова О. И. Явление мотивированности слова в собственно лексикологическом аспекте. — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976, вып. 2, с. 3—17.

53. Блинова О. И., Арьянова В. Г. К вопросу о лексико-семантическом варьировании слова и омонимии в говорах. — В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965, с. 28—35.

54. Блинова О. И., Иванцова Е. В. Некоторые аспекты использования обратного словаря как лексикологического источника. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 22—29.

55. Блинова О. И., Ольговнч С. И. Изучение говоров Сибири в Томском университете. — Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5, с. 3—7.

56. Блинова О. И., Палагина В. В., Сынченко С. В. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск, 1977, 182 с.

57. Богословская З. М. О связи вариантности и мотивированности слов. (На материале говоров с. Вершинино). — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 97—103.

58. Богословская З. М. Формальные варианты слова и их место в системе говора. — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981, с. 70—74.

59. Борисова Э. В. К вопросу о выделении элементарных значений. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 57—59.

60. Борисова Э. В. К вопросу о характере мотивируемой семемы в связи с тематической отнесенностью первичного значения. — В сб.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978, с. 98—104.

61. Бородкина М. Д. Иткара Томского края. — Труды Томского краевого музея. Томск, 1927, т. 1.

62. Браславец К. М., «Дзеканье» и «цеканье» в старожильческих русских говорах по старому водному пути с Иртыша на Енисей. — Учен. зап./ Южно-Сахалинск. пед. ин-т, 1957, т. 1, с. 337—356

63 Браславец К. М. Кетской говор Обь-Енисейского междуречья. — Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, с. 119—125.

64. Браславец К. М. Морфологические черты кетского говора Обь-Енисейского междуречья. — Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1962, с. 259—273.

65. Браславец К. М. Особенности вокализма говора д. Усть-Речки Колпашевского района Томской области. — Учен. зап./ Южно-Сахалинск. пед. ин-т, 1957, т. 1, с. 357—373.

66. Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров по старому водному пути с Иртыша на Енисей: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1959.

67. Васильева Э. В. Из опыта семантической интерпретации пространственных метонимических отношений. — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 25—29.

68. Васильева Э. В. Об одном типе семантической структуры имен. — В сб.: Русские говоры в Сибири, Томск, 1979, с. 34—41.

69. Васильева Э. В. Типы лексико-семантических структур диалектного субстантива (метафорические отношения): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1979, 530 с.

70. Воробьева И. А. Диалектное словообразование в русской топонимии средней части бассейна р. Оби. — Учен. зап./Кемеров. пед. ин-т, 1972, вып. 30, с. 3—13.

71. Воробьев И. А. Западносибирские нарицательные географические термины, относящиеся к водным источникам (по материалам средней части бассейна р. Оби). — В сб.: Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970, вып. 3, с. 69—80.

72. Воробьева И. А. К вопросу о связи топонимии и диалекта на лексическом уровне. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 68—75.

73. Воробьева И. А. Названия населенных пунктов Кемеровской области (на современном этапе и в их истории). — Учен. зап./Кемеров. пед. ин-т, 1971, вып. 26, с. 117—133.

74. Воробьева И. А. Некоторые наблюдения над функционированием топонимов в устной речи. — В сб.: Ономастика, М., 1969, с. 201—207.

75. Воробьева И. А. О названии лесов Западной Сибири (по материалам топонимии средней части бассейна р. Оби). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 78—85.

76. Воробьева И. А. О некоторых типологических чертах русской гидронимии бассейна Средней Оби. — В сб.: Вопросы ономастики. Свердловск, № 8—9, с. 15—24.

77. Воробьева И. А. О связи русской топонимии Западной Сибири с топонимией аборигенных народов. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, с. 18—25.

78. Воробьева И. А. Русская адаптация топонимов аборигенных народов Западной Сибири. — В сб.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 127—129.

79. Воробьева И. А. Русская микротопонимия Западной Сибири. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 106—121.

80. Воробьева И. А. Русская топонимика Сибири в XVII в. — В кн.: Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 67—73.

81. Воробьева И. А. Русская топонимия на территориях позднего заселения. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 274—281.

82. Воробьева И. А. Русские названия озер Западной Сибири. — В кн.: Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 74—77.

83. Воробьева И. А. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения. — НДВШ, филологические науки, 1965, № 1, с. 152—160.

84. Воробьева И. А. Типология русской ойконимии Западной Сибири. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 22—30.

85. Воробьёва И. А. Топонимическая система средней части бассейна Оби.: Дис. ... докт. филол. наук. — Томск, 1973, 339 с.

86. Воробьева И. А., Палагина В. В. Обучение русскому языку в условиях старожильческих говоров Томской области.— В кн.: Лингвистический сборник. Томск, 1962, с. 3—46.

87. Голузо Л. В. Из наблюдений над ударением в русских старожильческих говорах Кузбасса. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 169—172.

88. Голузо Л. В. Словесное ударение имен существительных в русских говорах Кузбасса. — В сб.: Проблемы фонетики и истории сибирских говоров. Красноярск, 1977, с. 44—47.

89. Гордеева О. И. Высказывание как единица диалектного синтаксиса. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 223—228.

90. Гордеева О. И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1965, 199 с.

91. Гордеева О. И. Некоторые наблюдения над усвоением русского языка татарами в условиях русского старожильческого окружения. — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1962, № 40, с. 75—80.

92. Гордеева О. И. Некоторые особенности употребления имен прилагательных в русской речи томских татар. — В сб.: Вопросы литературы и языка. Томск, 1965, с. 120—126.

93. Гордеева О. И. Об изучении синтаксиса предложений среднеобских говоров. — Материалы межвузовской конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5. с. 35—38.

94. Гордеева О. И. Об усвоении татарами грамматической категории рода существительных в условиях русского старожильческого окружения. — Лингвистический сборник. Томск, 1962, с. 29—34.

95. Гордеева О. И. О семантике диалектного подлежащего (на материале среднеобских старожильческих говоров).— В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 172—174.

96. Гордеева О. И., Ольгович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981, 177 с.

97. Григорьев А. Д. Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири. — Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 286—389.

98. Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. — Изв. института исследований Сибири. Томск, 1921, № 6, с. 1—116.

99. Грушко Н. Е. О семантической соотносительности глагола и отглагольного имени с суффиксом -К(а).— В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 177—187.

100. Гудкова С. Н. К вопросу о номинации действий (на материале глаголов верхнекеткого говора). — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 100—104.

101. Гудкова С. Н., Низгутская Л. Г. О диалектной специфике словообразовательной системы. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 167—176.

102. Гынгазова Л. Г. О методике сбора материала для типологического исследования диалектной лексики (на материале приобских говоров). — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 229—236.

103. Гынгазова Л. Г. Типы лексических различий в тематической группе «названия льда». — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 182—192.

104. Диалектное словообразование (очерки и материалы). /Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1979, 200 с.

105. Жураковская Н. В. Из наблюдений над лексикой, связанной с выражением понятия «человек» в говорах среднеобского бассейна. — XII научная конференция. Март 1974 г. Некоторые вопросы языка и литературы (тезисы докладов). Новокузнецк, 1974, с. 22—27.

106. Жураковская Н. В. Из наблюдений над средствами выражения эмоциональности в говорах среднеобского бассейна. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 1, с. 25—39.

107. Жураковская Н. В. Интенсификаторы просторечно-диалектной речи. — В сб.: Говоры территорий позднего заселения. Саратов, 1977, вып. 1, с. 141—146.

108. Жураковская Н. В. Специфика структуры и мотивационных отношений агентивной лексики говоров Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 112—117.

109. Жураковская Н. В. Экспрессивная вербальная лексика в русских старожильческих говорах Среднего Приобья. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971, ч. 1, с. 127—133.

110. Жураковская Н. В. Экспрессивная лексика русских старожильческих говоров среднеобского бассейна: Дис. ... канд. филол. наук. — 1971, 241 с.

111. Жураковская Н. В. Экспрессивные слова в среднеобских говорах. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1974, с. 84—85.

112. Жураковская Н. В. Экспрессивный глагол в русских старожильческих говорах Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 45—52.

113. Жураковская Н. В. Эмоциональная лексика говоров Среднего Приобья. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов). Новосибирск, 1967, с. 94—96.

114. Жураковская Н. В. Языковая категория экспресии.— Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2. Секция гуманитарных наук. Томск, 1968, с. 363—366.
115. Жураковская Н. В. Языковые средства выражения экспрессии в диалектных именах существительных. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, вып. 2, с. 64—71.
116. Захарова Л. А. Глагольные формы в памятниках письменности Кетского острога XVII в. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 25—31.
117. Захарова Л. А. Данные современного диалекта как источник реконструкции говоров XVII в. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 19—23.
118. Захарова Л. А. Деловая письменность XVII в. как источник изучения прикетских говоров. — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (тезисы докладов). Душанбе. 12—15 ноября 1979 г. М., 1979, с. 196—197.
119. Захарова Л. А. К вопросу о возможности реконструкции сибирских говоров XVII в. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, N 72, с. 3—9.
120. Захарова Л. А. К вопросу о диалектной основе прикетских говоров. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 4, с. 47—53.
121. Захарова Л. А. К истории прикетских говоров XVII в. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 14—20.
122. Захарова Л. А. К истории прикетских говоров (фонетика, морфология): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1969, 404 с.
123. Захарова Л. А. Материалы к историческому прикетскому словарю. — В сб.: Говоры русского населения в Сибири. Томск, 1983, с. 48—57.
124. Захарова Л. А. Некоторые наблюдения над языком бумаг Кетского волостного суда. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1965, № 57, с. 56—67.
125. Захарова Л. А. О возможностях реконструкции фонетической системы диалектного языка XVII в. (на материале письменных памятников Кетского острога). — Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2, с. 374—376.
126. Захарова Л. А. Отражение некоторых морфологических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып.2, с.55—65.
127. Захарова Л. А. Отражение фонетических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 127—134.
128. Иванова Ф. П. Бытовая лексика в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по р. Оби и ее притокам. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1962, № 40, с. 47—59.
129. Иванова Ф. П. Из наблюдений над бытовой лексикой в говорах старожильческих районов Томской области. — Восьмая научная конференция Хабаровского пединститута. Хабаровск, 1961.
130. Иванова Ф. П. К вопросу о лингвогеографическом изучении говоров Сибири (на материале лексики русских старожиль-

ческих говоров средней части бассейна р. Оби). — Труды кафедр русского языка пединститутов Дальнего Востока. Хабаровск, 1966, с. 78—85.

131. Иванова Ф. П. Названия одежды и обуви в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по р. Оби и ее притокам. — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1958, т. 30, с. 127—142.

132. Иванова Ф. П. О типах лексических диалектных различий (на материале предметно-бытовой лексики русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби). — Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1966, вып. 4, с. 61—72.

133. Иванова Ф. П. Предметно-бытовая лексика русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1965, 357 с.

134. Иванцова Е. В. Обратный словарь как источник изучения акцентного варьирования. — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981, с. 75—80.

135. Киселева О. Н. Аналогические процессы в морфологической системе сибирских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 4, с. 54—60.

136. Киселева О. Н. Грамматическая аналогия и языковая система (на материале говоров средней части бассейна р. Оби).— Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска Томск, 1968, т. 2, с. 371—373.

137. Киселева О. Н. К вопросу о диалектном членении говоров Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 100—111.

138. Киселева О. Н. К вопросу о типологическом единстве сибирских старожильческих говоров на морфологическом уровне. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 21—31.

139. Киселева О. Н. Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дис... канд. филол. наук. — Томск, 1968, 445 с.

140. Киселева О. Н. Некоторые особенности морфологической системы говоров средней части бассейна р. Оби (на материале имен прилагательных). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 1, с. 26—43.

141. Киселева О. Н. Особенности морфологической системы имен существительных в говоре д. Иштан Кривошеинского района Томской области. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1966, № 57, с. 41—51.

142. Киселева О. Н. Причастия и деепричастия в говорах средней части бассейна р. Оби. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1974, вып. 3, с. 38—44.

143. Киселева О. Н. Система местоименных форм в говорах Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 44—54.

144. Климанова А. А. Вариативность словоформ имени существительного мужского и женского рода ед. числа 1-го и 2-го склонений в русской речи украинцев. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 2, с. 72—77.

145. Климанова А. А. Вариантные словоформы имени существительного в русской речи украинцев, живущих в окружении сибирских старожильческих говоров. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1979, вып. 34.

146. Климанова А. А. Деривационные типы суффиксальных существительных в русской речи украинцев, живущих в Кемеровской области. — В сб.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1980, с. 165—171.

147. Климанова А. А. Об особенностях первого предударного слога в речи украинцев, говорящих на русском языке. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1972, вып. 30, с. 96—100.

148. Климанова А. А. О некоторых особенностях русской речи украинцев, живущих в Сибири. — Учен. зап. /Кемеров. пед. ин-т, 1972, вып. 30, с. 101—111.

149. Климанова А. А. О некоторых особенностях употребления форм рода имени существительного в русской речи украинцев. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 1, с. 49—54.

150. Климанова А. А. Особенности консонантизма в речи украинцев, живущих в Сибири. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1971, вып. 26, с. 173—185.

151. Климанова А. А. Особенности падежных окончаний имен существительных мужского и женского рода мн. ч. 1-го и 2-го склонений в русской речи украинцев. — В сб.: Вопросы лексикологии и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 2, с. 78—81.

152. Климанова А. А. Роль речевой ситуации в отборе языковых форм имени существительного в русской речи украинцев, живущих в Кемеровской области. — В сб.: Проблемы фонетики и истории сибирских говоров. Красноярск, 1977, с. 52—58.

153. Климанова А. А. Русская речь украинских переселенцев в Кемеровской области (словоизменение и словообразование имени существительного): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1975, 173 с.

154. Климанова А. А. Словообразовательные варианты существительных в русской речи украинцев, живущих на территории Среднеобского бассейна. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 135—140.

155. Котова Г. Н. К вопросу об отражении в исторических словарях лексики с размерно-оценочными суффиксами. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 40—47.

156. Котова Г. Н. Некоторые языковые средства выражения экспрессии в разговорной речи томского населения XVII в. — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 57—62.

157. Краткий среднеобский словарь. — В кн.: Диалектное словообразование. Очерки и материалы. Томск, 1979, с. 142—200.

158. Ламанский В. Говор южной части Томского округа Томской губернии. — Живая старина, 1895, вып. 3—4.

159. Любимова О. А. Архаические особенности консонантизма в говоре мунгатских старожилов. — Новокузнецкий пединститут. Материалы к предстоящей VIII научной конференции. Новокузнецк, 1967, с. 44—48.

160. Любимова О. А. Вокализм старожильческого говора в окрестностях бывшего Мунгатского острога на р. Томи. — В сб.:

Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. Красноярск, 1968, с. 101—130.

161. Любимова О. А. История и современное состояние мунгатского говора (фонетико-морфологический очерк): Дис. . канд. филол. наук. — Томск, 1969, 375 с.

162. Любимова О. А. Категория рода имен существительных в говоре старожилов Беловского района Кемеровской области. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 2, с. 67—71.

163. Любимова О. А. К вопросу о социальной дифференциации говора. — В сб.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, с. 152—167.

164. Любимова О. А. К истории вокализма мунгатских говоров. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1969, вып. 15, с. 108—114.

165. Любимова О. А. Консонантизм современного старожильческого говора в окрестностях бывшего Мунгатского острога на р. Томи. — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1971, с. 18—27.

166. Любимова О. А. Морфология архаического говора мунгатских старожилов. — Новокузнецкий пединститут. Материалы к предстоящей VIII научной конференции. Новокузнецк, 1967, с. 34—39.

167. Любимова О. А. Морфология современного старожильческого говора в окрестностях бывшего Мунгатского острога на р. Томи. — Учен. зап. /Кемеров. пед. ин-т, 1969, вып. 15, с. 115 — 122.

168. Любимова О. А. Морфология старожильческого говора в окрестностях бывшего Мунгатского острога на р. Томи.— Уссурийский пединститут. V научно-методическая конференция. Тезисы докладов. Уссурийск, 1967, с. 105—108.

169. Любимова О. А. Отражение некоторых особенностей глагольных форм в языке мунгатских деловых документов XVIII в. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 1, с. 62—66.

170. Мазо С. Э. Диалектные особенности морфологии языка деловых документов г. Томска XVII в. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 135—142.

171. Мазо С. Э. Особенности вокализма в языке деловых памятников XVII в. г. Томска. — Учен. зап./Томск. ун-т, 1966, № 57, с. 63—69.

172. Мазо С. Э. Язык деловых документов XVII в. г. Томска (фонетика, морфология): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1970, 191 с.

173. Михайлова Г. М. Формы имен прилагательных местоименного склонения в томском говоре XVII. в. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 145—155.

174. Молчанова Е. П. Сельскохозяйственная лексика старожильческого говора южной части Томского района Томской области. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1959, вып. 3, с. 269—331.

175. Молчанова Е. П. Фонетическая система старожильческого говора южной части Томского района Томской области. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т, 1956, вып. 1, с. 117—147.

176. Мординова Г. А. Об одном случае связи многозначности и синонимии (на материале говора). — В сб.: Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979, с. 19—24.
177. Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья) /Под ред. О. И. Блиновой, Томск, 1982, т. 1, 267 с.
178. Мохова Р. Е. Лексико-синтаксический анализ беспредложных субстантивных словосочетаний в притомских говорах. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 70—79.
179. Мохова Р. Е. О некоторых типах многочленных субстантивных словосочетаний в диалектном языке (на материале томских говоров). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 140—144.
180. Мохова Р. Е. Словосочетания с приименным родительным в диалектном языке (на материале среднеобских говоров). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 58—64.
181. Мохова Р. Е. Субстантивные словосочетания в говорах средней части бассейна р. Оби: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1975 , 203 с.
182. Мохова Р. Е. Субстантивные словосочетания в диалектном языке на материале среднеобских говоров. — Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2, с. 387—390.
183. Мохова Р. Е. Субстантивные словосочетания с зависимым словом в дательном падеже. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 142—149.
184. Мохова Р. Е. Субстантивные словосочетания с согласуемым зависимым конституентом (на материале томских говоров). — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 4, с. 61—69.
185. Нарымская речь. — Томские губернские ведомости, 1862, № 29.
186. Обратный словарь среднеобских говоров. — В кн.: Диалектное словообразование. Очерки и материалы. Томск, 1979, с. 40—141.
187. Ольгович С. И. Заимствования в лексической системе сибирских старожильческих говоров. — Учен. зап./ Красноярск. пед. ин-т, 1963, т. 25, вып. 3, с. 165—189.
188. Ольгович С. И. Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири. — Учен. зап. /Томск. пед. ин-т. 1964, т. 21, вып. 1, с. 24—42.
189. Ольгович С. И. Из наблюдений над фонетическими изменениями при заимствовании иноязычных слов в акающих говорах Сибири. — Учен. зап./ Томск. пед. ин-т, 1962, т. 20, вып. 2, с. 49—61.
190. Ольгович С. И. Иноязычная лексика и образования от нее в говорах Среднего Приобья. — В сб.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, с. 96—104.
191. Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1964, 300 с.

192. Ольговнч С. И. К вопросу о распространении иноязычных слов диалектной лексики на террнторни средней части Обского бассейна. — В сб.: Матерналы н исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1965, с. 57—69.

193. Ольговнч С. И. К вопросу о фонетическом освоении так называемых «вторнчных заимствований» в говоре. — В сб.: Проблемы лекснкологнн, фразеологии и лексикографин сибирских говоров. Красноярск, 1975, с. 99—105.

194. Ольгович С. И. Общеславянская лексика в говорах Среднего Прнобья (к решению проблемы происхождении диалектной лексики). — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 42—48.

195. Ольговнч С. И. Собственно русская лексика в среднеобских говорах (к вопросу о критериях выделения пластов исконно русской лексики). — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 37—45.

196. Ольгович С. И. Фонетнческие изменения при освоении иноязычных слов в сибнрской диалектной лексике. — Учен. зап./ Томск. пед. ин-т, 1965, с. 22, с. 28—34.

197. Ольговнч С. И. Этнмологические заметки по диалектной лексике. — Учен. зап. /Томск. пед. нн-т, 1965, т. 22, с. 18—27.

198. Ольгович С. И Этимологические заметки по диалектной лексике (статья вторая). — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. Красноярск, 1968, с. 143—153.

199. Опыт обратного диалектного словаря./ Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1973, 171 с.

200. Орел М. В. Антонимия в диалектной фразеологии среднеобских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы русского языка и его истории. Томск, 1972, с. 64—70.

201. Орел М. В. Архаические компоненты в структуре фразеологизмов среднеобскнх старожильческих говоров. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 106—110.

202. Орел М. В. Вариантность фразеологических единиц среднеобских старожильческих говоров.— Учен. зап./Кемеров. пед. ин-т, 1972, вып. 30, с. 51—62.

203. Орел М. В. Диалектная субстантивная фразеология среднеобских говоров. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 2, с. 108—116.

204. Орел М. В. Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы фразеологии. Самарканд, 1972, вып. 6, с. 205—260.

205. Орел М. В. Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1971, 285 с.

206. Орел М. В. К вопросу об общедиалектном характере областной фразеологии среднеобских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1977, вып. 1, с. 74—79.

207. Орел М. В. К вопросу об объеме диалектной фразеологии. — Учен. зап./ Кемеров. пед. ин-т., 1970, вып. 22, с. 103—112.

208. Орел М. В К вопросу о выделении фразеологической единицы в говорах. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии

(тезисы докладов лингвистич. конференции). Новосибирск, 1969, вып. 2, ч. 2, с. 116—118.

209. Орел М. В. К вопросу о сочетаемости диалектных фразеологизмов (на материале глагольной фразеологии среднеобских старожильческих говоров). — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 115—121.

210. Орел М. В. Междометные фразеологизмы среднеобских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы исследования лексики и фразеологии говоров Сибири. Красноярск, 1978, с. 33—38.

211. Орел М. В. Наречная фразеология среднеобских старожильческих говоров. — В сб.: Проблемы фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1975, с. 106—108.

212. Орел М. В. Особенности компонентного состава диалектных фразеологических единиц среднеобских говоров.—В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 63—67.

213. Орел М. В. Полисемия и омонимия фразеологизмов. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977, с. 63—72.

214. Орел М. В. Синонимия диалектной фразеологии (на материале русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби). — Труды кафедр русского языка Кемеровского и Новокузнецкого пединститутов. Кемерово, 1971, с. 157—172.

215. Орел М. В. Соматическая фразеология среднеобских старожильческих говоров (к вопросу о компонентном составе и функционально-семантической направленности). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 98—103.

216. Орел М. В. Структурно-семантические особенности адъективной фразеологии среднесибирских старожильческих говоров. — В сб.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1980, с. 153—161.

217. Охолина Н. М. Говор белорусов-переселенцев на территории Томской области (фонетико-морфологический очерк): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1972, 439 с.

218. Охолина Н. М. Губные согласные в «островном» белорусском говоре на территории Томской области.— В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 248—252.

219. Охолина Н. М. Диалектные ошибки в речи учащихся и их исправление (из опыта работы учителей Молчановского района). — В сб.: Вопросы обучения и воспитания. Томск, 1970, с. 128—134.

220. Охолина Н. М. Из наблюдений над лексикой «островного» белорусского говора на территории Шегарского района Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск. 1977, вып 4, с. 44—46.

221. Охолина Н. М. К вопросу о говоре-основе белорусских переселенцев на территории Томской области. — Учен. зап./ Томск. пед. ин-т, № 29. Вопросы лингвистики, 1970, вып. 2, с. 23—33.

22. Охолина Н. М. Личные местоимения в «островном» белорусском говоре на территории Томской области. — В сб.: Грамматические проблемы русского языка. Барнаул, 1974, с. 83—86.

223. О х о л и н а Н. М. Система вокализма говора белорусов-переселенцев в иноязычном окружении. — Материалы межвузовской научной конференции по проблемам советской литературы и говоров Дальнего Востока. Хабаровск, 1968, с. 70—76.

224. О х о л и н а Н. М. Сохранение общебелорусских черт в говоре белорусов-переселенцев на территории Томской области. — Материалы 24-й научной студенческой конференции. Томск, 1967, с. 40—43.

225. О х о л и н а Н. М. Типы склонения имен существительных в говоре белорусов-переселенцев на территории Томской области. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 47—55.

226. П а л а г и н а В. В. Влияние местного говора на грамотность учащихся Томской области. — В сб.: В помощь учителю русского языка. Томск, 1960, с. 32—38.

227. П а л а г и н а В. В. Вопрос о диалектной основе среднеобских говоров. — В сб.: Проблемы русского языка и его методики. Красноярск, 1972, с. 101—108.

228. П а л а г и н а В. В. Диалектный состав первых жителей Томска. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 98—105.

229. П а л а г и н а В. В. Задачи изучения истории лексики сибирских говоров. — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 3—7.

230. П а л а г и н а В. В. Задачи изучения истории среднеобских говоров. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектолологии. Томск, 1977, вып. 1, с. 220—233.

231. П а л а г и н а В. В. Замечания о речи первого томского населения. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, вып. 2, с. 72—80.

232. П а л а г и н а В. В. Из реконструкций синтаксических явлений исходного состояния томского говора. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 133—136.

233. П а л а г и н а В. В. Изучение русских народных говоров на территории Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 93—99.

234. П а л а г и н а В. В. Изучение сибирских говоров в Томском университете. — Вопросы языкознания, 1958, № 4, с. 147—148.

235. П а л а г и н а В. В. Именное и местоименное склонение в говоре западной части Томского района. — Труды Томск. ун-та, 1960, с. 138, с. 46—70.

236. П а л а г и н а В. В. Источники реконструкции диалектного состава населения и исходного состояния говора XVII в. — Учен. зап./Кемеров. пед. ин-т, 1972, вып. 30, с. 63—72.

237. П а л а г и н а В. В. Исходное состояние лексической системы русского говора позднего образования — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов). Новосибирск, 1971, с. 155—157.

238. П а л а г и н а В. В. Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII в. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972, с. 116—123.

239. Палагина В. В. Лексика исходного состояния томского говора начала XVII в. — В сб.: Материалы по фонетике и истории сибирских говоров. Красноярск, 1975, с. 3—10.

240. Палагина В. В. Лексика санно-тележного промысла в говорах Томской области. — Труды Томск. ун-та, 1960, т. 153, с. 99—103.

241. Палагина В. В. Лексикографическое изучение говоров Среднего Приобья на кафедре русского языка Томского университета. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 17—25.

242. Палагина В. В. Материалы для исторического словаря томского говора. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, с. 46—51.

243. Палагина В. В. Локально ограниченная лексика в речи населения Томска первой половины XVII в. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 68—74.

244. Палагина В. В. Наречия в старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби. — Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 25—28.

245. Палагина В. В. Некоторые наблюдения над лексикой старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. — Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 20—24.

246. Палагина В. В. Непредметная лексика говора западной части Томского района Томской области. — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1959, № 39, с. 59—86.

247. Палагина В. В. Об источниках формирования диалектной основы лексического состава томского говора. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, с. 100—107.

248. Палагина В. В. Об исходном состоянии томского говора. — Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973, вып. 2, № 1, с. 104—107.

249. Палагина В. В. О диалектных ошибках учащихся школ Томской области. — В сб.: В помощь учителю русского языка. Томск, 1956, с. 30—34.

250. Палагина В. В. О приемах реконструкции исходного состояния вторичного русского говора (на материале томского говора). — В сб.: Лингвистические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 4—9.

251. Палагина В. В. О составлении словаря сибирских говоров. — Труды Томск. ун-та, 1960, т. 138, с. 7—22.

252 Палагина В. В. Опыт применения некоторых методов структурной лингвистики к изучению лексики диалектного языка. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, с. 140—149.

253. Палагина В. В. О языке таможенных книг г. Томска. — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1965, т. 57, с. 50—55.

254. Палагина В. В. Падежные формы существительных единственного числа в речи томского населения первой половины XVII в. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 6—11.

255. Палагина В. В. Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, с. 150—159.

256. Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): Дис. ... докт. филол. наук. — Томск, 1973, 413 с.

257. Палагина В. В. Реконструкция лексики исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). — Лексикологический сборник. Барнаул, 1977, с. 55—63.

258. Палагина В. В. Реконструкция лексики исходного состояния томского говора первой половины XVII в. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971, ч. 1, с. 110—120.

259. Палагина В. В. Реконструкции некоторых фонетических черт исходного состояния томского говора (первой половины XVII в.) — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 10—19.

260. Палагина В. В. Роль экстралингвистических факторов в выборе приемов и источников исследования языка (на примере вторичного русского говора). — В сб.: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР, вып. 5. Томск, 1972, с. 10—16.

261. Палагина В. В. Русские антропонимы как источник информации о диалектном составе населения (на материале томских документов). — В сб.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972, с. 83—91.

262. Палагина В. В. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1954, т. 19, с. 3—30.

263. Палагина В. В. Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби. — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1966, № 57, с. 34—40.

264. Палагина В. В. Словарь старожильческих говоров Томской области. — Томск. ун-т. Доклады VII научной конференции. Томск, 1957, с. 137—138.

265. Палагина В. В. Служебные слова в старожильческих говорах Томской области. — Учен. зап./ Томск. ун-т. 1965, № 57, с. 36—40.

266. Палагина В. В. Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1951, 511 с.

267. Палагина В. В. Томские таможенные книги как источник реконструкции лексики разговорной речи первой половины XVII в.— В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978, с. 119—128.

268. Палагина В. В. Томский говор в его отношении к говорам европейской части Союза. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 20—24.

269. Палагина В. В. Фонетическая характеристика томских расходных книг 1630—1631 гг. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 220—233.

270. Палагина В. В. Частотный словарь таможенных книг Томска 1624—1627 гг. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 78—83.

271. Пантелеева Е. М. Бессуффиксные имена существительные, мотивированные глаголами (на материале говоров Томской и Кемеровской областей). — В сб.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 2, с. 82—88.

272. Пантелеева Е. М. Из наблюдений над синонимией предложных конструкций (на материале говоров Кемеровской области). — В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965, с. 45—49.

273. Пантелеева Е. М. Имена существительные общего рода (на материале говоров Томской и Кемеровской областей). — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 80—90.

274. Пантелеева Е. М. К вопросу о синонимике предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской области. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1963, № 47, с. 75—85.

275. Пантелеева Е. М. Некоторые вопросы изменения синонимики предложных конструкций (на материале говоров Кемеровской области). — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1965, № 54, с. 104—110.

276. Пантелеева Е. М. Некоторые вопросы развития синонимики предложных конструкций (на материале говоров Кемеровской области). — Учен. зап. /Томск. ун-т, 1965, № 54, с. 110—120.

277. Пантелеева Е. М. Некоторые итоги изучения синтаксической синонимии на материале сибирских говоров. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968, с. 112—116.

278. Пантелеева Е. М. Некоторые особенности управления в говорах Томской и Кемеровской областей. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1966, № 57, с. 51—56.

279. Пантелеева Е. М. Об особенностях диалектного словообразования (на примере гнезда родственных слов). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 70—76.

280. Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица (по материалам говоров Томской и Кемеровской областей). — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971, с. 120—127.

281. Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица (по материалам говоров Кемеровской и Томской областей). — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, вып. 3, с. 22—26.

282. Пантелеева Е. М. Образование и функционирование отвлеченных имен существительных в говорах средней части бассейна р. Оби. — В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1976, с. 40—46.

283. Пантелеева Е. М. Образование отвлеченных существительных в среднеобских говорах. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1974, с. 85—87.

284. Пантелеева Е. М. Образование сложных имен существительных (на материале говоров). — В сб.: Грамматика русского языка. Иркутск, 1972, вып. 1, с. 157—165.

285. Пантелеева Е. М. О выразительности диалектной речи. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 32—37.

286. Пантелеева Е. М. О значении и употреблении предлогов ПО, ЗА с именами существительными — объектами цели (на материале говоров Кемеровской области). — Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 35—38.

287. Пантелеева Е. М. О некоторых закономерностях диалектного словообразования (на материале агентивных существительных в говорах Томской и Кемеровской областей). — В сб.: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5, с. 29—34.

287. Пантелеева Е. М. О синтаксических особенностях говоров Томской и Кемеровской областей. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 66—77.

289. Пантелеева Е. М. Особенности имен существительных эмоционального и экспрессивного значения на словообразовательном уровне (на материале старожильческих сибирских говоров). — В сб.: Грамматические проблемы русского языка. Барнаул, 1974, с. 76—82.

290. Пантелеева Е. М. Предлоги со значением причины и цели (по материалам говоров Кемеровской области). — Лингвистический сборник. Томск, 1964, с. 39—47.

291. Пантелеева Е. М. Синонимика беспредложно-предложных конструкций и пути ее изменения (на материале русских говоров Кемеровской области): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1965, 214 с.

292. Пантелеева Е. М. Характер связей слов в пределах словообразовательного гнезда (на материале старожильческих сибирских говоров). — В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1978, вып. 2, с. 62—67.

293. Пантелеева Е. М. Характер словообразовательных связей слов в пределах словообразовательного гнезда (на материале старожильческих сибирских говоров). — В сб. Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976, с. 105—113.

294. Попов И. А. Сибирские областные словари в системе русской диалектной лексикографии. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 3—16.

295. Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — Этнографический сборник РГО, 1864, вып. 6, с. 1—154.

296. Потехина Н. Ю. Лексико-семантические варианты имен существительных в томских деловых документах XVII в. — В сб.: Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982, с. 26—35.

297. Потехина Н. Ю. Материалы для исторического словаря среднеобских говоров (по рукописям второй половины XVII в.). — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 7, с. 33—37.

298. Потехина Н. Ю. Материалы для томского исторического словаря (по даным памятников делового письма XVII в.). — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 53—56.

299. Потехина Н. Ю. Названия мехов в памятниках томского делового письма XVII в. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 84—88.

300. Раков Г. А. Заметки о дублетно-синонимических рядах имен прилагательных в говоре. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 59—62.

301. Раков Г. А. Исследование сочетаемости синонимов-прилагательных в нарымском говоре. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 59—68.

302. Раков Г. А. К вопросу о синонимических отношениях в лексике нарымского говора и типы синонимических рядов. — В сб.: Материалы первой конференции молодых ученых. Томск, 1974, вып. 1, с. 134—137.

303. Раков Г. А. К исследованию функций разных типов синонимов в диалектной речи. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1974, с. 73—81.

304. Раков Г. А. Компонентный анализ и исследование диалектной синонимии. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 4, с. 105—111.

305. Раков Г. А. Мотивированность синонимов в нарымском говоре в связи с особенностями их семантики. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 66—70.

306. Раков Г. А. Некоторые особенности функционирования компонентов синонимических рядов имен прилагательных в зависимости от мотивированности в нарымском говоре. — Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5 с. 148—149.

307. Раков Г. А. Об одном способе исследования интегральных и дифференциальных признаков синонимов. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976, с. 98—105.

308. Раков Г. А. О функциональном аспекте исследования синонимов в системе диалекта. — В сб.: Вопросы стилистики русского языка, Барнаул, 1976, с. 26—32.

309. Раков Г. А. О функционально-семантических различиях компонентов синонимических имен прилагательных в нарымском говоре. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул 1972, с. 134—140.

310. Раков Г. А. Семантическая структура синонимов и их функционирование. — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976, с. 18—24.

311. Раков Г. А. Синонимия имен прилагательных в нарымском говоре (семантико-функциональный анализ): Дис. .. канд. филол. наук. — Томск, 1977, 220 с.

312. Раков Г. А. Синонимия как одно из проявлений системных связей слов в лексике нарымского говора. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, вып. 3, с. 22—26.

313. Раков Г. А. Синонимы-прилагательные, обозначающие свойства-качества лица в нарымском говоре. — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1975, вып. 1, с. 65—73.

314. Рамзевич Н. К. К изучению народной речи в Сибири. Варшава, 1914.

315. Резанова З. И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 156—166.

316. Ростова А. Н. О возможностях использования показаний языкового сознания носителей говора для изучения системных отношений (отношений вариантности и дублетности). — В сб.: Ма-

териалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981, с. 54—61.

317. Садретдинова Г. А. К вопросу о диалектной основе говоров Среднего Приобья (на материале консонантизма). — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1971, с. 11—17.

318. Садретдинова Г. А. Консонантизм нарымского старожильческого говора среднеобского диалекта. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 234—248.

319. Садретдинова Г. А. Консонантизм обских говоров. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, вып. 2, с. 26—39.

320. Садретдинова Г. А. Консонантизм притомских говоров (фонологическое описание). — В сб.: Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. Барнаул 1972, с. 59—68.

321. Садретдинова Г. А. Консонантизм причулымских говоров среднеобского диалекта. — В сб.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1980, вып 3.

322. Садретдинова Г. А. Консонантизм русских старожильческих говоров Среднего Приобья: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1973, 214 с.

323. Садретдинова Г. А. О диалектном членении говоров Среднего Приобья (по данным консонантизма). — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 32—38.

324. Садретдинова Г. А. Типология фонетических различий старожильческих говоров Среднего Приобья (на материале консонантизма). — В сб.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2, с. 376—379.

325. Селищев А. А. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, 294 с.

326. Сенкевич В. А. Акающий диалект русского языка Обь-Енисейского междуречья. — Томск. ун-т. Доклады VII научной конференции. Томск, 1957, вып. 1, с. 144—145.

327. Сенкевич В. А. Говор д. Денисово Кемеровской области (из наблюдений над акающим диалектом Обь-Енисейского междуречья). — Учен. зап./ Магнитогорск. пед. ин-т, 1961, т. 14, с. 89—149.

328. Сенкевич В. А. Говоры Парабельского района Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1950.

329. Сенкевич В. А. Заметки о говоре Парабельского района Томской области.— Учен. зап./Томск. ун-т, 1954, № 19, с. 57—80.

330. Сенкевич В. А. К вопросу о лексической омонимии в русском народном говоре. — В сб.: Проблемы русского языка и его методики. Красноярск, 1972, с. 127—134.

331. Сенкевич В. А. Консонантизм акающих говоров Обь-Енисейского междуречья (классификации говоров). — Тезисы докладов IV научной конференции Магнитогорск. педин-та. Магнитогорск, 1962.

332. Сенкевич В. А. Некоторые вопросы изучения сибирских говоров русского языка. — Учен. зап./ Магнитогорск. пед. ин-т, 1958, вып. 7, с. 104—121.

333. Сенкевич В. А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Материалы для семинара по диалектологии. Челябинск, 1975, 71 с.

334. Сенкевич В. А. Терминология охоты Обь-Енисейского междуречья. — В сб.: Вопросы современного русского языка, диалектологии и методики. Свердловск, 1960, с. 146—174.

335. Сенкевич В. А., Браславец К. М. Некоторые диалектные особенности языка русского населения Сибири, расположенного по старому водному пути с Иртыша на Енисей. — В сб.: Вопросы географии Сибири. Томск, 1953, сб. 3, с. 289—304.

336. Сенкевич В. А., Михалкина М. П. Рыболовные орудия Обь-Енисейского водного бассейна и их терминология. — Учен. зап. /Магнитогорск. пед. ин-та, 1958, вып. 7, с. 136—184.

337. Скворцова А. А. Основные задачи изучения русских говоров Западной Сибири. — Труды Томск. ун-та, 1955, т. 129, с. 5—14.

338. Слободский М. Песни с. Коларова Томского округа. — Труды Томск. краевого музея, 1927, т. 1.

339. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. /Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964—1967, т. 1—3.

340. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). /Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, ч. 1, 2. Томск. 1975.

341 Соколов О. М. К методике изучения особенностей глагольного словопроизводства в русских народных говорах. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1962, № 40, с. 65—74.

342. Соколов О. М.. Морфологически вариантные глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1959, 297 с.

343. Соколов О. М. Морфологически вариантные глаголы в старожильческих говорах Томской области. — Материалы 3-й зональной конференции кафедр русского языка высших учебных заведений Сибири, Урала и Дальнего Востока. Красноярск, 1958, с. 105—117.

344. Соколов О. М. Об условиях возникновения морфологически вариантных глаголов в старожильческих говорах Томской области. — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1959, № 39, с. 103—114.

345. Соколов О. М. О классификации глагольной диалектной лексики на материале старожильческих говоров Томской области. — Труды Томск. ун-та, 1960, т. 138, с. 23—34.

346. Соколов О. М. О морфологической синонимике как пределе морфологического варьирования слова и о некоторых явлениях распада вариантности слова (на материалах глагольной лексики старожильческих говоров Томской области). — Учен. зап./ Томск. ун-т, 1959, т. 39, с. 87—102.

347. Соколов О. М. О некоторых особенностях глагольного префиксального словопроизводства в старожильческих говорах Томской области. — Учен. зап. /Томск. ун-та, 1960, № 35, с. 178—183.

348. Соколов О. М. О некоторых особенностях морфологического членении глагольных основ в системе народных говоров.— Труды Томск. ун-та, 1964, т. 174, с. 3—7.

349. Соколов О. М. Типы глагольных диалектных основ в старожильческих говорах Томской области. — Доклады VII научной конференции Томск ун-та. Томск, 1957, вып. 1, с. 142—144.

350. Томская речь. — Томские губернские ведомости, 1858, № 11.

351. Торгуиаков В. М. Зависимая форма безглагольного диалектного предложения: некоторые синтаксические потенции и условия. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 217—222.

352. Тюрина Р. Я. К вопросу об именном словообразовании в диалектном языке (на материале лексики природы среднеобских говоров). — Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Томск, 1968, т. 2, с. 383—386.

353. Тюрина Р. Я. К вопросу о диалектной основе лексики среднеобских говоров (на материале лексики природы). — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, с. 91—97.

354. Тюрина Р. Я. Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья (к вопросу об особенностях диалектных лексико-семантических систем): Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1972, 325 с.

355. Тюрина Р. Я. Названия болотистых мест в говорах Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языка и его истории. Томск, 1972, с. 54—64.

356. Тюрина Р. Я. Некоторые вопросы лексической синонимии (на материале лексики природы говоров средней части бассейна р. Оби). — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов). Новосибирск, 1969, вып. 2, ч. 1, с. 179—181.

357. Тюрина Р. Я. Некоторые принципы номинации природных объектов в говорах Среднего Приобья. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973, вып. 3, с. 71—77.

358. Тюрина Р. Я. Об энантиосемии в среднеобских говорах. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 104—111.

359. Черемисин П. Г. Современные говоры по нижнему течению р. Яи и их история: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1949.

360. Черных П. Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1957, 96 с.

361. Чигрик Г. М. Из наблюдений над бытовой лексикой кузнецких деловых памятников XVII в. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977. с. 38—43.

362. Чигрик Г. М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. — В сб.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 89—95.

363. Чигрик Г. М. О соотнесенности лексики старожильческих говоров Среднего Приобья и говоров Европейской России. — В сб.: Вопросы русского языка и его истории. Томск, 1972, с. 12—21.

364. Янценецкая М. Н. Диалектные устойчивые словосочетания в сопоставлении с фразеологией литературного языка. — В сб.: Доповіді та повідомлення звітно-наукової конференції професорсько-викладацького складу за 1964 р. Ровно, 1964, с. 65—71.

365. Янценецкая М. Н. О некоторых процессах в системе русского диалектного словообразования. — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом. Тезисы докладов. Волгоград (21—24 сент. 1982 г.). М., 1982, с. 95—97.

366. Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью. — В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965, с. 76—81.

367. Янценецкая М. Н. К вопросу о принципах отбора диалектных устойчивых словосочетаний в региональные словари.— Доповіді та повідомлення звітно-наукової конференції професорсько-викладацького складу за 1964 рік (тези). Ровио, 1964, с. 60—65.

369. Янценецкая М. Н. К вопросу о семантической соотносительности глаголов и отглагольных существительных в русском языке. — В сб.: Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976, с. 61—69.

369. Янценецкая М. Н. Наречные словосочетания в говорах Томской области. — В сб.: Вопросы русского языка. Томск, 1965, с. 41—49.

370. Янценецкая М. Н. Некоторые виды устойчивых словосочетаний в говорах Томской области. — Учен. зап./ Томск. пед. ин-т, 1964, т. 21, вып. 1, с. 14—23.

371. Янценецкая М. Н. Об использовании обратных диалектных словарей в лингвистических исследованиях. — Материалы межвузовской конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 5. с. 150—155.

372. Янценецкая М. Н. О функциональном аспекте диалектного словообразования (к постановке вопроса). — Тезисы докладов на Всесоюзной конференции по топонимике и говорам Алтая. Барнаул, 1979, с. 92—96.

373. Янценецкая М. Н. Предложные конструкции устойчивых словосочетаний в говорах. — Труды V зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962, с. 277—285.

374. Янценецкая М. Н. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1977, вып. 4, с. 116—127.

375. Янценецкая М. Н. Языковые условия актуализации словообразовательной структуры производных слов. — В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 92—99.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК

условных сокращений географических названий

В.-Кет. — Верхнекетский р-н

Кур. — Курья

Мох. — Мохово

М. Яр — Максимкин Яр

Крив. — Кривошеинский р-н

Был. — Былино

Ишт. — Иштан

Каз. — Казырбак

Пар. — Парабельский р-н

Гор. — Городище

Том. — Томский р-н

Арк. — Аркашево

Бат. — Батурино

Браж. — Бражкино

Верш. — Вершинино

В.-С. — Верхне-Сеченово

Губ. — Губино

Ип. — Ипатово

Калт. — Калтай

Карб. — Карбышево

Кафт. — Кафтанчиково

Кол. — Коларово

Кс. — Ксензовка

Нелюб. — Нелюбино

Нех. — Нехорошево

Петр. — Петрово

Яр. — Ярское

Шег. — Шегарский р-н

Марк. — Маркелово

СПИСОК

обследованных населенных пунктов *

1. Чердаты
2. Красноярка
3. Зырянское
4. Цыганово
5. Б.-Дорохово
6. Спасское
7. Барнашево
8. Мазалова
9. Баранцево
10. Турунтаево
11. Подломское
12. Халдеево
13. Семилужки
14. Кафтанчиково
15. Коларово
16. Ипатово
17. Батурино
18. Вершинино
19. Ярское
20. Варюхино
21. Алаево
22. Еловка
23. Екимово
24. Уртам
25. Кожевниково
26. Аркадьево
27. Десятово
28. В. Сеченово
29. Баткат
30. Каргала
31. Трубачево
32. Козюлино
33. Н. Иштан
34. Бабарыкино
35. Гынгазово
36. Маркелово
37. Тызырачево
38. Монастырское
39. Карнаухово
40. Никольское
41. Рыбалово
42. Чагино
43. Назырбан
44. Иштан Мингерский
45. Кривошеино
46. Жуково
47. Молчаново
48. Мойково
49. Игреково
50. Усть-Чулым
51. Даурск
52. М. Пашня
53. Б. Нестерово
54. М. Нестерово
55. Вялово
56. Алатаево
57. Луговская
58. Нарым
59. Городище
60. Ст. Каргасок
61. Б. Подъельник
62. М. Подъельник
63. Павлово
64. Киндал
65. Тымск
66. Петровка
67. Тогур
68. Волково
69. Север
70. Типсино
71. Усть-речка
72. Кетское
73. Мохова
74. Комарова
75. Б. Паново
76. Степаново
77. Марсимкин Яр
78. Нелюбино
79. Губино
80. Коломино
81. Петрово

* Номер населенного пункта в данном списке совпадает с номером на картах.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

ДО — Статейный список Дружины Огаркова 1635 г. ЦГАДА, ф. 214, стб. 73.

Кр. — Крестоприводная книга г. Томска 1647 г. ЦГАДА, ф. 214, кн. 204.

М-1 — Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1, М.—Л., 1937. Приложения.

М-2 — Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 2, М.—Л., 1941, Приложения.

Окл. — Окладная книга г. Томска 1643 г. ЦГАДА, ф. 214, кн. 153.

П. — Приходная книга г. Томска 1631—1632 гг. Рукопись, хранящаяся в научной библиотеке Томского университета.

Пт. — Роспись Ивана Петлина 1618 г. В кн.: сб. ОРЯС, т. 18, кн. 4, Спб., 1914.

Р. — Расходная книга г. Томска 1630—1631 гг. Рукопись, хранящаяся в научной библиотеке Томского университета.

СК. — Статейный список томского сына боярского Петра Копылова. 1646 г. ЦГАДА, ф. 214, кн. 252.

Т-1 — Таможенная книга г. Томска 1624—1625 гг. Рукопись, хранящаяся в научной библиотеке Томского университета.

Т-2 — Таможенная книга г. Томска 1627 г. Рукопись, хранящаяся в научной библиотеке Томского университета.

Т-3 — Таможенная книга г. Томска 1649 г. ЦГАДА, ф. 214, кн. 251.

Тх. — Статейный список Якова Тухачевского 1645 г. ЦГАДА, ф. 214, стб. 74.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОМЕТ

В. п. — винительный падеж
глаг. — глагол
Д. п. — дательный падеж
ед. ч. — единственное число
ж. р. — женский род
И. п. — именительный падеж
мн. ч. — множественное число
м. р. — мужской род
несов. — несовершенный вид
П. п. — предложный падеж
Р. п. — родительный падеж
скл. — склонение
сов. — совершенный вид
спр. — спряжение
ср. р. — средний род
суфф. — суффикс
сущ. — существительное
Т. п. — творительный падеж

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Имя существительное

Имя прилагательное

Местоимения

Глагол

РУССКИЕ ГОВОРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Часть I

ИБ 137

Редактор В. А. Малаховская

Художественный редактор О. П. Карпов

Технический редактор Г. Н. Гридина

Корректор Н. М. Шпагина

Сдано в набор 9/VI-83 г. Подписано к печати 14/XII-84 г. К303155. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 6,5+8 вкл.; уч.-изд. л. 11,2; усл. п. л. 11,76.

Тираж 1000 экз. Заказ 6080-22. Цена 1 р. 70 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.

Типогр. изд-ва «Красное знамя», 634029, Томск, ул. Советская, 47.

1 р. 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА